

Сергей Алымов

**П.И. Кушнер
и развитие
советской
этнографии
в 1920 – 1950-е годы**

МОСКВА 2006

История отечественной этнографии советского периода – сложный и драматический процесс. Несмотря на наличие определенного количества обзорных работ, а также специальных историографических исследований, он не получил еще в литературе адекватного описания и оценки. Между тем осмысление прошлого науки является необходимым условием ее дальнейшего плодотворного развития. Цель предлагаемой работы – внести вклад в решение этой задачи.

Одной из центральных проблем науковедения – и историографии отдельных наук – является проблема соотношения «внутренних» и «внешних» факторов развития науки. Под первыми понимаются когнитивные факторы, то есть накопление фактов, логика развития научных теорий и т.д., под вторыми – факторы социальные¹. В истории науки, и в истории этнологии/этнографии в частности, все большее признание получает подход, рассматривающий развитие научной мысли в контексте широкого комплекса интеллектуальных и социально-политических факторов. Зарубежных историков этнологии (социальной/культурной антропологии) в последнее время привлекает изучение «контекстуальности» антропологического знания, самого процесса его производства и функционирования в обществе². Схожие задачи были поставлены и в отечественной литературе³. С точки зрения истории науки не всегда правомерно жестко отделять ее от других сфер интеллектуального производства, таких как идеология, журналистика и т.д. Современная социология науки стремится отказаться от альтернативы «чистой науки» и «науки-служанки», полностью подчинен-

ной политико-экономическим интересам. В то же время очевидно, что существуют разные степени политизированности науки, зависящие от ее способности противостоять давлению внешних факторов⁴. «Поле» науки (по терминологии П. Бурдье) является «местом политической борьбы за научное доминирование» и успешное изучение его возможно «лишь при условии решительного отказа от абстрактной оппозиции» между «внутренним» эпистемологическим анализом и соотнесением истории научных проблем с «социальными условиями их возникновения»⁵.

В этой связи в историографии последних десятилетий активно разрабатывается проблема взаимодействия науки и идеологии, науки и власти. Идеология, то есть «система взглядов и представлений, дающих то или иное истолкование окружающей человека социальной реальности», имеет особенно большое влияние на социальные науки, является важнейшим компонентом социально-политической и интеллектуальной атмосферы, в которой развивается наука⁶. В ситуациях общественных кризисов, обострения идеологической борьбы указанное влияние еще более возрастает. Это напрямую относится к истории отечественной этнографии. В советское время неоднократно подчеркивалось, что данная дисциплина развивалась под знаком «прикладных задач», ее тематика и проблемы были тесно связаны с осуществляемой государством национальной политикой⁷. Современные исследователи продолжают изучать роль этнографов в осуществлении этой политики⁸. Данное направление представляется безусловно оправданным и плодотворным. Однако необходимо учитывать и то, что «абсолютизация внешних воздействий зачастую ведет к преуменьшению, а то и игнорированию внутренних факторов развития науки»⁹.

Актуальность данных проблем в историографии отечественной этнографии определяет выбор научного творчества П.И. Кушнера в качестве объекта исследования. Его творчество – интересный пример взаимодействия науки

с широким общественно-политическим и идеологическим контекстом. Среди этнографов П.И. Кушнер является одним из наиболее ярких воплощений своеобразного «тандема» науки и идеологии. П.И. Кушнер проделал долгий путь в этнографию, придя в нее из рядов большевистских партийных деятелей. Будучи и ученым, и, в определенной степени, политиком, он остро чувствовал идеологически актуальные темы, умел, как писали о нем сотрудники Института этнографии АН СССР (далее – ИЭ) «откликаться на широкие общественные запросы»¹⁰. Фигура П.И. Кушнера и его деятельность как бы совмещают в себе «внутренние» и «внешние» факторы развития науки, что свидетельствует о чрезвычайной условности их разделения. На примере творчества конкретного ученого в данной работе делается попытка показать противоречивые отношения науки и идеологии как своеобразных партнеров-антагонистов.

В то же время можно утверждать, что в творчестве П.И. Кушнера ярко отразились этапные события в истории советской этнографии в 1920–1950-е годы. Он не только участвовал в важных теоретических дискуссиях, но зачастую был их инициатором. Он был склонен к широким обобщениям, постановке теоретических вопросов. Это делает изучение его творчества интересным с точки зрения истории этнографической мысли. В 1920-е годы, когда марксизм не приобрел еще характера окаменевшей догмы, П.И. Кушнер был одним из ведущих марксистов-обществоведов. С позиций современного знания их теории имеют в основном историографическое значение, однако изучение этих теорий необходимо для воссоздания полной картины развития данной дисциплины, оказавшейся под их влиянием в ходе «марксизации». На примере его творчества можно проследить, какие научные и идеологические проблемы принес марксизм, его влияние на этнографическую науку в СССР. П.И. Кушнер пытался развивать эту теорию применительно к этнографии, интерпретировать с ее позиций полевой материал.

П.И. Кушнер разрабатывал этногеографическую проблематику, способствовал определению исследовательских приоритетов, свойственных этнографии в послевоенный период. Именно на 1940–1950-е годы приходится его окончательное становление как этнографа. В этот период он участвует в разработке ключевых исследовательских тем ИЭ АН СССР, что позволяет дать характеристику теоретических приоритетов данного периода в целом, уточнить историю центрального этнографического института страны.

Изучение творчества П.И. Кушнера позволяет осветить ряд проблем истории советской этнографии 1920–1950-х годов: становление марксистской интерпретации этнографического материала, проблему определения социального строя кочевых и полукочевых народов, изучение этнических территорий и этнических границ, изучение колхозного крестьянства.

Жанр научной биографии, в котором написана настоящая работа, предполагает рассмотрение деятельности и индивидуальности ученого в системе трех измерений: предметно-логического, социально-исторического и личностно-психологического. Первое означает рассмотрение его концептуального и методологического вклада в данную науку, второе и третье предполагают оценку роли ученого в научном социуме его эпохи и его влияние на науку как целостной личности. Таким образом, ставится задача, с одной стороны, показать «зависимость движения индивидуальной мысли (интеллектуальной биографии отдельного ученого) от надындивидуальных закономерных сдвигов в структуре научного познания», с другой – выявить его роль в развитии этой структуры. В то же время биограф обращается к изучению социальной обусловленности научного творчества, причем «социальное выступает не как фон, на котором разыгрывается “драма идей”, но как действенное начало этой драмы»¹¹.

Исходя из этих методологических оснований, основной целью данной работы является изучение ряда про-

блем развития советской этнографии на примере научного творчества П.И. Кушнера. Автором предпринята попытка: 1) рассмотреть жизненный путь ученого в широком историческом контексте; 2) исследовать основные направления его работы, его влияние на дальнейшую разработку этих направлений в отечественной этнографии; 3) осветить изменения, происходившие в указанный период в представлениях о задачах этнографической науки, и участие П.И. Кушнера в этом процессе; 4) рассмотреть на примере П.И. Кушнера роль политических и идеологических факторов в деятельности советских этнографов 1920–1950-х годов.

Основной акцент в исследовании сделан не на оценке научного наследия П.И. Кушнера с позиций сегодняшнего состояния научного знания, но на изучении его как исторического феномена, обусловленного комплексом интеллектуальных, идеологических, политических и личностных факторов. Чтобы обеспечить максимальную объективность, автор стремился избегать политических оценок, рассматривать жизненный путь и творчество П.И. Кушнера в контексте современной ему эпохи и достигнутого на тот момент уровня развития науки.

Источники, использованные автором, можно разделить на опубликованные и архивные. К первым относятся статьи и монографии П.И. Кушнера, а также современных ему этнографов, обществоведов, экономистов и партийных функционеров. Для описания дискуссий, возникавших вокруг работ П.И. Кушнера 1920–1930-х годов, привлекались публикации в журналах «Историк-марксист», «Известия ГАИМК», «Большевик» и др. Для изучения послевоенного периода деятельности П.И. Кушнера использовались в основном издания ИЭ АН СССР: журнал «Советская этнография», «Краткие сообщения» и «Труды» этого института. В отдельных случаях привлекались публикации в газетах и общественно-политических журналах, например, в «Новом

мире», «Советской Киргизии», «Правде», а также воспоминания историков А.И. Гуковского и М.Г. Рабиновича.

Книга основана в значительной мере на архивных источниках. Привлечены материалы Архива Российской академии наук – прежде всего, фонд Института этнографии. В этом фонде исследованы в основном материалы, характеризующие деятельность Института по подготовке этнических карт Восточной и Центральной Европы. Интерес также представляют хранящиеся в нем неопубликованные доклады П.И. Кушнера, посвященные проблемам этногенеза, этнических процессов. Важную роль сыграли материалы этого архива при изучении истории создания монографии «Село Вирятино в прошлом и настоящем», освещения истории этнографического изучения колхозного крестьянства в целом и др. Для освещения научно-организационной деятельности П.И. Кушнера, а также дискуссий о предмете этнографии, общественно-экономических формациях и т.д. использовались фонды Института истории Комкадемии, Общества историков-марксистов, Комкадемии, также хранящиеся в Архиве РАН.

В Архиве Института этнологии и антропологии РАН использованы документы фонда Русской экспедиции, содержащие полевые материалы к монографии «Село Вирятино в прошлом и настоящем», а также отчеты о ходе полевой работы в этом селе. Кроме того, в архиве имеются личные дела П.И. Кушнера и других этнографов. Также привлекались материалы этнографических совещаний, хранящиеся в Архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и Архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге.

В Государственном архиве Российской Федерации изучены материалы Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, освещающие учебный процесс в этом заведении, а также фонд Института этнических и национальных культур народов Востока при ЦИК СССР.

В работе использованы также материалы Российского государственного архива социально-политической истории, в частности фонд Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), содержащий материалы Комиссии по изучению кишлака и аула Средней Азии, а также доклад П.И. Кушнера об экономическом положении Киргизии. Кроме того, в фонде Общества старых большевиков, хранящемся в том же архиве, содержится его подробная автобиография.

В Центральном архиве общественно-политической истории Москвы имеется фонд партийной организации ИЭ, полезный для изучения идеологической стороны деятельности этнографов. Схожую информацию содержат некоторые документы фонда Отдела науки и культуры ЦК КПСС в Российском государственном архиве новейшей истории.

Документы научного и биографического характера получены из личного архива сына ученого – Г.П. Кушнера, использованы и его устные сообщения. Интересные сведения сообщили автору этнографы В.И. Козлов, Л.Н. Чижикова и Н.В. Шлыгина, в течение ряда лет работавшие совместно с П.И. Кушнером. Автор приносит им искреннюю благодарность.

Литература по истории отечественной этнографии рассматриваемого периода достаточно обширна. Специфика данной работы позволяет указать лишь ряд наиболее значимых публикаций. Самыми информативными работами советского периода являются статьи С.А. Токарева¹². Они обобщают сведения об основных этнографических учреждениях и ученых, а также предлагают периодизацию теоретического развития науки. Большая часть историографической литературы советского времени носит характер обзорных статей, приуроченных к различным датам. Это статьи С.П. Толстова, А.И. Першица и Н.Н. Чебоксарова, Ю.В. Бромля и др.¹³. Большую ценность в отечественной литературе 1980-х годов представляют историографические обзоры по отдельным теоретическим проблемам, в частности работы Р.Ш. Джарылгасиновой и Г.Е. Маркова¹⁴. В за-

рубежной литературе следует отметить публикации А. Вуцинича и Э. Геллнера, посвященные анализу основных теоретических постулатов советской этнографии¹⁵.

В 1990-е годы появились работы, пересматривающие оценки советского периода, по-новому освещающие общие процессы в науке. Одними из первых в этом ряду были работы Ю. Слезкина. Он рассмотрел процессы, происходившие в этнографии 1920–1930-х годов как одно из проявлений сталинского «великого перелома», а также указал на роль Н.Я. Марра и его учеников в этом процессе¹⁶. Взаимоотношения марризма, сталинской национальной политики и этногенетики были рассмотрены В.А. Шнирельманом¹⁷. Ряд публикаций посвящен взаимоотношениям этнографии и власти, участию этнографов в решении государственных задач¹⁸.

Значительное место занимают работы Т.Д. Соловей, посвященные дискуссиям о предмете этнографии, этнографическому образованию. Она же является автором монографии, посвященной истории отечественной этнографии первой трети XX в. В этих работах большое внимание уделяется дискуссиям о предметной области этнографии и внедрением в нее марксизма, названным ею «коренным переломом» в этнографии. Также Т.Д. Соловей подробно описала организационную структуру науки¹⁹. Данному периоду посвящена также монография Ф. Бертрана²⁰. В центре его внимания находится процесс легитимации науки и поиска ее «объекта»²¹.

Большой материал по истории отечественной этнографии был собран А.М. Решетовым. Им, в частности, была начата деятельность по сбору сведений о репрессированных этнографах²². Важный фактический материал содержат его статьи по истории Института этнографии АН СССР²³. Ценный источник по истории отечественной этнографии, дневник С.А. Токарева, был опубликован С.Я. Козловым и П.И. Пучковым²⁴. Для понимания роли ГАИМК в исторической науке 1930-х годов важна работа А.А. Формозова²⁵.

В 1990-е годы стал активно развиваться жанр научных биографий ученых-этнографов. Здесь в первую очередь следует отметить работы О.Ю. Артемовой, Ю.В. Ивановой, А.М. Решетова, А.А. Сириной и ряда других исследователей²⁶. Определенным итогом развития этого жанра стали коллективные труды «Репрессированные этнографы» (вып. 1 и 2) и «Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в.»²⁷. Первые две книги содержат научные биографии 29 этнографов, подвергшихся политическим репрессиям. Третья содержит статьи о 20 ученых, во многом определивших ход развития отечественных этнографии и антропологии в XX в. Характерной особенностью этих исследований является их широкая источниковая база: помимо опубликованных трудов, в них используются архивные документы, периодика, материалы, хранящиеся у родственников ученых, личные воспоминания. Одной из основных задач этих книг, по словам Д.Д. Тумаркина, было «осознание преемственности в истории» отечественных этнографии и антропологии XX в., выработка научно обоснованного подхода к наследию ученых, творивших в советскую эпоху²⁸.

Исследований, посвященных изучению жизни и творчества П.И. Кушнера, до недавнего момента не было. Обзорные статьи советского периода подчеркивали значимость его работ. С.П. Толстов назвал «Очерк развития общественных форм» П.И. Кушнера «первой в советской литературе попыткой дать марксистское освещение истории первобытно-общинного строя»²⁹. Книга «Горная Киргизия» П.И. Кушнера, как правило, называлась первой в ряду советских работ, посвященных «проблеме общественного строя того или иного народа»³⁰. Однако попытка проследить жизненный и творческий путь данного ученого в контексте развития науки, осветить его общественно-политические взгляды, а также влияние, оказанное им на развитие этнографии, была предпринята впервые автором³¹. Значительное внимание в настоящей работе уделяется периоду конца

**Основные вехи
жизненного пути
П.И. Кушнера**

Павел Иванович Кушнер (Кнышев) родился 14 (26) января 1889 г. в г. Гродно. Его отец, Иван Гаврилович Кнышев (1845–1894), был судебским чиновником, членом окружного суда, мать – Любовь Моисеевна Кушнер (1862–1933) – актриса. Семья была многодетной: шесть детей. Однако брак не был официально зарегистрирован, так как Любовь Моисеевна не хотела переходить из иудаизма в православие. В 1894 г. Иван Гаврилович умер. После его смерти вдове было отказано в пенсии, и семья практически лишилась средств к существованию. Любовь Моисеевна была вынуждена переехать в Ригу к родственникам мужа и поступить на работу гувернанткой, детей же разместить по приютам, у родственников или отдать в услужение.

Павла взяла на воспитание дальняя родственница Т.А. Афанасьева, жившая в Гродно. Она работала акушеркой, зарабатывала мало, однако хотела во что бы то ни стало дать своему воспитаннику образование. Поступление в гимназию было затруднено. Павла как «незаконнорожденного» не сразу допустили к экзаменам. Плату за обучение собирали по подписке среди знакомых, затем подписку делали сами учителя.

С 13 лет Павел начал зарабатывать уроками, а с 15 лет вынужден был содержать не только себя, но и парализованную к этому времени родственницу. Помимо учебы уже в это время он начинает интересоваться политикой. В одной из автобиографий он вспоминает происшедший в 1902 г. случай, который способствовал пробуждению этого

интереса. Накануне 1 мая поползли слухи, что Гродно будет подожжен «социалистами», и действительно за городом появилось зарево. По соседству с домом, в котором жил Павел, были казармы, он общался с солдатами, и один из них объяснил ему, что зарево – от поджога риги восставшими батраками в одном из имений, а 1 мая с пожарами не связано и является «международным праздником борьбы рабочего класса». С этого момента гимназист начал читать газеты и искать встреч с людьми, способными объяснить ему положение вещей. Во время русско-японской войны он знакомится с антивоенными листовками и начинает интересоваться революционной литературой. Через одноклассника Павел попал в один из социал-демократических кружков, но, как вспоминал он позднее, «побывав в кружке два раза, я не пошел больше туда, так как в кружке проходили «Историю культуры» Липперта и жарко спорили о том, какая форма брака существует у голубей, а мне хотелось сразу окунуться в большие практические вопросы»¹.

Известия о «кровавом воскресенье» потрясли молодого человека и способствовали радикализации его политических взглядов. Осенью 1905 г. он вступил в социал-демократический кружок, ставший вскоре чисто большевистской «гродненской группой РСДРП». В это время ему было 16 лет. Кружок выпускал листовки, проводил демонстрации. На одной из них в декабре 1905 г. молодой революционер был сильно избит казаками, долго лежал на снегу. Простуда осложнилась туберкулезом, ставшим с тех пор хроническим заболеванием. 1906 г. П. Кушнер провел частично в больнице, затем поправлял здоровье на Рижском взморье, зарабатывая уроками. В конце года он вернулся в Гродно, однако уже весной 1907 г. за организацию ученической забастовки был исключен из гимназии и переехал в Ригу.

Там Кушнер продолжил как учебу в гимназии, так и революционную деятельность, связавшись с местной организацией социал-демократии Латышского края. Он органи-

зовал в учебных заведениях Риги 5 социал-демократических кружков. Кроме того, Кушнер был избран гимназистами членом правления и казначеем принадлежащего Александровской гимназии (в которой он учился в Риге) катка. Половину получаемой им выручки молодой революционер отдавал «партийному Красному Кресту», занимавшемуся помощью арестованным и сосланным. Изгнан из гимназии он был все же не за это, а «по подозрению в устройстве обструкции во время пения “Боже, царя храни” на гимназическом вечере»². Это произошло за месяц до выпускных экзаменов. Путь в высшую школу был закрыт как из-за неоконченной гимназии, так и потому что полиция отказалась дать свидетельство о «политической благонадежности». Кушнер устроился на работу конторщиком Риго-Орловской железной дороги, где проработал до 1915 г. Свободное время он по-прежнему посвящал в основном нелегальной работе.

Осенью 1908 г. рижскими социал-демократами ему было поручено наладить связи с русскими рабочими. Для этого был организован «Русский культурный центр», под нейтральной вывеской которого шла партийно-пропагандистская деятельность. В октябре 1908 г. состоялось первое заседание «центра», состав которого был набран Кушнером. До этого социал-демократы вели пропаганду среди русских рабочих в Риге, однако число сочувствовавших не превышало 25–30 человек, тогда как в городе их насчитывалось 25–30 тысяч³. К тому же, после 1905 г. наиболее активные рабочие были уволены и на их место набраны люди из деревни, согласные работать на любых условиях⁴.

Рига была поделена социал-демократами на 5 районов, делившихся на подрайоны и т.д. Низовой организацией был кружок. Каждый член организации был обязан состоять в кружке и платить 1% своего заработка на его нужды. Кружки были «элементарные» и «теоретические». В первых обсуждались текущие дела, во вторых изучали политэкономии и готовили агитаторов. Главной заботой Русского культурного центра был рост численности членов

кружков – к апрелю 1912 г. в них насчитывалось 130 человек во всех районах города. Устраивались маевки, выпускались листовки; «женский день» на текстильных фабриках вызвал забастовку с экономическими требованиями. «В этот период, – вспоминает один из революционеров, – работа РКЦ исключительно велась под руководством тов. Кушнера<...>»⁵. Опубликована одна из написанных Кушнером листовок. Она была отпечатана в 1912 г. и посвящена годовщине «кровавого воскресения». Эмоциональный текст о бедности крестьян, бесправии рабочих и репрессиях заканчивался выводом: «<...>пока существует царская, самодержавная власть, никакие улучшения в жизни нашей невозможны. Только при демократической республике возможна будет успешная борьба против других наших врагов – капиталистов и всего буржуазного общества»⁶. Возглавляемая Кушнером организация была чисто большевистской, что создавало постоянный конфликт между «Центром» и ЦК РСДРП Латышского края. Павел Иванович был известен в большевистских кругах под кличкой «Кньш».

В эти годы определилась и сфера будущих научных интересов Кушнера. Детские впечатления о кружке, интересовавшемся «формой брака у голубей», не отпугнули молодого человека. «Гуманитарными науками, в особенности историей культуры, – вспоминал он, – начал интересоваться еще в гимназии. В 1910 г. читал первый публичный доклад в просветительском обществе «Вестник знания», а в период 1913–1915 гг. прочел ряд докладов в рабочем просветительском обществе «Образование» по истории русской литературы, по истории культуры и по политэкономии»⁷. Это также было связано с деятельностью РКЦ. В Риге существовало большое количество различных обществ (певческих, вспомоществования и т.д.). РКЦ удалось проникнуть в одно из таких обществ – «Вестник знания», впоследствии они добились легализации общества «Образование». Общества подразделялись на секции: литературную, общественных наук, драматическую и т.д. Один из участников РКЦ вспо-

минает: «Собрания происходили в «Образовании» ежедневно. Рабочие по вечерам, в особенности с субботы на воскресенье, приходили со всех районов Риги верст за 10. Тут они получали развлечение и душевный отдых. У нас была своя группа из самих рабочих <...> литературная секция, где читал лекции т. Кушнер о русской литературе, была и секция общественных наук, где помимо лекций т. Кушнера по политэкономии, разбирались злободневные вопросы. Тут рабочий получал книгу, журнал, газету; отсюда давалась инициатива для производства сборов на выходившую в Петербурге газету «Правда»⁸.

После объявления мобилизации в связи с началом войны участники РКЦ готовили выступления и антивоенную агитацию на сборных пунктах, однако ЦК социал-демократической партии Латышского края занял выжидательную позицию. Вслед за этим последовал фактический разгром организации: многие были призваны в армию, арестованы или уехали из Риги. В числе последних был и «Кныш».

Сначала вместе с управлением Риго-Орловской железной дороги молодой революционер переехал в Орел, но вскоре бросил службу и отправился в Москву. Здесь он устроился служащим в Союз городов и наладил связи с московским комитетом большевиков. Вечерами же посещал лекции в Народном университете им. А.Л. Шанявского – негосударственном учебном заведении, в котором могли обучаться все не имевшие возможности поступить в обычные университеты⁹. Подобно Н.М. Маторину и некоторым другим научным деятелям своего поколения, он не получил систематического высшего образования, восполняя это активным самообразованием.

В 1917 г. П.И. Кушнер стал активным участником революционных событий. В феврале он был избран во Временный революционный комитет г. Москвы и в исполком Московского совета рабочих депутатов. Во время Октябрьской революции он являлся членом Московского военно-

революционного комитета и принимал непосредственное участие в переговорах с оборонявшими Кремль юнкерами. После революции Кушнер работал заместителем Московского областного комиссара труда, затем членом коллегии Наркомтруда и принимал участие в разработке первого советского Кодекса законов о труде.

В январе 1919 г. Кушнер ушел добровольцем на фронт и вскоре по распоряжению Всероссийского бюро военных комиссаров стал начальником первой разъездной группы лекторов, читавших лекции по истории культуры и на различные актуальные темы в частях Красной Армии. В конце этого года он был отозван в распоряжение Турккомиссии ЦК и направлен в Туркестан. Там он работал сначала в качестве члена коллегии Крайкомтруда и председателя комитета по трудовой повинности, а с весны 1920 по весну 1921 г. – начальником Политического управления Туркестанского фронта. Одновременно он был председателем Ташкентского Горкома РКП, членом ЦК компартии Туркестана, членом Ташкентского Горсовета и Туркестанского ЦИКа. Еще до переезда в Ташкент Кушнер прочитал курс лекций по истории первобытной культуры для слушателей Центральных курсов агитаторов и пропагандистов при ЦК РКП(б). В Ташкенте он также читал лекции по истории первобытной культуры – на курсах агитаторов, повышения квалификации педагогов и т.д. В начале 1921 г. участвовал в боевых действиях против бухарского эмира. Затем последовало назначение членом Реввоенсовета X армии, но по приезде на Кавказ Кушнер почувствовал обострение туберкулеза и был демобилизован.

Между тем 31 декабря 1920 – 4 января 1921 г. в Москве состоялось первое партийное совещание по вопросам народного образования, оказавшее влияние не только на образование, но и, по всей видимости, на судьбу Кушнера. На этом совещании видный историк и заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский внес предложения, определившие, по мнению историка советской исторической науки

и интеллигенции Л.В. Ивановой, главные направления подготовки кадров общественных наук в 1920-е годы. В частности, он предложил начать «систематический отбор научных сотрудников по общественным наукам из числа партийной молодежи, хотя бы и не получившей законченного университетского образования, для подготовки из них <...> нового преподавательского кадра» и «немедленно мобилизовать для чтения курсов по общественным наукам в высшей школе всех членов партии с соответствующими способностями и стажем»¹⁰. Среди этих партийцев, направленных в высшую школу, оказался и Павел Иванович: в 1921 г. он начинает преподавательскую деятельность в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова.

Коммунистический университет – первое учебное заведение, созданное большевиками в качестве альтернативы старым университетам. Новой власти требовалась новая управленческая элита, соответствующим образом идеологически подготовленная. Эту задачу и должны были решать комуниверситеты и партийно-советские школы, возникшие в первые послереволюционные годы. Начало работы «Свердловии» (как в те годы называли данное учреждение) относится к лету 1918 г. Тогда по инициативе Я.М. Свердлова при ВЦИК были созданы курсы агитаторов и пропагандистов. Обучение в них продолжалось всего несколько недель. Вскоре эти курсы были преобразованы в Центральную школу советской и партийной работы, а в июле 1919 г. – в Коммунистический университет. В 1921 г. были открыты также Петроградский комуниверситет, а в Москве – Коммунистический университет трудящихся Востока и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада.

«Особая роль партийных вузов, – отмечает Л.В. Иванова, – определялась тем, что состав студенчества в них был в основном пролетарским и партийным, а также тем, что Коммунистическая партия, создав эти школы, непосредственно руководила их деятельностью»¹¹. Агитационно-про-

пагандистский отдел ЦК определял условия приема в «Свердловию», комиссией под его руководством (в нее входили ректор В.И. Невский, историк М.Н. Покровский, экономист И.И. Скворцов-Степанов и др.) разрабатывались программы по общественно-экономическим дисциплинам. Преподавателями в данном вузе были многие видные большевики: нарком просвещения А.В. Луначарский читал курс по истории культуры, М.Н. Покровский – по истории России, курс «Современное народное хозяйство России» вел зам. председателя ВСНХ В.П. Милютин и т.д. В 1919 г. две лекции о государстве прочитал сам В.И. Ленин. Слушатели также подбирались по принципу партийности: для поступления была необходима рекомендация парторганизации, беспартийные студенты составляли ничтожный процент. Уровень образования ценился не столь высоко: большая часть поступавших (к примеру, в 1920 г. – 68%) имела лишь низшее образование. Им преподавали общеобразовательные дисциплины: русский язык, математику и т.д.¹² Обучение шло на двух уровнях: теоретическом и практическом. Основными теоретическими предметами были политэкономия, история партии, история народного хозяйства, история России, Запада, история развития общественных форм. Практические предметы были непосредственно связаны с будущей деятельностью выпускников: партийное и советское строительство, руководство печатью, пропагандой и т.д. Курс обучения длился три года. Распределялись выпускники через учетно-распределительный отдел ЦК в наркоматы и другие государственные органы. Выпускники лекторских курсов при Комуниверситете также становились преподавателями общественных наук.

В Коммунистическом университете Павел Иванович стал преподавателем истории развития общественных форм – предмета, появившегося в учебных планах университетов и других вузов в начале 1920-х годов и часто именовавшегося в характерной для того времени манере сокращенно – «ироф». Причины возникновения и содержание этого пред-

мета будут подробно рассмотрены во второй главе. Здесь же отметим, что его появление было частью провозглашенного большевиками курса на «завоевание высшей школы».

В 1919 г. произошла реорганизация в Московском и Петроградском университетах. Вместо старых гуманитарных факультетов были созданы ФОНы – факультеты общественных наук, имевшие экономическое, политико-юридическое и историческое отделения. Их целью, как писали в те годы, было «на некоторой общей научной марксистской базе (экономической, исторической и философской) дать учащемуся и некоторую специализацию»¹³. С этого же времени в учебные планы ФОНов включены марксистские курсы, в числе которых был «ироф»¹⁴. Это было зарождение системы «общественно-политического минимума», обязательного для всех гуманитарных вузов. Так, в Московском университете на этнологическом факультете в 1928–1929 гг. были следующие общефакультетские предметы: исторический материализм, история ВКП (б), история Западной Европы XIX и XX вв., история России XIX и XX вв., основы ленинизма, основы советской конституции, полиэкономика, советское хозяйство и экономическая политика СССР, а также история развития общественных форм. Последний читался для студентов первого курса П.Ф. Преображенским (он также вел общий курс этнологии) и освещал важнейшие вопросы социальной истории, начиная с древнейших времен и заканчивая политикой империализма: структура первобытной орды, ранние формы хозяйства, родовой строй, первобытное и феодальное государство и т.д. В качестве пособий П.Ф. Преображенским предлагались «Социология» М. Ковалевского, «Сравнительная история человеческого общества и общественных форм» К. Тахтарева, а также книги А. Лоуи, Г. Шурца, Ф. Энгельса и др.¹⁵ Преображенский предполагал опубликовать «Историю и развитие общественных форм (Опыты построения генетической социологии)»¹⁶. Книга под таким названием выпущена не была, однако материал этих лекций, видимо, вошел в его «Курс

этнологии». Преподававший в Коммунистическом университете им. Зиновьева известный историк Н. Андреев опубликовал пособие по «ироф»¹⁷ у в виде хрестоматии из важнейших этнографических и исторических сочинений, распределив их по разделам: дородовое общество, родовое, феодалное и буржуазное¹⁷. Учебник был рассчитан на студентов-первокурсников. П.И. Кушнер также составил хрестоматию из классических этнографических текстов «Первобытное и родовое общество»¹⁸. Вышли и другие пособия. Самым известным – и самым растиражированным (семь изданий с 1924 по 1929 гг.) – стал «Очерк развития общественных форм» П.И. Кушнера.

В 1924 г. вышло первое издание этой книги. В том же году Кушнер стал заведующим кафедрой истории развития общественных форм. Благодаря отмене в 1918 г. ученых званий он стал профессором не только без защиты диссертации, но и без законченного высшего образования. Наиболее известными сотрудниками данной кафедры были А.И. Гуковский и О.В. Трахтенберг. С середины 1920-х годов они выпустили под редакцией Кушнера ряд учебников для школ, рабфаков, техникумов и т.д.¹⁹ А.И. Гуковский получил еще до революции юридическое образование, работал в первые годы советской власти в различных государственных учреждениях, в 1921 г. был среди первого набора слушателей Института красной профессуры. Впоследствии он стал специалистом по отечественной истории, преимущественно Гражданской войны, О.В. Трахтенберг – историком философии. А.И. Гуковский позднее вспоминал о работе в комуниверситете: «Заведовал кафедрой в Свердловке Павел Иванович Кушнер – признанный “патриарх ИРОФ”. Вероятно, прошло уже несколько десятков лет, как нам не приходилось встречаться, но мне кажется, он и сейчас должен быть такой же молодой, красивый, с черным галстуком широким бантом, похожий на поэта, с мелодичным грудным голосом. Деликатный и настойчивый, широко образованный и скромный, он собрал вокруг себя интересных людей»²⁰.

Сотрудниками кафедры также были В.С. Сергеев (отец Ю.В. Бромлея), Б.И. Мартов (Кремлев), М.М. Себенцова, Т.М. Шепунова и др.

Сохранились планы работы кафедры. В 1924 г. курс состоял из 11 тем: первобытное хозяйство, орда и ее строение, происхождение речи, раннеродовое хозяйство, родовые (тотемные) группы, возникновение религии, патриархальный род, племя, разложение родового строя, феодализм и возникновение городов. В качестве пособий, помимо «Очерка» Кушнера, рекомендовались «Происхождение брака и семьи», «Очерк по истории первобытной культуры», «Возникновение религии и веры в бога» Г. Кунова, «История первобытной культуры» Г. Шурца, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, «Социология» М. Ковалевского, «Краткий курс экономической науки» А. Богданова и И. Скворцова-Степанова и другие обобщающие работы²¹. Занятия проводились, по-видимому, следующим образом: П.И. Кушнер читал вводные лекции по основным темам курса, потом студенты разбивались на «кружки» и прорабатывали эти темы под руководством преподавателя. Затем следовала заключительная лекция Кушнера. Изучение некоторых тем сопровождалось экскурсиями: в этнопарк, Исторический музей, «обследованиями» православных, католических и баптистских храмов. Наиболее своеобразной была, пожалуй, программа по теме «Брак и семья». В качестве пособий, помимо «Очерка развития общественных форм», указаны работы Г. Кунова, а также А. Коллонтай, Л. Троцкого и Кодекс законов о браке и семье. На занятии разбирались: вопрос о промискуитете, теории Бахофена и Вестермарка, групповой и парный брак, причины возникновения многоженства и многомужества, а также направление развития брака и семьи в советском обществе. В качестве контрольных вопросов студентам предлагалось ответить, идет ли это развитие в направлении длительного парного брака или беспорядочного полового общения, сохранится ли семья в будущем и при каких услови-

ях можно уничтожить проституцию²². Подобные «привязки» истории к современности были и в других темах.

Уже в 1920-е годы много говорилось о схематизме курса истории общественных форм. Определенный кризис к концу десятилетия наметился и в практике кафедры. На заседаниях осенью 1928 г. отмечались плохая успеваемость студентов и «ликвидационные настроения» по отношению к предмету. Впрочем, среди преподавателей не было единого мнения относительно того, чему приписать эти настроения – мнению студентов или влиянию учебной части. Незадолго до этого, летом 1928 г., ею был резко сокращен учебный план по «ироф», причем преподавателей даже не поставили в известность. В.С. Сергеев отмечал преобладание у студентов «общих социологических рассуждений» и слабое знание фактов²³. Этому, видимо, значительно способствовал так называемый лабораторный метод – фактически заочное обучение, при котором преподаватель проводил только вводное и итоговое занятия. Впрочем, еще в конце октября 1928 г. Кушнер, видимо, смотрел на будущее своей кафедры с определенным оптимизмом и предложил включить в рассчитанный на длительный срок план ее работы две основные темы: «<...> а) вопрос об общественных формациях и б) учение об отсталых народах (марксистская этнология). Одновременно вести информацию о современном состоянии науки – буржуазной и марксистской – в области указанных проблем»²⁴.

Симптомом, свидетельствовавшим о некотором неблагополучии и отсутствии удовлетворения своей деятельностью среди сотрудников кафедры, явился ряд публикаций, появившихся в 1927 г. в «Историке-марксисте», журнале, издаваемом Обществом историков-марксистов. Так, Гуковский опубликовал отнюдь не хвалебную рецензию на «Очерк» своего шефа. Он отмечал, что «Очерк» стал основным учебным пособием для комвузов, однако учащийся не способен его усвоить и «вынужден принимать социологические обобщения как абстрактные схемы». Более подробно

критика Гуковского будет рассмотрена в соответствующем разделе, здесь же отметим то, что в целом он выразил сомнение в возможности использования «Очерка» в качестве учебника²⁵. Другой автор, Н. Редин, в полемической статье в целом повторил претензии Гуковского: курс слишком «абстрактен» и чрезмерно подчеркивает общность исторического развития²⁶.

Кушнер отвечал на критику, отстаивая право «ироф»'а на существование. Однако в 1929 г. он оставил работу в Комуниверситете. Причины этого окончательно установить трудно. Возможно, было какое-то давление со стороны руководства. Сам Павел Иванович в качестве причины указывал на собственную неудовлетворенность учебным процессом: «В конце 1929 г. я перешел на газетную работу, так как чувствовал, что т.н. лабораторный план приводит меня к деградации как научного работника. Лекции по истории общественных форм я продолжал читать в Государственном Институте журналистики, но как подсобное, а не основное занятие»²⁷. В 1932 г. Комуниверситет был преобразован в Высший коммунистический сельскохозяйственный университет, а затем на его базе была создана Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б).

Окончательную точку в истории «ироф»'а поставило, по-видимому, известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР». 16 мая 1934 г. «Правда» опубликовала передовицу «За высокое качество советской школы», в которой содержалась критика школьных учебников, подменявших «связное изложение гражданской истории» «социологическими схемами». В качестве единственного объекта этой критики выступал учебник Гуковского и Трахтенберга. Вместо разработки «абстрактных определений социально-экономических формаций» и социологических схем постановление призывало к изучению важных исторических явлений, деятелей и вниманию к хронологическим датам. Интересно

отметить, что те же Гуковский и Трахтенберг были включены в группу, готовившую учебник по средним векам²⁸.

Возвращаясь немного назад, отметим события первой половины 1920-х годов, имевшие влияние на дальнейшую научную и политическую карьеру Кушнера. В 1923 г. он участвовал в партийных дискуссиях на стороне троцкистской оппозиции. Этот эпизод известен из автобиографии 1932 г., написанной им для вступления в Общество старых большевиков. Тогда он, оправдываясь, ссылаясь на обострение туберкулеза в 1922–1923 гг., из-за которого он «оторвался» от партийной жизни и, вернувшись из санатория, выступил с резкой критикой подбора кадров в Краснопресненском райкоме Москвы: «По существу это было троцкистское выступление. На общем собрании студентов я потом не выступал, но когда голосовали резолюцию, я голосовал за троцкистскую резолюцию (по организационному вопросу)». Впрочем, в том же году он отошел от троцкистов и позднее претензий по партийной линии не имел²⁹.

В 1925 г. в научной биографии П.И. Кушнера произошло событие, ставшее важным этапом на пути приобщения его к этнографической проблематике. Ученый совершил экспедиционный выезд в Киргизию, в итоге которого была написана книга «Горная Киргизия» (1929). Этот сюжет будет специально рассмотрен во второй главе.

Как уже говорилось, Комуниверситет был создан большевиками для проведения в жизнь курса на «завоевание высшей школы». Однако этим данный курс не исчерпывался. Уже в первые годы советской власти правительство стало искать способы реформирования и подчинения всей системы научных и учебных организаций. Для этого создавалась сеть марксистски ориентированных научных учреждений, которые должны были стать альтернативой старой Академии наук. Так, в 1918 г. была основана Социалистическая академия социальных наук (позднее – Коммунистическая академия). В 1921 г. – Институт красной профессуры, готовивший преподавателей экономики, социологии и фи-

лософии. В том же году при ФОНе МГУ возникает Институт истории, вошедший в созданную в 1924 г. Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов по общественным наукам (РАНИОН). А. Вуцинич насчитывает более 100 новых марксистских научных организаций, созданных в 1920-е годы³⁰. При Комакадемии 1 июня 1925 г. открылось Общество историков-марксистов, председателем которого был избран главный историк-марксист и заместитель наркома просвещения М.Н. Покровский. В задачи общества входила консолидация кадров марксистов на «историческом фронте», разработка марксистской методологии истории и борьба с «буржуазными извращениями» в этой области³¹. Общество делилось на секции: методологическую, истории России и ВКП(б), истории Запада, истории Востока, а также истории общественных форм, переименованную вскоре в социологическую. Секция должна была заниматься следующими темами: 1) вопрос о месте истории общественных форм в системе других общественных наук, 2) вопросы методологии, 3) вопросы периодизации истории, 4) организация рефератов по состоянию исторической науки за границей и 5) подготовка популярной литературы³².

История данной секции показательна как с точки зрения понимания места Кушнера среди московских этнографов, так и организационно-теоретической ситуации в этнографии того времени. Кроме того, именно в рамках этой секции наиболее последовательно проводилось внедрение формационной теории в этнографию. Состав секции носил «междисциплинарный» характер. В 1929 г. в ней насчитывалось 26 человек, специализировавшихся на самых разных темах и исторических периодах. В работе секции принимали участие многие московские этнографы: М.О. Косвен, М.Т. Маркелов, В.К. Никольский, П.Ф. Преображенский, видные историки и «идеологические работники»: В.П. Волгин, Е.А. Косминский, В.Б. Аптекарь, С.С. Кривцов, С.Д. Сказкин, М.М. Минц, С.В. Бахрушин, А.Д. Удальцов и др.

С 1929 г. социологическая секция числилась в составе Института истории, переданного в том же году в структуру Комакадемии. Тогда же во главе ее становится П.И. Кушнер. 27 февраля 1929 г. состоялось организационное совещание членов Института истории, работающих в области «социологии и археологии», на котором, после информации Кушнера о задачах секции, было как бы заново постановлено «считать целесообразным создание при Институте истории социологической секции, в задачу которой должно войти изучение конкретных формаций, причем этнологи в результате изучения формаций должны заняться разработкой учения об отсталых народностях»³³.

В октябре 1929 г. бюро секции было утверждено в следующем составе: П.И. Кушнер – председатель, А.И. Гуковский – секретарь, а также А.Д. Удальцов, В.П. Волгин и С.А. Токарев³⁴. Последний заведовал организацией экспедиций. Таким образом, «верхушку» секции составляли люди партийные (за исключением Токарева), участвовавшие в создании новых научно-учебных центров (специалист по аграрной истории Средневековья Удальцов был одним из активных историков-коммунистов, преподавал в Комакадемии, а специалист по утопическому социализму Волгин вскоре, после чистки в Академии наук в 1930 г., стал ее ученым секретарем), настроенные промарксистски.

Работа секции была в основном сконцентрирована на проблемах докапиталистических обществ и в целом соответствовала парадигме и проблематике «истории развития общественных форм» или генетической социологии. В качестве свидетельства этого интерес представляет докладная записка А.И. Гуковского³⁵, адресованная Кушнеру, Удальцову и некоторым другим работникам. В ней утверждалось, что генетическая социология является «наиболее уязвимым участком» на «идеологическом фронте» и не привлекает достаточного внимания марксистов. Признаком активизации буржуазных течений в области социологии является, в

частности, то, что на намечающейся конференции этнографов Москвы и Ленинграда докладчиками по теоретическим вопросам назначены В.Г. Богораз, П.Ф. Преображенский, «а также ученик последнего и ярый приверженец самостоятельного существования “этнологической науки” аспирант РАНИОНа Толстов»³⁶. Предложения Гуковского сводились к необходимости активизировать работу секции в двух направлениях. Во-первых, нужно отстаивать переживающий кризис предмет «ироф» («Во многих местах поговаривают о его упразднении...»). Во-вторых, социологическая секция должна усилить внимание к полевым работам и их идеологическому руководству и «явиться центром, в котором будут сосредоточиваться и координироваться все этнографические планы различных комиссий и институтов Коммакадемии»³⁷.

Наибольшую активность в работе секции проявляли этнографы. Список разрабатывавшихся ими тем, поданных в качестве заявок в октябре 1929 г., очерчивает социолого-этнографическую проблематику их исследований:

П.Ф. Преображенский: 1) родовой строй и формирование раннефеодальных отношений (туркмены); 2) генезис ранних религиозных форм в связи с социальной ролью жречества. Летняя экспедиция в Хорезм.

М.О. Косвен: 1) происхождение материнского рода; 2) ранние формы политической организации. Экспедиция для стационарной работы в Хевсурии и Пшавии.

М.Т. Маркелов: 1) родовой строй у угро-финских народов (в частности, проблема рода у волго-камской группы); 2) религиозные верования у той же группы. Экспедиция на Алтай.

В.К. Никольский: 1) проблемы родового общества; 2) проблемы анимизма. Командировка в Гамбург, Франкфурт-на-Майне и в Британский музей.

П.И. Кушнер: 1) разложение родового строя у каркиргизов и казаков-киргизов; 2) проблема общественных формаций.

С.А. Токарев: 1) хозяйственные и технологические условия возникновения родового строя (материнский род на примере Меланезии); 2) сохранение родовых отношений в классовом обществе (род в Китае). Экспедиция на Алтай.

На основании данных заявок было решено выдвинуть две узловые проблемы для коллективной работы: разложение родовых отношений и генезис классового общества, в частности, феодализма, на примере в основном народов СССР (предварительно намечались доклады о сущности родового строя и феодализма) и генезис капитализма³⁸. М.О. Косвену было поручено составить библиографию работ, находившихся в распоряжении Маркса и Энгельса при формировании их взглядов на проблемы генетической социологии и первобытного коммунизма. Также было признано желательным издание «социолого-этнографического журнала» и выделение постоянного социологического отдела в «Историке-марксисте». Издательский план должны были разрабатывать М.О. Косвен и В.Б. Аптекарь³⁹.

Среди экспедиционных планов секции самым амбициозным был проект Алтайской экспедиции по изучению родовых отношений, назначенной на лето 1930 г. В ее состав должны были войти П.И. Кушнер (начальник экспедиции), М.Т. Маркелов, С.А. Токарев, М.Г. Левин, С.П. Толстов, А.Д. Дэвлет и др.⁴⁰. Кроме того, на 1930 г. было запланировано продолжение работ Среднеазиатской экспедиции под руководством П.Ф. Преображенского, и командировка М.Т. Маркелова к вотякам⁴¹. М.О. Косвен проводил полевое изучение хевсуров и пшавов (горных грузин). В ноябре 1929 г. экспедицию на Алтай решено было перенести на 1931 г. В итоге она не состоялась вообще, и единственным, кто работал на Алтае, был С.А. Токарев, написавший на основе этих выездов свою первую монографию «Докапиталистические пережитки в Ойротии».

Социологическая секция была одним из эпицентров развернувшихся повсеместно на рубеже 1920–1930-х годов дискуссий о социально-экономических формациях и о

марксизме в общественных науках. Это было связано с самим статусом социологии в системе общественных наук. В 1920-х годах социология (не только марксистская) стала крайне модной и бурно развивавшейся наукой. Ко многим теориям 1920-х (в частности, М.Н. Покровского) впоследствии применяли термин «социологизм» («вульгарный»). «Социологизм» можно считать первым этапом марксизации общественных наук. По общетеоретическим проблемам при непосредственном участии или под председательством П.И. Кушнера состоялся ряд дискуссий: о книге историка Д.П. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы», в ходе которой автор был раскритикован (в том числе и Кушнером) за веберизанство, риккерианство и т.д. (1928 г.), дискуссия по докладу В.Б. Аптекаря «Марксизм и этнология» 7 мая 1928 г., о марксистском понимании социологии (22 февраля 1929 г. на открытом заседании секции под председательством Кушнера), наконец, доклад самого Кушнера «Об общественно-экономических формациях» в Обществе историков-марксистов 27 ноября 1930 г.⁴²

Последний доклад имел принципиальное значение для всех работавших в Институте истории историков и этнографов, поскольку из теории формаций исходили все марксистские теоретические построения и интерпретации исторического, а также полевого этнографического материала. Даже организационная структура соответствующих учреждений (Института по изучению народов СССР, ГАИМК и др.) на рубеже 1920–1930-х годов была перестроена в соответствии с формационной схемой. В этот же период развернулись ожесточенные дискуссии, суть которых сводилась к интерпретациям формационной теории. Участники дискуссий были едины в ее позитивной оценке, но не могли прийти к единству относительно конкретного содержания теории применительно к практически каждому историческому периоду или региону. П.И. Кушнер, естественно, был среди энтузиастов «марксизации» общественных наук и

разработки формационной теории. Он настаивал также на легитимности социологии как науки, отмечающей «повторяемость и правильность в общественных явлениях» и обобщающей «порядки разных стран»⁴³.

Такое понимание «методологической» и обобщающей роли марксистской социологии отражает и тематика докладов, представленных на социологической секции Всесоюзной конференции историков-марксистов, проходившей с 28 декабря 1928 г. по 4 января 1929 г., в работе которой П.И. Кушнер также принимал участие: «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» Н.Я. Марра, «Марксизм и этногеография» В.Б. Аптекаря, «Протонеолит» В.К. Никольского и др. Большая часть этих докладов непосредственно затрагивала этнографическую тематику, в обсуждении которой принимали участие также С.П. Толстов, М.Я. Феноменов и С.Н. Быковский. Ее актуальность декларировал и Покровский: «Различные фазы исторического развития человеческого общества даже удобнее проследить на живых образцах, где для нас доступны все способы фиксации явлений, вплоть до фонографа и кинематографа, нежели по документам, иногда весьма неполным и поддающимся лишь косвенному толкованию»⁴⁴. В то же время он отметил господство в этнологии различных «любительских гипотез» и призвал группу молодых этнографов-марксистов учиться у более опытных марксистов-историков. Покровский также всячески поддерживал Марра, который, по его словам, представил своей яфетической теорией «методологию доистории» и поставил науку о языке на «базис диалектико-материалистической социологии»⁴⁵. Поддержка лидера марксистской исторической науки, несомненно, сыграла свою роль в «продвижении» марризма и дала еще одну опору его пропагандисту В.Б. Аптекарю, также основывавшему свои «антиэтнографические» выпады на авторитете исторического материализма.

Деятельность секции социологии оказалась непродолжительной. 30 декабря 1929 г. на заседании секции было заслушано сообщение об уходе Кушнера по болезни в отпуск⁴⁶. Видимо, эту дату можно считать датой его ухода с работы в Институте истории вообще. 13 марта 1930 г. А.И. Гуковский написал в секретариат Института докладную записку, в которой жаловался на неблагоприятное положение в секции. Он вновь сетовал на то, что последние дискуссии о формациях выявили недостаточность внимания, обращаемого на вопросы, связанные с теорией докапиталистических формаций. «Пренебрежение» данной проблематикой сказывается и на положении с кадрами: П.И. Кушнер – «совершенно ушел от научной работы», В.П. Волгин перешел в Академию наук. Вместо Кушнера заведующим секции был назначен А.Д. Удальцов, в связи с чем Гуковский просил перевести последнего в Институт истории из основного места работы – Института Маркса и Энгельса: «С уходом Кушнера, кроме т. Удальцова, совершенно невозможно подыскать ни одного кандидата для заведования социологической секцией Института<...>». В итоге за 1929 г., как указывал Гуковский, в секции работала в основном «группа по изучению разложения родового строя и генезиса классового общества»⁴⁷. Вскоре и вся секция была переименована в секцию докапиталистических формаций.

Среди московских научных институтов, в работе которых принимали участие этнографы/социологи/историки, был и Научно-исследовательский институт народов Советского Востока. Его история начинается в 1924 г. с образования при Наркомпросе РСФСР Северокавказского комитета. В 1926 г. он был реорганизован в НИИ этнических и национальных культур в составе РАНИОН, который должен был изучать языки, литературу и материальную культуру народов советского и зарубежного Востока, а также национальные и революционные движения. Он состоял из секций языка и литературы, этнологии и материальной культуры и

секции по изучению национального вопроса и национальных революционных движений. П.Ф. Преображенский возглавлял секцию этнологии и материальной культуры. Зимой 1929-1930 г. Институт подвергся «чистке», был переименован в НИИ народов Советского Востока и передан Ученному комитету при ЦИК. Его задачи стали прочнее «увязывать» с задачами социалистического строительства: были созданы секции языка и письменности (во главе с Н.Я. Марром и его заместителем В.Б. Аптекарем), социально-экономических формаций, литературы и искусства, теории «нацвопроса» и истории национально-революционных движений, а также экономики.

Секцию социально-экономических формаций возглавил директор института А. Иоаннисян (сменивший на посту директора Марра), «актив» секции состоял из М.О. Косвена (заместитель председателя секции), В.К. Никольского (секретарь) и И.И. Ласси (работник Коминтерна, швед по национальности, «специалист по проблемам брака»). В плане секции значились проблема возникновения, развития и распада формаций и перехода одной формации в другую, проблема взаимоотношения обществ, принадлежащих к разным формациям, изучение конкретных обществ Советского Востока и их перехода к социализму. В 1930 г. М.О. Косвен прочитал два доклада: о роде в целом и о «распаде родового строя у удмуртов», В.К. Никольский – о формациях и др.⁴⁸ Е.М. Шиллинг работал над темой «Отражение социального строя в религиозных верованиях адыгейцев»⁴⁹. В плане секции истории социально-экономических формаций на 1931 г. значилось множество тем, большинство которых было связано с родовым строем: русская колонизация и классовое расслоение сибирских народов, родовое общество Туркменистана и его столкновение с капитализмом, пережитки родовых и феодальных отношений у сванов, культ предков у удмуртов как идеология родового строя, родовой строй у башкир и киргиз и т.д.⁵⁰ М.О. Косвен провел экспедицию в Южную Осетию (район

Цхинвали). Ее основная тема была заявлена в плане как «Классовая борьба в югоосетинской деревне» с подтемами: колхозное строительство, пережитки феодальных отношений между Грузией и Юго-Осетией, пережитки распада родового строя и феодальных отношений, религиозные предрассудки, положение женщины⁵¹. В 1930–1931 гг. он также совершил две поездки в Удмуртию⁵². 15 ноября 1931 г. в качестве научного сотрудника секции экономики в Институт был зачислен П.И. Кушнер. Вскоре он был назначен заведующим секцией социалистической реконструкции хозяйства и быта, возникшей в результате очередной реорганизации. Секция должна была заняться подведением итогов социалистического строительства в национальных районах за первую пятилетку. П.И. Кушнеру было поручено составить план работы секции⁵³. Календарный план работ на 1932 г. включал следующие доклады: «О реорганизации секции и предстоящей работе» П.И. Кушнера, «Распад родового строя и возникновение классов в Юго-Осетии» М.О. Косвена, «Задачи историков-марксистов на этнографическом фронте» Н.М. Маторина, «Основные этапы исторического развития Кабардино-Балкарской области» В.К. Гарданова и др.⁵⁴ Однако работа секции, по-видимому, на этом и завершилась, а сам Кушнер был уволен из института по личной просьбе в мае того же года⁵⁵. Институт в 1932 г. был очередной раз переименован – в Институт национальностей СССР.

Информация о деятельности этих научных учреждений свидетельствует о том, что на рубеже 1920–1930-х гг. П.И. Кушнер постепенно сближался с кругом московских этнографов, хотя и не считал себя таковым (в автобиографиях в этот период он обычно указывал профессию историка). Этот процесс был прерван в начале 1930-х, когда он предпочел на время прекратить научные занятия.

Как уже было сказано, в 1929 г. Павел Иванович оставил должность заведующего кафедрой истории общественных форм в Коммунистическом университете им.

Я.М. Свердлова, но продолжал преподавать эту дисциплину в Институте журналистики, а также работал в Институте истории Комкадемии и в Институте народов Советского Востока, где также в 1930–1931 гг. вел семинар по Киргизии. В то же время он стал сотрудником ряда газет: с 1929 по 1931 гг. Кушнер являлся членом редколлегии «Рабочей газеты» и «Рабочей Москвы», редактором «Красной Татарии» (Казань) и даже корреспондентом «Правды». Газетная работа в эти годы, как мы видели, сочеталась с достаточно интенсивной научной, однако в 1931 г. наметился окончательный поворот. «В 1931 г. я был принужден из-за нервного заболевания отказаться от газетной работы и перешел на хозяйственную работу, в систему Наркомвнешторга», – писал он в автобиографии⁵⁶.

Эти перемены были вызваны, по-видимому, кампанией резкой критики, развернутой против Кушнера в печати, о чем будет рассказано во второй главе. В то же время некоторые его публикации позволяют предполагать, что в условиях сталинского «великого перелома» он и сам не желал преподавать и пропагандировать теоретические догмы и политический курс, с которым был не во всем согласен.

Он предпочел перейти на работу в систему Наркомата внешней торговли под начальство знакомого ему еще по Московскому ВРК А.П. Розенгольца. С 1932 г. по 1934 г. Кушнер являлся торгпредом СССР в Литве, с 1934 г. по май 1935 г. – в Норвегии. Там он женился на сотруднице посольства Берглиот Лунд. В конце 1935 г. был отозван из Норвегии. Вернувшись вместе с женой из-за границы, он в течение года работал начальником Восточного сектора Наркомата. В первой половине 1936 г. Павел Иванович оставил работу в данном учреждении и перешел на административную работу в более близкой для него сфере: в августе 1936 г. он был назначен по рекомендации того же Розенгольца заместителем председателя Комитета по заведению учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР по финансовым и хозяйственным вопросам. В его ведении

находились научные институты и музеи востоковедческого профиля, подведомственные Комитету⁵⁷. Однако знакомство и покровительство Розенгольца, одного из главных обвиняемых по делу «троцкистско-зиновьевского блока» могло сыграть роковую роль в карьере и жизни Кушнера. После февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) (1937) «были репрессированы председатель Комитета В.П. Милютин, его заместитель П.О. Горин, руководители шестнадцати научных и учебных заведений системы Ученого комитета<...> После пленума по инициативе обкомов и крайкомов партии были ликвидированы входившие в систему Ученого Комитета институты марксизма-ленинизма в Куйбышеве, Свердловске, Саратове и других городах, что являлось выражением политического недоверия к Ученому Комитету. В апреле 1938 г. Ученый Комитет был ликвидирован, а подведомственные ему учреждения переданы в ЦК ВКП(б), АН СССР, союзные и республиканские наркоматы»⁵⁸. Как сообщил автору сын ученого Г.П. Кушнер, в 1937 г. Павел Иванович также подвергся аресту, оказавшемуся кратковременным. Возможно, его спасла счастливая случайность: он попал в число немногих арестованных, освобожденных в момент устранения Ежова и прихода Берии к руководству НКВД⁵⁹.

В мае 1938 г. П.И. Кушнер был официально освобожден от работы в Комитете в связи с ликвидацией данной организации. С 1938 г. по март 1941 г. он работал заместителем директора по научной части Музея народов СССР. Этот музей (до 1934 г. – Центральный музей народоведения) был одним из немногих постоянно действовавших (со времени его основания в 1924 г.) центров этнографической науки в Москве. В первой половине 1930-х годов, как и остальные музеи, он подвергся основательной реорганизации и «чистке»: уволены руководитель русского отдела и автор проекта всего музея В.В. Богданов, заведующий отделом Сибири Б.А. Куфтин. В новых политических условиях музей должен был из этнографического превратиться в му-

зей национальной политики и достижений социалистического строительства. В 1936 г. была определена новая структура экспозиции, состоящей из вводного исторического отдела «Царская Россия – тюрьма народов», 11 отделов союзных республик и заключительного – отдела сталинской конституции. В 1938 г., вскоре после назначения на должность заместителя директора, Кушнер опубликовал заметку с подробным описанием экспозиции музея, а также планов и проблем, встающих перед ним. К этому времени были открыты лишь залы, посвященные истории Кавказа, Кабардино-Балкарии, народам Севера и Туркменской ССР, а также отдел сталинской конституции. Расширяться музею было некуда: два оставшихся в резерве зала были заполнены коллекциями (72000 этнографических экспонатов), которые, как отмечал Кушнер, хранились в недопустимых условиях. По его мнению, было необходимо или построить дополнительные корпуса, или перестроить здание музея целиком⁶⁰. Однако музей не только не был расширен, но вскоре закрыт вовсе. Тем не менее, следует сказать, что он сыграл важную роль в поддержании традиции этнографических исследований в Москве в 1930-е годы. В нем работали почти все значительные московские этнографы: В.В. Богданов, В.Н. Белицер, В.Ю. Крупянская, Б.А. Куфтин, М.Г. Левин, М.Т. Маркелов, С.А. Токарев, С.П. Толстов, Е.М. Шиллинг и др. Впоследствии большинство из них составило «костяк» ведущих научных сотрудников Института этнографии под руководством Толстова⁶¹.

С марта 1941 по март 1944 г. Павел Иванович работал редактором исторической редакции Госполитиздата. С началом войны он записался добровольцем в дивизию народного ополчения в Москве, однако по распоряжению Главного политуправления Красной Армии был буквально снят с марша, когда его часть уже подходила к фронту. В Госполитиздате он предпринял совместно с М.О. Косвеном большое обобщающее издание по истории мировой культуры. Оно не было выпущено из-за начавшейся войны, сохра-

нился только его конспективный проект⁶². Таким образом, 1930-е годы для Кушнера-ученого были временем практически полного молчания. В этнографической деятельности он участвовал только в качестве администратора в конце десятилетия⁶³.

Война разделила ленинградских этнографов на две группы: небольшая их часть осталась в блокадном городе, основной коллектив во главе с и.о. директора С.М. Абрамзоном был эвакуирован в Ташкент. Московские этнографы также оказались разбросаны войной: кто-то ушел на фронт (Золотарев, Толстов), некоторые остались в Москве (Кушнер, Косвен), некоторые были эвакуированы (Токарев). 21 декабря 1942 г. на заседании Президиума АН СССР было принято решение назначить и.о. директора Института этнографии С.П. Толстова и разрешить ему организовать Московскую группу, передав ей Группу карт народов (заведующий – З.Е. Черняков), состоявшую при Комиссии по этногенезу при Отделении истории и философии АН СССР. В начале 1943 г. Московская группа состояла из С.П. Толстова, М.О. Косвена, В.В. Богданова и В.К. Никольского.

Как отмечает А.М. Решетов, решение, в результате которого Толстов оказался во главе Института, не было как-либо мотивировано⁶⁴. В этой связи представляется ценным собственный, хотя, конечно, субъективный, взгляд С.П. Толстова на происходившие в это время события:

«Дело в том, что до Отечественной войны находившийся в Ленинграде Институт накануне войны пришел в состояние полного упадка и развала. В течение ряда лет коллектив занимался бесплодными схоластическими дискуссиями на тему “что есть этнография”. Экспедиции полностью прекратились. Журнал «Советская этнография», потерявший всякое научное лицо, лишился подписчиков и перестал выходить. Кадры этнографов редели, подготовка новых кадров пришла в полный упадок. <...>

В 1942 г. остатки кадров Института были разбросаны по ряду городов, и Институт стал совершенно

неработоспособной организацией. Поэтому, когда в 1942 г. я был назначен директором Института и передо мной были поставлены неотложные, государственной важности задачи, связанные с изучением этнического состава стран Европы и Азии, оказавшихся ареной военных действий и международных противоречий, единственным путем как для решения этой задачи, так и для выведения советской этнографической науки из тупика мне представлялось объединение вокруг Института всех наличных сил квалифицированных этнографов, оставшихся вне пределов Института, и в первую очередь – сильного коллектива этнографов Москвы. Президиумом АН было решено перенести местонахождение дирекции Института в Москву и принято решение об организации Московской группы Института, которая и стала на протяжении последних четырех лет действительным центром научно-исследовательской работы Института. Она вынесла на своих плечах не только выполнение обширных государственных заданий, упомянутых выше (работы Института в этой области получили высокую оценку заинтересованных организаций), но и обеспечила консолидацию этнографических сил вокруг первоочередных теоретических задач, восстановила экспедиционную работу, выпуск журнала «Советская этнография» и издательскую работу Института, широко развернула подготовку кадров»⁶⁵.

Этот документ был направлен в 1950 г. в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и содержал просьбу окончательно закрепить нахождение руководства в Москве и организационно оформить Ленинградское отделение. Еще одним доводом, приводимым Толстовым в пользу данного решения, было количество «руководящих исследователей-теоретиков, работающих <...> над принципиальными вопросами общей этнографии, антропологии, этнической географии, этногенеза, фольклора». Список москвичей таков: «1) Косвен (общая этнография), 2) Кушнер (общая этнография, этногеография), 3) Токарев (общая этнография, этногенез), 4) Толстов (общая этнография, этногенез), 5) Бунак,

6) Дебец, 7) Чебоксаров, 8) Левин (общие вопросы антропологии, критика расизма), 9) Богатырев, 10) Чичеров (общие вопросы теории фольклора), 11) Асафьев, 12) Гипшиус (вопросы теории музыкального фольклора)». Между тем, продолжал Толстов, «в Ленинграде мы имеем лишь одного исследователя вопросов этнографии (проф. Ольдерогге), да одного научного сотрудника, интересующегося проблемой этногенеза (Василевич)⁶⁶».

Данный список характерен для ситуации конца 1940-х – начала 1950-х годов и свидетельствует как о теоретических приоритетах этнографии того времени – этногенез, этногеография, «общая этнография», так и о ведущих теоретиках, среди которых занял свое место П.И. Кушнер. Обращает также внимание то, что Толстов подчеркивал важность темы изучения этнического состава населения Европы как для институализации науки, так и для ее теоретического развития. В ее разработке принимали участие действительно многие московские (и не только) этнографы, однако ведущую роль играл, несомненно, П.И. Кушнер, приглашенный в Институт в марте 1944 г. и сразу ставший заведующим тогда же возникшего отдела (затем сектора) этнической статистики и картографии. Фактически он возглавил исследовательский проект, ставший основной работой советских этнографов в течение 1943–1945 гг.

Контакты между властями и этнографами по вопросу о возможности оказания с их стороны профессиональной помощи в связи с войной начались уже в 1941 г. В августе 1941 г. Токарев был на приеме у секретаря ЦК ВКП(б) Михайлова, обсуждал с ним вопрос «об этнографии и обороне». Он отметил, что этим делом власти сильно интересуются. Ему было поручено написать брошюру о технических приемах народов Севера, которые можно использовать в партизанской войне, брошюру о расизме и «привлечь к этому делу других этнографов»⁶⁷.

Приблизительно в конце 1942 – начале 1943 г. ИЭ получил задание от второго (разведывательного) отдела

Генштаба РККА. Этнографы привлекались к работе Комиссии по геолого-географическому обслуживанию РККА для составления раздела «Народонаселение» в географических описаниях стран, представляющих интерес с военной точки зрения. В начале 1943 г. в Московской группе были созданы три «бригады»: германская (руководитель – М.О. Косвен), дунайская (руководитель – С.А. Токарев) и турецкая (руководитель – С.П. Толстов). В 1943 г. данные справки составляли: В.В. Богданов, В.В. Бунак, М.О. Косвен, С.А. Токарев, С.П. Толстов, Е.М. Шиллинг, З.Е. Черняков⁶⁸ и др. Наряду с общим статистико-этнографическим описанием Европы более детальному анализу должны были быть подвергнуты спорные территории, в особенности прилегающие к западной территории СССР. Граница была поделена на участки (литовско-немецкий, белорусско-польский, украинско-польский и т.д.), разработка каждого поручалась отдельному ученому или группе. Так, литовско-немецкий участок, впоследствии детально изученный Кушнером, первоначально «достался» Токареву⁶⁹.

На протяжении 1943–1945 гг. в Московской части ИЭ шла напряженная работа по составлению «историко-этнографических и статистико-этнографических обзоров и справок», к которым прилагалось более 30 крупномасштабных карт⁷⁰. С.П. Толстов вел переписку с управлением спецзаданий Генштаба, отчитываясь о написании справок. Генштаб поставлял этнографам карты и присылал отзывы на выполненные исследования⁷¹. Работа по «закрытой» тематике велась в обстановке секретности. Согласно одному из договоров между Генштабом и ИЭ, Институт обязывался выполненные для заказчика работы не публиковать и не обсуждать на публичных лекциях⁷². 26 мая 1944 г. директор Института подписал следующее распоряжение:

«Предлагаю Зав. Сектором этнографической статистики и картографии проф. тов. Кушнеру соблюдать строгий порядок работы по закрытой тематике в полном соответствии с имеющимися инструкциями. Для этого:

1. Обеспечить выделение помещения для картографических работ и хранения карт и документов по закрытой тематике, доступ в которые имеют только лица по утвержденному мною списку.

2. Запретить нахождение в помещении Сектора статистики и картографии лиц, не состоящих на штатной работе в Секторе.

Для приема сотрудников Института и посторонних лиц по вопросам, связанным с работой Сектора, выделить в секторе специальное помещение»⁷³.

С.П. Толстов поднимал этот вопрос и на партсобраниях, делая выговор сотрудникам: «У нас не умеют по-настоящему хранить государственные тайны. Например, работа сектора карт не подлежит разглашению, тем не менее, кое-что о ней стало известно <...> надо внушить всем, что об этих работах никому не нужно знать, кроме тех товарищей, кому они поручены»⁷⁴.

Ученые относились к участию в важном государственном деле с энтузиазмом. Токарев писал, что этнографическая наука «завоевывает себе официальное признание» и даже начинает оказывать «влияние на ход мировых событий»⁷⁵. Толстов считал, что задача этнографов состоит в том, чтобы «дать объективные карты, которые представляют ту или иную этнографическую границу, ту или иную этнографическую территорию и дают известный объективный критерий, чтобы определить исторические права нации»⁷⁶. Соответственно, наибольшее значение и заказчиками, и исполнителями придавалось точности и детальности описания границ расселения народов. Эти сведения поставлялись М.М. Литвинову, бывшему в то время председателем Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенному устройству. Он благодарил за присланные работы и писал, что они являются ценным вкладом в собираемый Комиссией материал⁷⁷. Интересно отметить, что сектор этнической статистики и картографии, по крайней мере, в 1950-е гг., располагался отдельно от здания ИЭ, на проезде Владими-

рова (ныне Никольский переулок) д.6, по соседству с различными партийными и правительственными учреждениями⁷⁸.

Итогом двухлетней работы явился коллективный труд «Исследование этнического состава Центральной и Юго-Восточной Европы», редактором картографической части которого был П.И. Кушнер. В соответствии с условиями договора он не был опубликован. 27 марта 1945 г. в ИЭ состоялось закрытое заседание, посвященной защите кандидатских диссертаций П.И. Кушнера «Западная часть литовской этнографической территории» и этнографа из Белоруссии М.Я. Гринבלата «К вопросу о западной этнографической границе белорусов». 3 июня 1947 г. П.И. Кушнер защитил уже докторскую диссертацию «Этнические территории и этнические границы», вскоре изданную в серии «Трудов» Института⁷⁹. Она включала теоретическую и методологическую разработку понятий этнографических (этнических) границ и территорий и изучение «этнографической территории» литовцев как частный случай применения данной методологии. Во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов Кушнер публикует большое количество статей по данной тематике. Проблемы этнической статистики выводят его на вопрос о национальном самосознании. С целью его изучения он совершает в 1949 г. экспедицию в район русско-украинского пограничья на юге Ростовской области. Все эти работы Кушнера оказали разнообразное влияние на развитие многих направлений отечественной этнографии. Рассмотрению связанных с этим теоретических проблем истории науки посвящен специальный раздел данной книги. Здесь же укажем еще раз, что в данный период благодаря «Этническим территориям и этническим границам» и другим работам этой серии Кушнер стал одним из ведущих теоретиков в советской этнографии 1940–1950-х годов.

В первые послевоенные годы он был одним наиболее влиятельных сотрудников ИЭ, иногда исполнял обязанности директора в отсутствие С.П. Толстова и его замести-

теля М.Г. Левина. Вместе с И.И. Потехиным, С.П. Русяйкиной Л.Н. Терентьевой, С.П. Толстовым и др. он входил в состав бюро партийной организации Института. Его работа «по партийной линии» включала в себя политинформацию для сотрудников ИЭ, проведение которой ему было поручено еще в 1944 г. В ноябре 1951 г. Кушнер отчитывался перед собранием: «В кружке текущей политики было проведено восемь занятий. Недостаток кружка – члены кружка не проявляют активности. Газеты регулярно читают все, некоторые, кроме того, читают «Новое время». Регулярно занимаются шесть–семь человек»⁸⁰. 30 сентября 1949 г. партбюро Института постановило «организовать самостоятельное изучение классиков марксизма-ленинизма всеми научными сотрудниками» и утвердить П.И. Кушнера консультантом по этому вопросу⁸¹. Кроме того, на рубеже 1940–1950-х годов он руководил теоретическим семинаром для докторов наук по проблеме «становления социалистических наций», на котором обсуждались вопросы национальной политики и этнических процессов. Необходимость обсуждения в Институте «национального вопроса» была частой темой выступлений ученого на партсобраниях еще в середине 1940-х годов. В октябре 1950 г. о работе этого семинара были высказаны следующие отзывы. П.И. Кушнер: «Я не очень доволен руководимым мною семинаром. Не все готовились. Больше занимались дискуссиями». И.И. Потехин: «Семинар П.И. Кушнера сыграл положительную роль. Этот семинар привлек к себе широкое внимание, но как форма марксистского образования он себя не оправдал». Алиев: «Было очень интересно присутствовать на прениях по различным вопросам, но я уходил с каждого занятия не вполне удовлетворенным, так как не получал окончательные ответы на интересующие меня вопросы»⁸².

В этой связи хотелось бы привести одно из наиболее характерных высказываний Кушнера, сделанное им на пар-

тийном собрании в октябре 1949 г., в котором ярко отразилась его научная и общественная позиция:

«<...> у нас аспиранты боятся ставить перед собой большие проблемы. Их доклады представляют сотни цитат, выводов нет. Люди боятся дерзать, а без этого глубокая научная работа немыслима. Боятся часто дерзать и научные работники. Нужна перспектива. Нужно ставить большие проблемы и овладевать ими <...> Следует перестроить и углубить политико-воспитательную работу. Надо овладевать политической литературой, посещать лекции на политические темы. Нельзя замыкаться в рамки Института – надо активно участвовать в общественной и политической жизни страны. Это и есть подлинный большевистский стиль работы»⁸³.

С конца 1952 г. ученый возглавил славяно-русский сектор Института. Переход на новую должность был отнюдь не случаен. Еще в ноябре–декабре 1948 г. состоялось несколько партсобраний, на которых, в частности, обсуждалось положение в этом секторе. Кушнеру было поручено ознакомиться с работой сектора и доложить на партбюро. В своем сообщении он подчеркнул, что «хотя руководителем сектора является проф. В.В. Богданов, фактически руководит им заведующий сектором Европы Н.Н. Чебоксаров <...> Все работы, выполненные проф. Богдановым по материальной культуре славян, надо целиком забраковать или коренным образом переделать, на что Богданов не способен». Толстов также отметил, что Богданов не может руководить сектором в силу возраста. Было решено объединить славяно-русский и фольклорный секторы, а руководить новым подразделением назначили В.И. Чичерова. Кушнеру предложили систематически участвовать в работе сектора Европы⁸⁴.

Кушнер предлагал объединить славяно-русский сектор с сектором Европы, однако принятое Толстовым решение было, по-видимому, связано с тем, что глава фольклорного сектора П.Г. Богатырев был уволен (вместе с

Д.Н. Зелениным) в ходе кампании против космополитизма как сторонник «идеалистического» структурно-функционального метода. Тем не менее, в «Отчете о работе партийной организации ИЭ за 1948–49 гг.» отмечалось, что «в объединенном секторе славяно-русская этнография все еще остается слабым участком. Сектор до сих пор не дал ни одной серьезной работы по этнографии русского народа. Написанная сотрудником сектора Г.С. Масловой статья «Русские» является порочной, так как она рисует социалистическую русскую нацию как отсталую и крестьянскую»⁸⁵. Кушнер также критически отозвался об этой работе Масловой, однако по другим причинам: «Она (статья Масловой. – С.А.) совершенно беспомощна, например, ее раздел «Верования». Там имеются простые перечисления обрядов и никакой попытки теоретических обобщений»⁸⁶. Ситуацию с «продукцией» сектора для многотомника «Народы мира» охарактеризовал зам. директора ИЭ И.И. Потехин. Славяно-русский сектор был, по его словам, одним из самых сильных «по кадрам», однако качество выполняемых им работ низкое: «Выполнены были работы по русским, украинцам, белорусам. По русским было написано 25 листов. Если бы все было написано как следует, эти 25 листов стали бы манифестом советской этнографии... <...> Сектором проделана большая работа, но в результате этой работы нет ни одного печатного труда по этнографии русского народа и других славянских народов»⁸⁷.

На заседании партбюро 15 октября 1952 г. П.И. Кушнер предложил оставить заведование сектором статистики и картографии за П.Е. Терлецким, а его «передвинуть» в славяно-русский или европейский сектор. Л.Н. Терентьева, ставшая к тому моменту секретарем парторганизации, поддержала его на том основании, что это поможет исправить ситуацию, при которой в Институте среди заведующих секторами всего два коммуниста, а Кушнер и Терлецкий – оба члены партии⁸⁸. Безусловно, повлиял на решение о переводе ученого на новую должность и тот

факт, что он возглавлял проводившуюся членами сектора работу по изучению русского колхозного крестьянства.

Под руководством П.И. Кушнера в славяно-русском секторе были осуществлены крупные коллективные работы: монография «Село Вирятино в прошлом и настоящем» и историко-этнографический атлас «Русские». В эти годы ученый разрабатывал методологию исследования современного быта колхозного крестьянства, современной семьи, принципы картографирования явлений культуры и составления историко-этнографических атласов. В 1957 г. С.П. Толстов в письме секретарю ЦК КПСС Д.Т. Шепилову просил санкционировать открытие трех вакансий членов-корреспондентов АН для этнографов и антропологов. По специальности «этнография СССР» в качестве «наиболее достойного кандидата» он предлагал Л.П. Потапова, однако называл и других ученых, первым в списке которых был П.И. Кушнер⁸⁹.

В 1959 г. Павел Иванович перенес тяжелый инсульт и в том же году, несмотря на активные возражения со стороны Л.Н. Терентьевой, ушел на пенсию. ИЭ ходатайствовал о назначении ему персональной пенсии союзного значения⁹⁰. Болезнь приковала ученого к постели, однако его связи с коллегами не прерывались: сотрудники института и аспиранты приходили к нему на дом, пользовались его консультациями, посылали ему на отзыв свои работы. Он продолжал оставаться деятельным сотрудником редакционной коллегии «Советской этнографии».

Среди московских этнографов старшего поколения Кушнер был дружен с М.О. Косвенем. Теплые и уважительные отношения поддерживал он и с С.А. Токаревым. Среди более молодого поколения дружеские отношения связывали Павла Ивановича с Л.Н. Терентьевой, которая много помогала ему и его семье во время болезни ученого, а также с В.Ю. Крупянской. Отношения с С.П. Толстовым были достаточно непростыми: Г.П. Кушнер вспоминает, как отец неоднократно критиковал Толстова, главным образом

за то, что тот, пользуясь своей властью, отпускает на Хорезмскую экспедицию слишком большие средства, что идет в ущерб другим исследованиям. П.И. Кушнер был, пожалуй, одним из немногих сотрудников Института, позволявших себе публично критиковать директора: «У директора Института т. Толстова, – говорил он на одном из партсобраний, – при всех его неоспоримых достоинствах есть недостатки, например, резкость. Резкий, хотя, может быть, и справедливый по отношению к выступающему окрик не способствует развитию самокритики и может у некоторых отбить желание выступать». В ответ на эту реплику Толстов вынужден был согласиться, что «некоторое одергивание выступающих, иногда в резкой форме», развитию самокритики действительно не способствует. При этом Кушнер умел и защищать уважаемых им ученых, работы которых, как, например, Г.С. Масловой, критиковал. На том же собрании он говорил о том, что неправильно требовать от Масловой статью о рабочем быте, когда Институт в целом этим вопросом не занимается: «Вина здесь не столько Масловой, сколько сектора и дирекции»⁹¹.

По воспоминаниям Н.В. Шлыгиной, П.И. Кушнер был замкнутым и довольно непростым человеком, делился своими знаниями не очень охотно. Из связанных с ученым эпизодов в ИЭ ей запомнились выступление ученого на защите диссертации по антропологии латышей, в котором он подверг тезисы работы убедительной критике, а также его отказ на партийном собрании голосовать за некую резолюцию, связанную с отношениями с Югославией. Н.В. Шлыгина отмечает его глубокие и конструктивные выступления на различных научных совещаниях⁹². Именно таким, по-видимому, было его выступление 14 мая 1952 г. на обсуждении плана диссертации аспирантки Шлыгиной по теме «Эстонское народной жилище». Приведем его запись, сохранившуюся в архиве: «В плане диссертации отсутствует необходимый раздел – нет мебелировки и бытового использования жилища. Без этого описание жилища да-

вать нельзя. Сравнительный материал можно и нужно использовать. Полезно съездить на острова и посмотреть шведский тип строения. Совершенно необходимо посетить районы русского влияния – западный берег Чудского озера. Русское население этого района отлично от русского населения соседней Псковской области. Интересно выяснить, какими путями шло русское влияние»⁹³.

На протяжении всей жизни Павел Иванович оставался убежденным коммунистом. Он был лично знаком со многими руководителями советского государства, в том числе со Сталиным. Они встречались во время кратковременного отдыха Кушнера в Нальчике в 1921 г. и общались, по-видимому, вполне на равных. Более того, впоследствии он делился с родными неприятным впечатлением, которое произвело на него тогда высокомерие Сталина. Годы репрессий и арест, несомненно, наложили отпечаток на характер и взгляды Кушнера. В 1936 г. он сжег весь свой архив и впоследствии говорил, что этот поступок спас многих старых большевиков от гибели, да и уже после войны, переписываясь с сыном, требовал, чтобы тот сжигал все его письма. По словам Н.В. Шлыгиной, П.И. Кушнер, один из немногих большевиков «старой гвардии», переживших репрессии 1930-х годов, быть может, несколько наивно считал, что уцелел потому, что был честным. В.И. Козлов вспоминает о Кушнере как о человеке достаточно закрытом: «У меня создалось впечатление, что над ним висела сталинщина; он опасался того, что могут придаться к тому, что он говорил, будучи профессором Комуниверситета»⁹⁴. Смерть Сталина не была для Кушнера личной трагедией. По воспоминаниям Г.П. Кушнера, его отец был неприятно удивлен, увидев сына в слезах, когда о смерти «отца народов» сообщили по радио. Тем не менее, как рассказывает Г.П. Кушнер, доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС был для старого большевика ударом, который он переживал очень тяжело.

Отношение к Сталину и сталинизму было, несомненно, проблемой, мимо которой не мог пройти ни один мыслящий человек того времени, особенно после 1953 г., когда эти вопросы стали предметом более или менее публичного обсуждения. Документально позиция П.И. Кушнера по этому вопросу зафиксирована в двух выступлениях на партсобраниях ИЭ, обсуждавших решения созванного по делу Берии июльского 1953 г. Пленума ЦК КПСС и XX съезда КПСС. На собрании в июле 1953 г. он заявил:

«Культ личности развился как результат отсутствия исторического подхода к вождям и их теориям. Он появился тогда, когда партия стала миллионной, когда в партию вступили люди по существу еще не марксисты, несущие на себе груз мелкобуржуазных теорий и пережитков. Все высказывания вождей марксизма понимались ими догматически, в одинаковой мере использовались и цитировались как ранние, часто далеко несовершенные, так и наиболее зрелые работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Появился культ марксистской теории. (Последнее предложение в стенограмме зачеркнуто. — С.А.) Между тем, мировоззрение вождей оттачивалось и совершенствовалось; вместе с ростом рабочего движения менялись их взгляды и теории. Карьеристы и авантюристы, проникшие в партию, сделали попытку использовать культ вождей, противопоставить их партии. Таким авантюристом оказался и враг народа Берия»⁹⁵.

Приведем также отрывок из его выступления на обсуждении итогов XX съезда:

«Вопрос о культе личности очень серьезный и работа предстоит большая. Здесь не должно быть места эмоциям. Мы должны взять у Сталина все, что он дал для строительства социализма, дал как ученый. При оценке же его как члена партии мы должны призвать нашу партийную совесть. Если мы забудем, нам напомнят об этом многие лучшие люди партии, которых нет уже среди нас.

Нужно вести борьбу с культом личности так, чтобы не причинить вреда партии; не нужно опошлять и вульгаризировать это. Нужно бороться с подхалимством и проч., что вызвало культ личности»⁹⁶.

Также Кушнер отметил, что в некоторых выступлениях на XX съезде не было должной самокритики: к примеру, акад. Панкратова говорила о фальсификации историками истории, однако не упомянула о своей личной ответственности. В обсуждении проблемы культа личности активно участвовали этнографы-коммунисты И.И. Потехин, Л.Н. Терентьева, П.Е. Терлецкий, высказывавшиеся довольно остро и критически. Дух этого обсуждения передает заключительное слово секретаря парторганизации Терентьевой:

«Прав Кушнер, когда говорит, что вопросы, затронутые в докладе Н.С. Хрущева, выходят далеко за пределы только культа личности. Непонятно, почему не было обмена мнений на съезде по докладу т. Хрущева. Мне кажется, что недостаточно самокритичны были выступления руководящих работников партии на съезде. Членам политбюро следовало сказать, что и они повинны в возвеличивании Сталина.

С глубоким удовлетворением прочла я осуждение фактов насильственного переселения целых народов за проступки отдельных представителей этих народов. Но была удивлена, что ничего не сказано об осуждении антисемитизма, который имел место в те годы и, несомненно, кем-то направлялся»⁹⁷.

В отчете о работе парторганизации за 1955–1956 гг. Терентьева отмечала, что вредные последствия культа личности сказались в области этнографии и антропологии «меньше, чем в других областях знаний, в силу специфики нашей науки». Однако и в этнографии они проявлялись в «лакировке действительности» и «подмене самостоятельной научной мысли готовыми цитатами»⁹⁸.

Эти выступления позволяют почувствовать критическое отношение Кушнера и его коллег к сталинизму. Как

видно, его позиция была неоднозначной. Главную причину культа личности и его «последствий» он видит в проникновении в партию карьеристов и подхалимов. Он призывает к осторожности в борьбе с культом личности: она не должна повредить делу партии и социализма, которые по-прежнему остаются для него непререкаемыми ценностями. Однако вряд ли Кушнер был столь наивен, чтобы снимать ответственность за происшедшее с самого Сталина. За его призывом к «партийной совести» и словами о погибших «лучших людях партии» чувствуются мучительные размышления над вопросами, окончательные ответы на которые он, возможно, так и не смог себе дать.

Еще до Великой Отечественной войны П.И. Кушнер с семьей получил квартиру в знаменитом «доме на набережной», или «доме правительства» (ул. Серафимовича, д.2, кв. 504). Квартира была просторная, четырехкомнатная, однако при въезде он предложил отдать две комнаты старым большевичкам сестрам Залкинд. «Еще несколько лет, и мы все будем жить в отдельных квартирах», – успокаивал он супругу. Впоследствии эти две комнаты занимала другая семья, однако ученого это нисколько не стесняло: у него был свой кабинет, и этого было достаточно. Павел Иванович собрал большую библиотеку. Он был ценителем норвежской литературы (сказывалось влияние супруги), любил и русскую классику, однако к Толстому и Достоевскому относился прохладно. До последнего времени выписывал большое количество газет и журналов, следил за всеми политическими и культурными новостями. Интересовался публиковавшимися в «Роман-газете» литературными новинками: произведениями В.В. Быкова, В.И. Белова и др. Большое впечатление произвел на него «Матренин двор» А.И. Солженицына. Увлечением, пронесенным Кушнером через всю жизнь, была музыка – он прекрасно играл на балалайке и домре, любил народные песни.

П.И. Кушнер был скромным и мягким человеком, однако в принципиальных вопросах умел отстаивать свою

точку зрения, несмотря ни на что. Г.П. Кушнер вспоминает совместное с отцом посещение собрания старых большевиков, посвященное сорокалетию Октябрьской революции. Когда ученый услышал рассказы псевдоучастников штурма Кремля, он вышел на трибуну и прямо обвинил их в фальсификации истории. Павлу Ивановичу, как участнику согласительной комиссии, ведшей переговоры с оборонявшимися Кремль юнкерами, было прекрасно известно, что никакого штурма не было. Впрочем, он никогда не стремился «выпячивать» свою роль в исторических событиях. О сильном характере Кушнера говорит и тот факт, что, будучи всю жизнь тяжело больным (туберкулезный процесс с ранней молодости и другие недуги), он никогда не жаловался родным.

У ученого было три дочери и сын. Первый раз он женился вскоре по приезду в Москву, видимо в 1916–1917 гг., однако вскоре развелся (имя его первой жены установить не удалось). Дети от этого брака – дочери Наталья и Галина после развода остались с отцом. От второго брака родились дочь Татьяна и сын Генри, ныне главный редактор журнала «Изобретатель и рационализатор» и президент одноименного фонда. Скончался Павел Иванович 14 марта 1968 г. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 124. Оп. 2. Д. 842. Л. 6.

² Там же. Л. 7.

³ *Кушнер П.* Русский культурный центр в 1908–1915 гг. // Пролетарская революция. 1924. № 8–9. С. 210. Дальнейшие сведения о деятельности Кушнера в Риге взяты в основном из этой статьи, а также из воспоминаний коллег Павла Ивановича, опубликованных в том же журнале.

⁴ *Пирейко А.* Работа Русского культурного центра в легальных организациях // Там же. С. 250–251.

⁵ *Новов М.* Организационная работа Русского культурного центра (1910–1914 гг.) // Там же. С. 236.

⁶ *Новов М.* Ук. соч. С. 263.

⁷ Архив Института этнологии и антропологии РАН (далее – АИЭА). Личное дело П.И. Кушнера (Кнышева). Л. 7.

⁸ *Пирейко А.* Работа Русского культурного центра в легальных организациях. С. 254.

⁹ Народный университет им. А.Л. Шанявского – негосударственный университет, открытый в 1908 г. на средства мецената А.Л. Шанявского, в котором могли получать образование лица, не допущенные в государственные учебные заведения. В университете преподавали крупные ученые, придерживавшиеся оппозиционных взглядов. В конце 1918 г. он был закрыт, здание перешло Коммунистическому университету им. Я.М. Свердлова.

¹⁰ *Иванова Л.В.* У истоков советской исторической науки. М., 1968. С. 17.

¹¹ Там же. С. 51.

¹² Подробнее см. *Шулятева И.* Кузница партийных и советских кадров // Политическое самообразование. 1972. № 4. С. 130–135.

¹³ *Челянов Н.И.* Сеть высших учебных заведений в РСФСР за 10 лет // Научный работник. 1927. № 11. С. 72.

¹⁴ *Иванова Л.В.* Ук. соч. С. 12.

¹⁵ Этнологический факультет I МГУ. Учебный план, программы и пособия 1928–1929. М., 1929. С. 149.

¹⁶ Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 677. Оп. 2. Д. 126. Л. 1-2.

¹⁷ *Андреев Н.* История развития общественных форм. Л., 1926.

¹⁸ *Кушнер П.* Первобытное и родовое общество. Хрестоматия. М., 1925.

¹⁹ *Гуковский А.И., Трахтенберг О.В.* Очерки истории докапиталистического общества и происхождения капитализма; *они же.* Фазы общественного развития. М., 1926.

²⁰ *Гуковский А.И.* Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С. 94.

²¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5221. Оп. 6. Д. 30.

²² ГАРФ. Ф. 5221. Оп. 10. Д. 23. Л. 1.

-
- ²³ Там же. Л. 13–14.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Луковский А.* [Рец. на:] П.И. Кушнер Очерк развития общественных форм. 3-е изд. М., 1927 // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 233, 235.
- ²⁶ Редин Н. К вопросу о преподавании «истории развития общественных форм» // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 202–203.
- ²⁷ АИЭА. Личное дело Кушнера (Кнышева) П.И. Л. 8.
- ²⁸ Правда. 1934. 16 мая. С. 1.
- ²⁹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 842. Л. 9.
- ³⁰ *Vucinich A.* Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917-1970). Berkeley. 1984. P. 87.
- ³¹ *Иванова Л.В.* Ук. соч. С. 186–187.
- ³² Общее собрание членов Общества историков-марксистов (29 апреля 1927 г.) // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 275.
- ³³ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Л. 9.
- ³⁵ Точная дата ее написания отсутствует, скорее всего, она относится к первым месяцам 1929 г.
- ³⁶ АРАН. Ф. 377. Оп. 1. Д. 450. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Л. 2–3.
- ³⁸ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 5–6.
- ³⁹ Там же. Л. 10.
- ⁴⁰ Там же. Л. 17.
- ⁴¹ Там же. Л. 51. Информация основана на документе, составленном С.А. Токаревым и названном «План экспедиционных работ секции социологии и этнологии Института истории Комкадемии. 1930», причем слово «этнологии» как в названии, так и далее в тексте зачеркнуто.
- ⁴² Следует сказать, что в архивных материалах секция социологии приписывается то к Институту истории Комкадемии, то к Обществу историков-марксистов.
- ⁴³ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929. № 12. С. 197. Следует отметить, что данная дискуссия, как свидетельствует отчет П. Горина о работе Общества историков-марксистов, состоялась в связи с тем, что «вопрос о том, может ли существовать марксистская социология как самостоятельная научная дисциплина, вызывает сомнение у многих

наших историков» // Труды I конференции историков-марксистов. М., 1930. С. 22.

⁴⁴ Там же. С. XIV.

⁴⁵ Там же. С. XII.

⁴⁶ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 10. Л. 46.

⁴⁷ Там же. Д. 69. Л. 1–2.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 371. Л. 4–14.

⁴⁹ Там же. Л. 35.

⁵⁰ Там же. Л. 24.

⁵¹ Там же. Л. 30.

⁵² АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 76. Л. 5,6,9,11,14.

⁵³ Там же. Д. 82. Л. 1–3.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 632. Л. 2.

⁵⁵ АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 82. Л. 4.

⁵⁶ АИЭА. Личное дело Кушнера (Кнышева) П.И. Л. 8.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 97. Л. 4.

⁵⁸ *Стрекопытов С.П.* Государственное руководство наукой в СССР. 1936–1958 гг. М., 1991. С. 8.

⁵⁹ Эта информация основана на рассказе сына ученого, документальных подтверждений этим фактам найти не удалось.

⁶⁰ *Кушнер П.* Музей народов СССР // Советский музей. 1938. № 11. С.25.

⁶¹ Подробнее о музее см.: *Ипполитова А.Б.* История Музея народов СССР в Москве // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 2001. № 2. С. 144–160.

⁶² Согласно списку работ Кушнера из личного дела, хранящегося в АИЭА, он написал для этого издания совместно с Косвенем главы «Религия греков», «Христианство» и Заключение к «Истории культуры древнего мира».

⁶³ К примеру, в дневниках С.А. Токарева содержится запись о том, что он договорился с Кушнером об организации в Музее народов СССР выставки по шаманизму // Благодарим судьбу за встречу с ним. М., 1995. С. 167.

⁶⁴ *Решетов А.М.* Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // ЭО. 2003. № 5. С. 38.

⁶⁵ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–2.

⁶⁶ Там же. Л. 2.

⁶⁷ Благодарим судьбу за встречу с ним. С. 172.

⁶⁸ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

-
- ⁶⁹ Благодарим судьбу за встречу с ним. С. 183.
- ⁷⁰ АРАН. Оп. 142. Оп. 1 (1942–1948). Д. 5. Л. 1.
- ⁷¹ Там же. Д. 2.
- ⁷² Там же. Л. 138.
- ⁷³ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.
- ⁷⁴ Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 7349. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- ⁷⁵ Благодарим судьбу за встречу с ним. С. 185.
- ⁷⁶ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 116. Л. 33.
- ⁷⁷ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942–1948). Д. 2. Л. 15.
- ⁷⁸ Устное сообщение В.И. Козлова.
- ⁷⁹ Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
- ⁸⁰ ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.
- ⁸¹ Там же. Д. 2. Л. 151.
- ⁸² Там же. Д. 3. Л. 51–53.
- ⁸³ Там же. Д. 2. Л. 162 об.
- ⁸⁴ Там же. Л. 90–92.
- ⁸⁵ Там же. Д. 3. Л. 27.
- ⁸⁶ Там же. Л. 51.
- ⁸⁷ Там же. Д. 5. Л. 109–110.
- ⁸⁸ Там же. Л. 60–63.
- ⁸⁹ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 55. Л. 31.
- ⁹⁰ ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 11. Л. 126.
- ⁹¹ Там же. Д. 3. Л. 4–7.
- ⁹² Устное сообщение Н.В. Шлыгиной.
- ⁹³ ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 5. Л. 117.
- ⁹⁴ Устное сообщение В.И. Козлова.
- ⁹⁵ ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 6. Л. 114.
- ⁹⁶ Там же. Д. 9. Л. 24.
- ⁹⁷ Там же. Л. 31–32.
- ⁹⁸ Там же. Л. 82.

1. История развития общественных форм

Характеризуя теоретическую и организационную ситуацию в этнографической науке 1920-х годов, историографы справедливо указывают на то, что это был период бурного роста числа этнографических учреждений и в целом повышения статуса этой дисциплины. Она оказалась политически и социально востребованной. Если до революции этнография была делом любителей-одиночек или научных обществ, то уже с первых лет советской власти ученые стали участвовать в осуществлении различных задач советской национальной политики. Тенденция к прикладным исследованиям, однако, не мешала развитию различных теоретических направлений. Ситуация в этнографической теории тех лет характеризуется как «довольно пестрое смешение самых различных взглядов» (С.А. Токарев) или «научный плюрализм» (Т.Д. Соловей). Основным теоретическим направлением продолжал оставаться эволюционизм, однако все большую популярность приобретала «культурно-историческая школа». Марксистского направления как такового в этнографии 1920-х годов не существовало.

Вместе с тем, рассматриваемый период в истории отечественной науки характеризуется экспансией социологии не только как конкретной научной дисциплины, но и как своего рода стиля мышления, своеобразной социологизацией общественных дисциплин, доходившей подчас до «вульгарного социологизма». 1920-е годы называют эпохой

«эйфории социального творчества», в котором социология была, кроме того, и «органической частью проекта, на основе которого создавалось само общество»¹. Данная тенденция нашла отражение как в исследовательской, так и в учебной практике и оказала определенное влияние на развитие этнографической науки. Она была одной из предпосылок бурных дискуссий о предмете и методе этой науки, развернувшихся на рубеже 1920–1930-х годов.

С 1921 г. как в комвузах, так и в университетах начинается преподавание нового предмета – истории развития общественных форм. В 1924 г. он вводится в государственные программы вузов. По данной дисциплине вышел ряд учебников. Наиболее распространенным (семь изданий с 1924 по 1929 г.) и полным был «Очерк развития общественных форм» П.И. Кушнера². Имелось три редакции данного учебника. В первой его объем составлял 430 страниц, во второй (1926 г.) – 580, в третьей (1927 г.) – 630. «Появление этой дисциплины, – писал в 1965 г. А.И. Гуковский, – было вызвано тогдашним состоянием советской исторической науки. Марксистских систематических курсов по большинству разделов конкретной истории еще не существовало, а жизнь требовала исторического образования. В этих условиях его естественно было ставить в плане по преимуществу социологическом. Именно такой дисциплиной являлась история развития общественных форм. Она не давала учащимся систематических конкретных знаний по отдельным разделам истории, по отдельным странам, а только иллюстрировала общий процесс развития и смены формаций»³.

Действительно, в 1920-е годы марксисты пошли по пути создания большого количества учебной и популярной литературы, в которой предпринимались попытки представить марксистскую концепцию исторического процесса в самом общем виде. Для этой литературы характерна своего рода одержимость проблемой периодизации, выделения последовательно сменявших друг друга способов произ-

водства, хозяйственных и общественных форм и эпох. Их количество варьировалось. С.М. Дубровский, к примеру, выделял в истории десять способов производства. Одной из наиболее экстравагантных была концепция Н.А. Рожкова, доказывавшего, что каждое общество, от Египта до России, проходило одни и те же этапы развития от первобытности, дикости и варварства через феодальные, дворянские и буржуазные революции, утверждавшие соответственный общественный строй, к капитализму⁴. В то же время следует помнить, что преподавание истории и гуманитарных дисциплин в целом переживало в 1920-е годы не лучшие времена. М.Г. Рабинович, историк, специалист по археологии и этнографии русского средневекового города, вспоминает: «С гуманитарными предметами дело обстояло весьма неблагоприятно <...> Истории в ту пору в школе не преподавали – было обществоведение, или, как мы сокращенно говорили “общество” <...> Пожалуй, наиболее разумным было чтение книги П.И. Кушнера «Очерк развития общественных форм». Но ведь и она предназначалась для комвузов, а не для школ! Впрочем, в ту пору и в вузах учились не очень-то подготовленные люди, а учебник был написан очень ярко, только вот разве что включал такие этнографические подробности об отношениях полов, которые детям, пожалуй, было рановато знать»⁵.

Сам Кушнер историю и суть своего курса описывал так:

«Когда выработывалась первая программа основного курса Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (1921 г.), в учебный план предполагалось ввести историю культуры и историю хозяйственных форм как два самостоятельных предмета. После длительных обсуждений было решено оба предмета слить, назвав новый учебный предмет “историей развития общественных форм”. Программа нового предмета предусматривала ознакомление студентов со схематической картиной развития человеческих общественных отношений с первобытных времен до эпохи промышленного капитала, причем предполага-

лось дать связную теорию, иллюстрированную историческими примерами развития таких общественных форм, как формы хозяйства, брака и семьи, государства, классовой борьбы и некоторых идеологий (главным образом, религии). Археология, этнология, история и начатки исторического материализма - вот те дисциплины, которые дали основную массу сведений, вошедших в новый предмет»⁶.

Историю развития общественных форм ученый называл также «генетической социологией»⁷.

Под общественными формами П.И. Кушнер понимал социальные институты, в которых осуществляются различные виды социальных связей. Хозяйственные связи зависят от формы хозяйства, семейные – от формы семьи, политические – от формы государства или власти и т.д. Идея совместить историю культуры и историю хозяйственных форм возникла, конечно, под влиянием марксистского представления об определяющей роли «базиса» – производительных сил и производственных отношений. Хозяйство – «форма людских взаимоотношений, имеющих целью производство материальных благ», обуславливает развитие надстроечных форм – брака и семьи, права и государства, мышления, верований, искусства и науки.

Определяющая роль базиса не только декларировалась, но и отражалась в самом построении учебника, в основу которого легла периодизация по «социологическим эпохам». Всего их пять: первобытная, родовая, феодальная, капиталистическая и социалистическая. В первую эпоху господствует присваивающая форма хозяйства, основной «ячейкой общества» является орда. В родовую эпоху происходит переход к хозяйству производящему, а орда «распадается» на роды, основную общественную форму эпохи. Далее происходит дробление на отдельные хозяйства, «примитивная демократия» сменяется диктатурой отдельных привилегированных групп («племенное государство»), однако впоследствии крупные земельные собственники

становятся независимыми – возникает феодализм. С дальнейшим ростом производительных сил развивается торговля, города и концентрация собственности в руках капиталистов, свергаемых пролетариатом, устанавливающим коллективную форму распоряжения средствами производства. Таким образом, изложение строилось в более или менее хронологическом порядке, фактически по формационной схеме. Идея однолинейности исторического развития человечества пронизывала всю книгу и была выражена автором четко и недвусмысленно: «Несмотря на различные географические условия, несмотря на совершенно различную быстроту, с которой отдельные народы движутся по пути культуры, все они идут по одной и той же дороге, проходят одни и те же стадии социального развития. Для развития человеческого общества существует только одно направление, свернуть с которого в сторону не может ни один народ, ни одна страна»⁸. В то же время признавалась и условность выделения «социологических эпох», а также возможность их сосуществования «в самых причудливых сочетаниях». Народы развиваются с разной скоростью, вследствие чего родовую, феодальную и капиталистическую эпохи можно наблюдать в настоящее время. Кроме того, под влиянием соседей народы могут «перескакивать» через «социологическую эпоху» или, наоборот, деградировать. Наконец, возможен вариант «застоя» в одной эпохе на неопределенно долгое время⁹.

Учебник состоял из четырех частей: «Первобытное общество», «Родовое общество», «Феодальное общество» и «Общество эпохи торгового капитала». В первой части были следующие главы: «Первобытный человек и его древность», «Первобытное хозяйство», «Орда», «Происхождение речи», «Происхождение искусства», «От раскраски тела к украшениям и одежде», «Первобытная психика» и «В чем же сущность первобытной эпохи?». В части о родовом обществе: «Переход от присваивающего хозяйства к хозяйству производящему», «Развитие скотоводства и земледе-

лия», «Родовые (тотемные) группы», «Патриархальный род, большая семья и родовая община», «Племя», «Брак, семья и положение женщины», «Возникновение религии», «Что такое родовой быт». Третья часть: «Экономическая подготовка феодализма», «Происхождение верховной власти», «Происхождение внешней торговли», «Возникновение частной собственности на землю», «Поместное хозяйство», «Крепостная община», «Феодальные отношения», «Феодальное государство», «От обычая к закону», «Феодальный город», «Феодальные идеологии», «В чем же сущность феодализма?». Четвертая часть: «Разложение натурального хозяйства», «Развитие торгового капитализма», «Борьба классов в эпоху торгового капитализма», «Государство дворян и купцов», «Семья и брак в эпоху торгового капитала», «Наука и искусство в эпоху торгового капитала», «Христианство».

Термин «генетическая социология» указывает на то, что Кушнер считал именно социологию наиболее подходящим названием для обобщающей обществоведческой дисциплины. Понимание ее задач он изложил на дискуссии о марксистском понимании социологии в социологической секции Общества историков-марксистов 22 февраля 1929 г.: «Не только описывать факты, не только излагать события в отдельных странах, но отмечать повторяемость и правильность в общественных явлениях, обобщать порядки разных стран – вот чем должна заниматься эта наука»¹⁰.

Материалы для нее «поставляют» различные дисциплины: биология (для наиболее ранних эпох), археология, этнология и история. Функция этнологии (сравнительного народоведения) заключается главным образом в том, чтобы «заполнять пробелы археологии» в изучении первобытного и родового обществ. Современные «отсталые народы» еще переживают родовую и феодальную эпохи. Техника бушменов, огнеземельцев и австралийцев схожа с техникой первобытных людей, промыслы андамандцев напоминают промыслы европейцев эпохи «датских кухон-

ных куч» и т.д. Видимо, основываясь на собственном полевом опыте, ученый утверждал, что в Киргизии используется ткацкий станок точно такой же конструкции, как и у народов восточного берега Африки, и археологические находки которого известны на территории Европы. Подобные факты, по его мнению, служат доказательством того, что существуют определенные стадии развития, находясь на которых самые разные народы будут иметь одинаковые орудия и хозяйство. Однако марксистский постулат об определяющей роли базиса позволял продвинуть эти аналогии и в область социальной и духовной культуры: «<...> при сходстве хозяйства сходными оказываются и обычаи и, наоборот, при сходстве обычаев вырисовывается и сходство в хозяйстве. Эта зависимость обычаев от хозяйства дает возможность путем сравнения (на основе быта современных народов и сведений о хозяйстве прошлых эпох) сделать выводы об общественном строе древнейших эпох»¹¹.

Основываясь на таких методологических предпосылках, автор «восстанавливал» историю первобытной эпохи, оговаривая, что о социальной жизни человечества данного периода можно строить только более или менее правдоподобные гипотезы, основанные на сознательном упрощении общественной жизни «отсталых народов». Первобытная эпоха – время господства присваивающего хозяйства. Ее сущность, по П.И. Кушнеру, в том, что человек постоянно балансирует на грани выживания. Основные черты хозяйства – его присваивающий характер и деление промыслов по половому признаку: мужчины охотятся, женщины занимаются собирательством. Первобытный человек не делает запасов, съедает добычу на месте. Из-за постоянной угрозы голода он зачастую вынужден убивать детей и стариков.

Первобытные люди живут ордой. Орда – группа примерно в 40–50 человек. Понятия родства в орде не существует, оно заменяется делением на возрастные классы, в

рамках которых происходит свободное половое общение. В качестве зачатков семьи может существовать некий «неоформленный договор» между мужчиной и женщиной, при котором она несет за него кладь, а он делится с ней мясом.

Психика первобытного человека резко отличается от психики современного человека. «Примитивная логика» путает временную последовательность и причинность (отсюда происходят различные приметы), часть принимает за целое (отсюда – обряды парциальной магии), переоценивает действенность слов и желаний и т.д.

Эпоха родового общества начинается с возникновения производящего хозяйства и археологически датируется неолитом. В это время происходят оседание бродячих орд, прогресс в технике обработки камня, появление свайных построек, гончарства, приручение домашних животных, наконец, возникает земледелие. Хозяйство становится более стабильным, возникают продовольственные запасы, мужчины и женщины работают в рамках единого хозяйства. Социальной единицей возникающего на базе скотоводческого и земледельческого хозяйства общества является род. Он возникает из-за распространения полового запрета на круг близких родственников и проистекающей из этого экзогамии. Появляются «тотемные группы», то есть первые роды, в которых еще нет материнского или отцовского счета родства: ребенок получает имя тотема той группы, в которой он родился. Затем возникает материнский счет родства, и в каждой орде уже существуют «прослойки» различных тотемов. Групповой брак – следующая стадия после свободных отношений в орде – сменяется индивидуальной семьей. Многоженство распространено в основном среди скотоводов, так как от количества женщин зависит и благосостояние семьи. Семья земледельца, как правило, парная.

Переход к патриархату П.И. Кушнер связывает с такими формами хозяйства, как скотоводство и плужное

земледелие, при которых главные хозяйственные функции выполняет мужчина. Род, по данному в книге определению, – «группа социально связанных между собою людей, считающих себя происходящими от общих предков»¹².

И у земледельцев, и у скотоводов, род дробится на семейные группы. Это «большие семьи», встречающиеся у самых разных народов: осетин, кабардинцев, народов Дагестана, среди южных славян, китайцев и т.д. В то же время роды объединяются в племена, имеющие собственную организацию власти. Существуют совет родовых старейшин и вождь, осуществляющий функции военного предводителя. Характерная особенность родового строя – «примитивная демократия», т.е. участие всех взрослых членов рода и племени в решении важнейших вопросов на общих собраниях. Однако в эпоху родового общества имеются излишки производства, а деление на богатых и бедных – свершившийся факт. Этот строй был постепенно подорван дальнейшим прогрессом производства и «расколот, как зрелый орех миндаля», уступив место феодализму.

Взгляды ученого на феодализм, изложенные им в «Очерке», во многом предвосхитили развитие теоретической мысли в советской этнографии в последующие годы. Раздел «Феодальное общество» подразделялся в учебнике на две части: «Предпосылки феодализма» и собственно «Феодализм», причем в первой речь идет в основном о кочевнических и восточных обществах, вторая же, за исключением главы «От обычая к закону», посвящена Европе. Кушнер настаивал на том, что следующей за распадом родового строя социологической эпохой является феодализм. Античность как эпоха мировой истории и рабовладение как формация практически выпали из поля зрения автора «Очерка». Феодализм, как и родовой строй, – «общественное явление, присущее всем народам в определенную эпоху их развития»¹³. Его сущность заключается в существовании «класса крупных земельных собственников, обладающего (монопольно) военной силой, при помощи которой он при-

нуждает мелких производителей (земледельцев и скотоводов) вносить ему дань и оброки, выполнять барщину и другие повинности»¹⁴. Кушнер неоднократно повторял свою идею первичного феодализма, возникающего вместе со слоем крупных скотовладельцев, сдающих скот в аренду, ссуду и т.д. За этими внешне «патриархальными» отношениями возникает эксплуатация, которая «маскируется множественностью родовых пережитков, затрудняющих для эксплуатируемых понимание сущности своих отношений к эксплуататорам, поскольку и те, и другие принадлежат к одним и тем же родовым группам»¹⁵. Эти процессы, характеризующие ранний феодализм, он находил у древних славян, ирландцев, германцев, однако своеобразной идеальной моделью этого общества были для Кушнера знакомые по его полевому опыту киргизы с их «манапством».

Кушнер прекрасно описал идеологические истоки своего учебного предмета, восходящего к дореволюционным марксистским кружкам и курсам агитаторов, для которых вопросы первобытной культуры были, как ни странно, очень актуальны: «После предварительного ознакомления члена кружка с основными вопросами по разным мелким брошюрам, кружки приступали к изучению <...> первобытной культуры <...> Изучение истории первобытной культуры помогало выработке материалистического мировоззрения и одновременно давало хороший материал для антирелигиозной пропаганды»¹⁶.

Изучение этих проблем, по словам Кушнера, было основано на штудировании «Истории культуры» Ю. Липперта, «Краткого курса экономической науки» А.А. Богданова, «Экономического развития и общественного строя» К. Каутского, а также трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и «Развития капитализма в России» В.И. Ленина. Основными источниками при написании учебника, помимо трудов основоположников марксизма, были работы европейских и американских авторов различных теоретических ориентаций: Г. Кунова, Г. Шурца, Э. Гроссе, К. Бюхе-

ра, Ф. Ратцеля, Г. Обермайера, Л. Фробениуса, Э. Тэйлора, Г. Моргана, Дж. Леббока, а также А.А. Богданова и крупнейших отечественных этнографов и социологов – А.Н. Харузина, М.М. Ковалевского, В.Г. Богораза и др. В данный список, разумеется, не включены многочисленные авторы, труды которых привлекались при написании разделов о феодализме и капитализме. Отметим также, что в «Очерке» использованы работы З. Фрейда, Л. Леви-Брюля и других ученых, теории которых не приветствовались в последующем в советской науке. Основное влияние на систему организации материала учебника оказали работы философа и экономиста А.А. Богданова, в частности, его написанный совместно с И. Степановым «Курс политической экономии», дающий, по словам авторов, «целостное изложение всего трудового развития человечества как одного непрерывного процесса». Этот процесс проходил стадию «дробного натурального хозяйства», включающую периоды первобытного родового коммунизма, авторитарной родовой общины и феодализма, менового хозяйства (крепостное хозяйство, ремесленно-городской строй, торговый капитализм, промышленный капитализм, финансовый капитализм) и объединенного натурального хозяйства, строя будущего, названного ими коллективизмом¹⁷. А.А. Богданов, как известно, также впоследствии подвергался резкой критике.

Ироф как учебный предмет и «генетическая социология» как предполагаемая метанаука отражали характерную для 1920-х годов тягу к «большой теории» – парадигме, способной обобщить все накопленные знания о человеческом обществе. Историки советской общественной мысли пишут, что преподаватели кафедр ироф были «социологами, называвшими себя марксистами», а сам предмет представлял собой «несколько искусственный вариант социологи-зированной истории»¹⁸. Автор другого учебника, социолог, ученик М.М. Ковалевского К.М. Тахтарев, преподававший ироф в Петроградском/Ленинградском универ-

ситете, также стремился устанавливать последовательность смены общественных форм, их соотношения на каждой ступени развития общества (формации), отстаивал «единый и общий ход развития человеческого общества»¹⁹.

Издержки подобной интерпретации истории ярко проявились и в предложенном Кушнером учебнике. Это прежде всего схематизм и стремление «выстроить» историю в шеренгу однолинейной эволюции. Первое было отчасти оправдано функцией учебного пособия. Сам Кушнер признавал, что книга имеет «несколько догматический характер»²⁰. Он редко ссылается на свои источники и не дает историографического разбора проблем (именно в этом, кстати, состояло главное достоинство «Курса этнологии» П.Ф. Преображенского), объясняя это тем, что студент должен сначала усвоить схему генетической социологии, чтобы в дальнейшем работать самостоятельно. Масштаб «Очерка» не позволял представить различные варианты исторического развития во всем их многообразии. С другой стороны, как уже отмечалось, однолинейность эволюции человеческого общества для его автора была убеждением, недвусмысленно отстаиваемым. За подобную прямолинейность Кушнер подвергался критике уже в 1920-е годы. Так, А. Гуковский указывал на то, что студент при изучении данного курса усваивает социологические обобщения лишь как абстрактные схемы. Социологическая закономерность не предполагает единой, неизменно универсальной схемы, «отклонения бывают, и эти отклонения также подлежат социологическим обобщениям»²¹. Отвлеченность, использование исторического материала только для иллюстрации социологической схемы отмечал и Н. Редин. Он же увидел и еще один немаловажный изъян – «некритическое смешивание в одну кучу развития внеевропейских стран <...> с капиталистическим развитием Европы»²². В.К. Никольский говорил, что в учебнике Кушнера дело происходит «в неведомом месте и во время оно», и если это абстрактное обобщение могло сыграть положительную роль в борьбе

против «истории царей», то теперь (в 1934 г.) это обобщение следует увязать с особенностями конкретных времен и народов²³. Аналогичные в целом претензии имеют к «Очерку» и современные историографы²⁴.

Кушнер, конечно, отстаивал необходимость продолжения разработки и преподавания «иоф». Он писал, что данный предмет должен «закладывать фундамент научного миропонимания» и «поставить в историческую связь вопросы теории и практики (та часть курса, которая относится к учению об отсталых народах)». Он напоминал, что обучение в комвузе имеет строго практическую цель подготовки грамотных партийных работников. Необходимым компонентом этой подготовки должна быть сумма социологических знаний о формах хозяйства, семьи и власти: «Бороться за новые формы можно успешнее тогда, когда корни старого поняты и путь к новому хорошо усвоен»²⁵. Изучение общественных форм в «связной теории, иллюстрированной историческими примерами», в особенности нужно для знакомства с сохранившимися до сих пор докапиталистическими отношениями²⁶.

После седьмого издания, вышедшего в 1929 г., учебник Кушнера не переиздавался. Год спустя ученый заявил, что считает его в значительной степени устаревшим главным образом из-за того, что в нем выделялись «эпохи» и ничего не говорилось о формациях. Из-за этого Кушнера обвиняли, в частности, в приравнивании эпохи торгового капитализма к формации²⁷. 1929 год – несомненно, переломный этап в истории как страны в целом, так и советской науки. Начинается этап тотальной «советизации» науки, выдвижения воинствующих марксистов на руководящие посты, смещение с этих постов, зачастую сопровождавшееся репрессиями, «буржуазных специалистов», ученых старой школы. Как разворачивался этот процесс можно видеть на примере ГАИМК: «Вице-президенты ГАИМК востоковед с мировым именем акад. В.В. Бартольд и антиковед акад. С.А. Жебелев были заменены большевиками – разжа-

лованным профсоюзным боссом Ф.В. Кипарисовым и бывшим чекистом, а потом преподавателем марксизма в Вятке С.Н. Быковским. Более половины сотрудников уволили как классово чуждых. В новом наборе были выпускники Института красной профессуры А.Г. Пригожин и М.М. Цвибак, недавний пропагандист из Красной Армии С.И. Ковалев, деятель «культурного фронта» из Тихвина В.И. Равдоникас<...>²⁸. Подобное изменение кадрового состава сопровождалось изменением стиля работы: «Вместо изучения конкретных вопросов истории культуры в центре внимания встали проблемы глобального масштаба. Шли непрерывные дискуссии, прежде всего о формациях. Знаменитая «пятичленка», никогда в таком виде не формулированная Марксом и Энгельсом и дожившая до наших дней, родилась в этой среде»²⁹. Активный пропагандист марксизма и большевик, Кушнер вполне мог стать в ряду указанных деятелей. Тот факт, что он работал в Москве, а не в Ленинграде, где находилась ГАИМК, не стал помехой, к примеру, В.Б. Аптекарю. Однако период «непрерывных дискуссий» о формациях, напротив, обернулся для Кушнера необходимостью уйти из науки. Одной из причин этого была его позиция по проблеме «первобытного коммунизма».

2. Дискуссии о первобытном коммунизме, социально-экономических формациях и месте этнографии в системе общественных наук

Проблема «первобытного коммунизма» приобрела в 1920-х годах в свете марксистской теории особую идеологическую актуальность. «Первобытный коммунизм» воспринимался некоторыми марксистами, вслед за Ф. Энгельсом, как историческое доказательство возможности существования бесклассового общества в будущем. «Если вначале был первобытный коммунизм, групповой брак, магия, – писал В.К. Никольский, – то не кричит ли это

о преходящести настоящего: чего когда-то не было, то может и перестать быть»³⁰.

П.И. Кушнер, преподававший в учебном заведении, имевшем четкую идеологическую ориентацию, не мог остаться в стороне от данной проблемы. 8 марта 1923 г. в Комуниверситете была организована дискуссия о первобытном коммунизме. Основных участников было трое: А.А. Богданов, П.Ф. Преображенский и П.И. Кушнер. По итогам диспута А.А. Богданов и П.И. Кушнер опубликовали статьи с изложением своих аргументов, точка зрения П.Ф. Преображенского на данную проблему известна из его «Курса этнологии». Кроме того, о первобытном коммунизме П.И. Кушнер писал и на рубеже 1920–1930-х годов, во время дискуссий о социально-экономических формациях.

Дискуссия шла на двух уровнях: источниковедческом и конкретно-историческом. Аргументация Богданова основывалась на «надежном руководстве» исторического материализма. Он ставил под сомнение возможность использования этнографических данных о наиболее первобытных народах для реконструкции ранних этапов человеческой истории, так как современные «дикари» (австралийцы, бушмены, ведды, тасманийцы и др.) «выродились» под влиянием европейцев и от настоящей первобытности далеки³¹. Кушнер же отстаивал такую возможность. Богданов придерживался тезиса о неизбежности «коммунистического» распределения добычи из-за суровости природных условий, в которых жили первобытные люди: «Отсутствие прибавочного продукта исключает индивидуализм потребления». Орудия труда, по его мнению, также предоставлялись индивиду коллективом³². Что касается Преображенского, то он считал саму постановку вопроса о первобытном коммунизме ошибкой, которая вызвана перенесением представления, свойственного индустриальной эпохе, на первобытность, и критиковал Бюхера и Зибера за конструирование ее гипотетического описания при помощи фактов, взятых из различных культур и эпох. Он считал, что на ос-

новании научных данных можно говорить только о «более или менее индивидуалистических или коммунистических оттенках в хозяйстве данного общества» в зависимости от конкретных условий его технологии и окружающей среды³³.

Позиция Кушнера оказалась ближе к выводам «буржуазного» этнолога Преображенского, чем марксиста Богданова: «Наблюдения над жизнью современных примитивных народов, у которых могли сохраниться последние и весьма смутные пережитки первобытного хозяйства, говорят о совершенно других навыках, чем те, о которых повествуют защитники “первобытного коммунизма”»³⁴. Однако он исходил из литературы, которую Преображенский критиковал. Наибольшее влияние на позицию Кушнера в этом вопросе оказала теория немецкого экономиста Г. Бюхера об «индивидуальных поисках пищи» и животном индивидуализме первобытных людей. Основываясь на доступной ему литературе, Кушнер делал вывод о господстве на ранних стадиях человеческой истории собирательства. Охотничью же добычу первобытные люди делили «на месте», руководствуясь принципом «каждый получает то, в добывании чего он участвовал»³⁵. По вопросу об использовании орудий Кушнер не поддержал Преображенского, выдвинувшего на диспуте тезис о нахождении орудий в частной собственности, однако считал, что из ее отсутствия нельзя вслед за Богдановым делать вывод об их коллективном пользовании. Павел Иванович отрицал как общность производства, так и общность потребления в первобытном коллективе³⁶. Подтверждение тезиса об индивидуальном пользовании орудиями труда он видел в обычае, по которому в могилу вместе с покойником клались орудия труда, нужные ему в загробной жизни.

Позиции Кушнера и Преображенского сближались и по вопросу истории самого понятия первобытного коммунизма. Преображенский считал его результатом совмещения исследований Моргана, Бахофена и других исследо-

вателей, касающихся наиболее ранних этапов истории и изучения аграрного строя германцев, кельтов и славян с «научным социализмом»³⁷. Кушнер отмечал, что, говоря о первобытном коммунизме, забывают, что Энгельс этим термином называл «период варварства», т.е. родовой строй.

В 1924 г. обсуждение этой темы, хотя и имело идеологический подтекст, велось в рамках научной дискуссии. Более того, большевик и марксист Кушнер мог отрицательно высказываться об идее первобытного коммунизма, пусть и предлагая вторичную аргументацию. Однако на рубеже 1920–1930-х годов в контексте развернувшейся в исторической науке дискуссии о формациях вопрос о первобытности как формации стал одним из ключевых.

Начало этих дискуссий П.И. Кушнер воспринял, видимо, с энтузиазмом. Под его председательством в 1928 г. в социологической секции Комкадемии прошло обсуждение книги медиевиста Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы». Кушнер, Удальцов и другие марксисты раскритиковали Петрушевского за то, что тот понимал феодализм не как формацию с соответствующим экономическим базисом, а только как политическую систему. На этом диспуте Кушнер, по-видимому, впервые использует понятие «формация», а не «общественная форма» или «социологическая эпоха»: «Можно ли понять исторический процесс, если пройти мимо понятия «общественной формации», как они формулированы К. Марксом, – т.е. мимо понятия об особых эпохах, экономика которых непосредственно связана со всеми политическими и другими надстройками? Я думаю, что никакого другого пути для понимания исторического развития нет<...>»³⁸.

В 1929 г. на дискуссии о марксистском понимании социологии он предложил разделять исторический материализм как общую теорию и социологию как науку, изучающую развитие общественных формаций, говорил о необходимости основанных на эмпирическом материале иссле-

дований отдельных формаций. В особенности разработка социологии нужна, по его мнению, для исследования хода развития «отсталых обществ» и научного обоснования возможности их некапиталистического развития. Он представлял себе развитие марксистской социологии как поступательный процесс «строительства» социологической теории на основе отдельных эмпирических исследований. Доказательством этому служит его оценка состояния марксистской теории: «За исключением капитализма как формации, которую изучил сам Маркс, мы не имеем законченного изучения ни одной формации. Дискуссия о книге Д.М. Петрушевского выяснила, что мы до сих пор не знаем точно, что такое феодализм как формация. Еще меньше определенности в более ранних, чем феодализм, формациях. Что такое “родовой строй”, существовал ли родовой строй вообще, формация ли это или местное историческое явление, наблюдавшееся у некоторых народов?»³⁹.

В дальнейшем центральную роль в дискуссиях о формациях играл А.Г. Пригожин, ставший вскоре главным специалистом по теории формаций и «марксизации» истории. Пригожин был воспитанником созданного Покровским Института красной профессуры (ИКП), специализировавшимся по западноевропейской истории Нового времени, автором книги о Гракхе Бабефе, статей о профсоюзном движении и нескольких учебников по истории Европы*. Однако его «коньком» были не конкретно-

* Биография Абрама Григорьевича Пригожина представляет интерес для характеристики поколения «молодых марксистов» и имеет определенные параллели с биографией Кушнера. Он родился в 1896 г. в Смоленске в семье ремесленника. В 1907–1916 гг. учился в Смоленской классической гимназии, с 15 лет зарабатывал уроками. С 1912 г. связан с революционными организациями, в 1916 г. примкнул к студенческой организации Бунда, в 1917 г. вступил в РКП(б). После 1917 г. полностью отдался «общественно-революционной работе»: воевал, работал в агитпропотделе Киевского губкома партии. Оригинальным эпизодом его партийной карьеры, относящимся к 1918 г., была должность

исторические исследования, а толкование высказываний классиков марксизма. С публикацией статей «Проблема общественных формаций» (1930) и «К. Маркс и Ф. Энгельс о феодализме как общественной формации» (1931) Пригожин концентрируется на создании марксистской схемы исторического процесса. Став заместителем председателя

первого советского директора Харьковского Государственного драматического театра, деятельность по «советизации» украинских театров и борьбе против «контрреволюционных выступлений» актеров. Был редактором газеты, участвовал в X съезде РКП(б) и подавлении Кронштадтского восстания. После демобилизации направлен на курсы марксизма при Комакадемии, откуда в 1922 г. перешел на историческое отделение Института красной профессуры, был командирован в Лондон для научной работы. С 1925 г. преподавал историю сначала в Свердловске, а с 1926 г. в Китайском университете им. Суньятсена в Москве. В 1923 и 1926–1927 гг. был активным троцкистом, поддерживал взгляды оппозиции на китайскую революцию на собраниях студентов и активе Комакадемии, за что был исключен из партии и переведен на работу в Дальневосточный университет во Владивостоке. Там в 1927 г. «безоговорочно порвал с троцкизмом», был, очевидно, восстановлен в партии и уже в 1928 г. стал работать в Ленинграде в Комуниверситете им. Сталина. На начало 1930-х гг. приходится стремительный карьерный рост Пригожина. Он становится членом президиума Института истории, профессором ИКП, ученым секретарем Общества историков-марксистов. Наконец, в 1932 г. становится сначала членом ГАИМК и зав. сектором капиталистической и социалистической формаций, входит в президиум этого учреждения, а в ноябре назначается заместителем председателя Академии. В 1934 г. переведен в Москву на должность директора Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). В 1935 г. арестован в связи с троцкистским прошлым и сослан на три года в Уфу, где он был повторно арестован и расстрелян в 1937 г. См.: АИИМК, ф.2, оп.3, д.535 (Личное дело Пригожина А.Г.), а также о нем: Артизов А.Н. Судьба историков школы М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1994. №7. С. 41–42.

ГАИМК академика Н.Я. Марра, он организовал следующий тур формационных дискуссий, выступив в роли главного теоретика, под руководством которого возникла известная советская «пяточленка». При этом он уже выступал в роли эксперта по вопросам всех формаций. Как уже говорилось, в ГАИМК вокруг Марра возникла группа молодых партийцев (С.Н. Быковский, Ф.К. Кипарисов, В.И. Равдоникас и др.), также занимавшихся в основном интерпретацией трудов классиков марксизма и резкой идеологической критикой оппонентов. Под их руководством ГАИМК претендовал на роль центра изучения докапиталистических формаций. «Единственное учреждение, которое в настоящее время работает по истории докапиталистических формаций, – писал Пригожин, – это коллектив историков, который создан и работает под руководством Н.Я. Марра в ГАИМК»⁴⁰.

В 1931 г. в ГАИМК обсуждался вопрос о том, применимо ли понятие «формация» к первобытности. Разброс мнений по этому вопросу как внутри, так и вне ГАИМК описал В.И. Равдоникас: «Одни вовсе отрицали применимость к доклассовому обществу понятия социально-экономической формации, способа производства и даже производственных отношений (С.И. Ковалев, И. Фролов), другие, наоборот, пытались отыскивать в нем сразу несколько формаций (П. Кушнер-Кнышев, В.К. Никольский), третьи ведут жестокую борьбу против самой теории первобытного коммунизма (П.Ф. Преображенский, тот же П. Кушнер-Кнышев, А.М. Золотарев), четвертые (их большинство) под разными соусами реставрируют механистические теории, в частности, богдановщину<...>»⁴¹ Даже Пригожин в 1929–1930 гг., «культивируя троцкистские теории, настаивал на неприменимости понятия общественно-экономической формации к доклассовым и бесклассовым обществам»⁴².

Однако в ходе проходившей в ГАИМК в 1931 г. дискуссии ее участники осознали «немарксистскую сущ-

ность» подобного взгляда: если доклассовое общество не является формацией и к нему не применимы понятия производительных сил и производственных отношений (противоречие между которыми движет, по Марксу, историей), что же, писал Быковский «лежит в основе их развития? Идея? Дух?»⁴³. В 1932 г. вышел сборник «Первобытное общество» под редакцией Н.М. Маторина, в котором первобытность определялась им как период первобытного коммунизма, распадающийся на стадии возрастано-половой коммуны и родового общества⁴⁴. В 1933 г. А.Г. Пригожин констатировал «гигантское значение» признания архаического общества особой формацией, которой присущи собственные «противоречия», а противники этой идеи, по его словам, «объективно действовали на руку социалфашистским теоретикам» Кунову и Каутскому. Он также обозначил большие планы ГАИМК по разработке темы первобытного коммунизма⁴⁵.

Основные положения этой теории гласили, что существовало доклассовое общество, особая формация, «в основании которой лежит первобытно-коммунистический способ производства»⁴⁶. Рабочая сила, т.е. люди, являются при этом одновременно и средствами производства. Первобытная эпоха, согласно Пригожину, имела три этапа: родовое общество, родовое общество или «первобытная коммуна» и сельская община⁴⁷. Равдоникас предложил схожую периодизацию: 1) эпоха первобытного стада, 2) эпоха возрастано-половой орды с кровнородственной семьей и 3) эпоха родового общества, которая проходит стадии матриархата, патриархата и сельской общины⁴⁸. Таким образом, родовой строй связывался с первобытно-коммунистическими отношениями: коллективным производством, коллективной собственностью и коллективным потреблением⁴⁹. Немало копий было сломано при определении сущности «основного противоречия», которое должно было присутствовать и служить источником развития доклассового общества так же, как и любой другой

формации. Здесь окончательной оказалась формулировка С.Н. Быковского. Источником развития и причиной крушения доклассового строя было, по его мнению, противоречие между первобытно-коммунистическими производственными отношениями и постепенно развивающимся половозрастным разделением труда, правилами дележа добычи и половозрастных запретов, создававших постепенно предпосылки неравенства и возникновения частной собственности⁵⁰. В обобщающей работе «Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций» А.Г. Пригожин, касаясь первобытности, критиковал взгляды А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, Г. Кунова, К. Каутского. Из отечественных этнографов и историков критике подверглись П.Ф. Преображенский, П.И. Кушнер и А.М. Золотарев. Главной ошибкой Кушнера было названо отрицание теории первобытного коммунизма, которой он противопоставил теорию индивидуальных поисков пищи Бюхера и Шурца⁵¹.

П.И. Кушнер, как уже было сказано, принимал участие в дискуссиях о формациях. На заседании секции социологии Института истории Комкадемии он прочитал доклад «Об общественно-экономических формациях» (27 ноября 1930 г.), а также опубликовал предисловие к учебнику А. Гуковского и О. Трахтенберга «Очерк истории докапиталистического общества» (1931), отразившее основные положения этого доклада. Кушнер, разумеется, констатировал важность теории формаций Маркса и ленинского учения об укладах для материалистического понимания истории, однако по-прежнему указывал на слабую изученность докапиталистических формаций. Он также подчеркивал, что формационные ступени развития нельзя представлять «в виде каких-то схем, заранее предначертанных». Следует принимать во внимание различные исторические условия, в которых развиваются народы, внешние влияния и т.д., в результате которых возможны как развитие, так и застой и даже регресс. Каждая формация существует в большом количестве «вариаций». «Если же взять челове-

ство в целом, то эти вариации стираются, но это приближение будет чрезвычайно грубым»⁵². Далее ученый высказывался относительно каждой формации. Первобытную (родовую) эпоху единой формацией он не признавал, считая, что «если мы ее не делим на несколько самостоятельных формаций, то это объясняется лишь недостаточностью наших сведений о первобытности»⁵³. Он по-прежнему не соглашался с концепцией «первобытного коммунизма» и «общности производства и потребления» в первобытных «коммунах». Эпоха родового строя – вполне законченная формация. Распад родовой эпохи приводит к феодализму, «азиатский способ производства» – один из его вариантов. Через этап феодализма прошла и Древняя Греция, развитие которой шло по линии «первичный феодализм – рабовладение – феодализм». Классический «первичный феодализм» можно также изучать на примере Ирландии, Японии, Киевской Руси. Крепостничество и торговый капитализм также нельзя считать отдельными формациями – все это различные этапы развития феодализма.

Таким образом, в 1929–1930 гг. Кушнер включился в развернувшиеся формационные дискуссии, хотя, в то же время, он высказывал недовольство «цитатным» методом их проведения: «С недавних пор все более распространяется нехорошая привычка вместо доказательства при спорах отделяться одними цитатами из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина. Не говоря уже о том, что цитата не есть доказательство, а только ссылка на авторитет, “цитатный” способ вести дискуссию превращает ее в схоластику, устраняет из нее все важное и действительно доказательное»⁵⁴. Однако в дальнейшем эти дискуссии проходили уже без его участия. Пригожин, который присутствовал на докладе, сделанном Кушнером в 1930 г., обвинил его автора в «механистическом подходе», в том, что он не видит революционного «скачка» при переходе из одной формации в другую. В заключение он высказал неудовлетворение тем, что Кушнер не подверг самокритике свои взгляды и что

«пока с учением т. Кушнера об общественных формациях мы не имеем учения Маркса об общественных формациях»⁵⁵.

В 1932 г. Равдоникас опубликовал статью «О сущности развития доклассового общества», большая часть которой была посвящена критике Кушнера. Ее тон был оскорбительным и срывался на политические обвинения. Равдоникас назвал Кушнера «старым и упрямым врагом теории первобытного коммунизма». Кунов, а вслед за ним Кушнер и Преображенский допускают существование отношений собственности в доклассовом обществе. Кушнер «популяризирует буржуазные взгляды в их меньшевистском варианте» и при этом еще претендует «на какое-то видное место в советской науке». Настоящие авторитеты для Кушнера – К. Бюхер, Г. Шурц, Г. Кунов, он даже «не брезгает» П.Ф. Преображенским. Приводя в опровержение «первобытного коммунизма» австралийские обычаи, Кушнер следует «по проторенному буржуазными авторами пути», не понимая, что австралийские аборигены стоят на стадии конца родового общества и поэтому обнаруживают некоторые признаки распада старых отношений. Доклассовое общество представляет собой, по Кушнеру, «неопределенный ряд неопределенных, но, во всяком случае, не первобытно-коммунистических формаций». По логике Равдоникаса, если отношения в первобытном обществе не коммунистические, из этого следует возможность эксплуатации. А из этого уже следовало приписывание Кушнеру антисоветских политических намерений: «Политические утверждения П. Кушнера о возможности эксплуатации человека человеком без частной собственности, – писал Равдоникас, – подводят базу под ту контрреволюционную клевету на Советский Союз, распространяемую меньшевиками, что будто бы в условиях пролетарской диктатуры, в условиях строительства социализма существует “военно-феодалная эксплуатация крестьян”, эксплуатация рабочих на государственных предприятиях и т.п.». Статья заканчи-

ввалась недвусмысленным призывом «положить конец буржуазной агитации в советской литературе о первобытном обществе»⁵⁶. Вслед за данной статьей Равдоникаса Кушнер на протяжении первой половины 1930-х годов упоминался в изданиях ГАИМК в основном в паре с Преображенским как ученый, повторяющий «утверждения буржуазных и социал-фашистских авторов», облакая их в «марксистские фразы»⁵⁷. Предисловие Кушнера к учебнику Гуковского и Трахтенберга было упомянуто даже в докладе С.Н. Быковского «Возможна ли марксистская археология» на Археолого-этнографическом совещании 7–11 мая 1932 г. как иллюстрация отсталости археологического «фронта»⁵⁸.

Одновременно с утверждением «пятичленки» теоретики ГАИМК, а также преподаватель истмата В.Б. Аптекарь, заинтересовавшийся «новым учением о языке» Н.Я. Марра, вели, как известно, кампанию критики этнологии/этнографии*. В.Б. Аптекарь развивал свою кри-

* В работах, посвященных драматическим событиям, происходившим в этнографии на рубеже 1920–1930-х годов, практически отсутствуют сведения об одном из главных действующих лиц. Восполним этот пробел. Валериан Борисович Аптекарь родился в 1899 г. в небольшом местечке Полтавской губернии. В 1919 г., будучи еще гимназистом, вступил в РКП(б), принимал активное участие в установлении советской власти на Украине: в том же году он был уже заместителем наркома просвещения «Червоного побережья Левобережной Украины», был ранен, чудом избежал расстрела и т.д., затем был направлен на учебу в Москву, где стал в 1920 г. политинспектором и политконсультантом Реввоенсовета. В то же году поступил на философское отделение историко-филологического факультета МГУ, однако выбыл с 1-го курса. В 1922 г. поступил на отделение внешних сношений ФОНа МГУ, проходил практику в НКВД, однако оставил и эту карьеру. С 1922 по 1926 г. преподавал истмат, историю ВКП(б), историю классовой борьбы и т.д. в военных школах, курсах усовершенствования командного состава. С 1926 по 1930 г. вел семинар по истмату для студентов 2-го МГУ, с 1923 по 1925 г. заведовал издательством Комакадемии, с 1927 г. – член Общества историков-

тику, основываясь на резком противопоставлении двух несовместимых подходов: этнологического и социологического. Излагая учение Марра, он утверждал, что сделанный им в 1923 г. вывод о том, что яфетические языки являются не языковой семьей, а универсальной стадией в развитии языка, был переходом от «этнологизма» к социологии. «Этнологизм» исходит из представления об извечности эт-

марксистов. Одним из важнейших событий его жизни стало знакомство с Н.Я. Марром. Он писал: «В 1925 г. впервые познакомился с некоторыми работами Н.Я. Марра, учение которого сильно меня заинтересовало, так что с 1926 г., после личного знакомства с Н.Я. Марром, начал серьезно работать по яфетической теории под непосредственным руководством Н.Я. в качестве его ассистента». Уже в 1928 г. он приглашается ученым секретарем секции материалистической лингвистики Комкадемии, в 1929–1932 гг. был заместителем Марра в секции языка Института этнических и национальных культур. В 1930–1931 гг. читает курсы для аспирантов Яфетического института и Института по изучению народов СССР (ИПИИ) по методологии языкознания и критике буржуазных теорий в лингвистике, этнографии и антропологии, с 1931 г. с небольшим перерывом, связанным, вероятно, с временным исключением из партии (в 1932 г. за связь с руководителем «антисоветской мясниковской группы» Н. Морозовым), по 1936 г. работал в ГАИМК. Печатные работы Аптекаря состоят в основном из статей, пропагандировавших яфетическую теорию, хвалебных рецензий на труды Н.Я. Марра и И.И. Мещанинова, двухтомной хрестоматии по основам диалектического материализма и хрестоматии по яфетидологии. Он также подготовил к изданию и написал большое предисловие к пятитомному собранию сочинений Марра. В отзыве на работы Аптекаря в 1935 г. другой маррист, С.Н. Быковский, отмечал значимость его работ «в области систематизации учения академика Н.Я. Марра о языке, в области фактической организации научного издания работ Н.Я. Марра», а также работы по «вопросам этнографии» и исследования по этрусскому вопросу, к которым Аптекарь приступил незадолго до расстрела в 1937 г. – См. личное дело В.Б. Аптекаря// АРАН. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1.

носов, отождествляет расу и язык (индоевропейская, яфетическая расы) и, по сути, видит в истории только миграции рас. Порвав с этими представлениями, Марр покончил с «протоисторическими исканиями в разрезе этнологизма», и на их место выступило «палеонтологическое исследование, базирующееся уже на данных социологии»⁵⁹. В 1928 г. он вновь подчеркивал несовместимость марксистской социологии с этнологией. Основные этнологические категории – культура и этнос – рассматриваются, по его мнению, как «надприродные» и внеисторические сущности, наделенные имманентными силами развития; делаются попытки говорить о законах развития культуры. Так как марксизм устанавливает примат базиса над надстройкой, место культуры как объекта изучения и этнологии как науки должно занять изучение общества, осуществляемое социологией, «социологическое исследование конкретных во времени и пространстве отдельных человеческих обществ»⁶⁰.

Известно, что на рубеже 1920–1930-х годов «новое учение о языке» Н.Я. Марра приобретает широкую популярность в научных и околонучных кругах, в том числе среди марксистских идеологов. «В.М. Фриче, А.М. Деборин, Н.И. Бухарин, А.В. Луначарский поддерживали Марра, писали о нем как о великом лингвисте, марксисте, указывали на идеологическую значимость его теории»⁶¹. Сам Марр не менее активно доказывал материалистическую, диалектическую и марксистскую сущность своей теории, повторял ученикам, что «если они не будут продолжать это дело в сторону социологическую и марксистскую, то нашему делу конец», эксцентрически призывал «дождаться, когда марксисты возьмут его (дело развития яфетической теории – С.А.) в свои руки и вас с вашим учителем выставят вон»⁶². На обсуждении его доклада «К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории» практически все выступавшие говорили о данной теории как о чем-то не подлежащем сомнению, большая часть реплик сводилась к подчеркиванию ее идеологиче-

ского значения. М.Н. Покровский выразил это отношение аудитории к построениям Марра с несколько наивной откровенностью: «Вы можете проверить утверждения нашего докладчика? Вероятно, в этой зале найдутся три–четыре человека, которые могут проверить, но все остальные, в том числе и я, должны принимать это на веру»⁶³.

В этом обсуждении участвовал и П.И. Кушнер. Его выступление, зафиксированное в прениях, является, пожалуй, единственным свидетельством отношения ученого к марризму в эти годы. Его тон, в целом позитивный, отличается от остальных реплик отношением к «новому учению» прежде всего как к научной гипотезе, требующей доказательств, отказом принимать его на веру: «Яфетическая теория – безусловно социологическая, потому что она ставит перед нами основные проблемы о направлении общественного развития. Если эта теория после детальной критической проверки с точки зрения исторического материализма окажется правильной, то она и даст возможность разрешить такие вопросы в области генезиса различных общественных форм, которые до сих пор еще не разрешены»⁶⁴. К числу таких вопросов он относил генезис матриархата, проблему распространения тотемизма. В то же время он указал на спекулятивность употребления Марром таких терминов, как класс и классовая борьба: «В выступлении академика Марра класс – понятие не вполне определенное. Классовая борьба и классовая дифференциация относятся к временам слишком отдаленным, чуть ли не к первобытным, и, наконец, так широко трактуются, что мы в конце концов должны будем или несколько уточнить это понятие, или попросить у референта дополнительных каких-то доказательств, что действительно классы существовали в те времена, к которым он их относит»⁶⁵. Таким образом, Кушнер явно не принадлежал к числу тех марксистов, приход которых так приветствовал Марр. Это видно и из критических выпадов в его сторону, сделанных в том же 1930 г. в докладе «Яфетидология и марксизм» главным учеником Марра И.И. Ме-

щаниновым. В очередной раз заявив о признании яфетидологами марксизма и пригласив марксистов к сотрудничеству, Мещанинов посетовал, что в их работах есть положения, с яфетидологией несовместимые: «В работе Кушнера имеется глава о происхождении языка <...> Там говорится примерно так: происхождение языка обязано желанию человека поделиться своими впечатлениями <...> Это объяснение Кушнера для нас безусловно неприемлемо. (С места: и для марксизма оно тоже неприемлемо.) Да, я это слышал, и все же работа эта рекомендована в комвузах. В данное время я нахожу, что это будет расхождение не с марксизмом, а с марксистом»⁶⁶.

П.И. Кушнер принимал участие и в жарких дебатах, развернувшихся по вопросу о соотношении этнографии, социологии и исторического материализма. Как уже говорилось, он был сторонником существования социологической науки, отдельной от исторического материализма, хотя и разработавшей марксистскую теорию формаций. Однако существование марксистской социологии отнюдь не исключало, по его мнению, существования этнологии/этнографии. Она становится, как он считал, одной из социологических наук, «описывающей» «отсталые народности» и поставляющей генетической социологии материал для обобщений. На обсуждении доклада Аптекаря «Марксизм и этнология», сделанного 7 мая 1928 г. на заседании социологической секции Общества историков-марксистов Комакадемии, Кушнер сказал, что, не являясь оппонентом докладчика по принципиальным вопросам, он, тем не менее, не согласен с полным отрицанием этнографии, хотя последняя и не может претендовать на звание обобщающей науки. Приведем цитату из этого выступления:

«Для того, чтобы создать историю общества, нужна не только история документов, история камней, т.е. история, которая основывается на памятниках письменности, но нужна и та история живого человечества, которая может обосновываться на существующих отсталых народностях. Вот этнология – един-

ственная наука, которая дает возможность строить наше учение об отсталых народностях, и даже для современной политики учение об отсталых народностях вовсе не является таким незаметным и малым местом, чтобы им пренебречь. Я думаю, что эта наука может существовать. Как ее назвать – не имеет значения. Можно назвать ее этнологией, можно назвать ее этнографией, социологией и т.д. Можно ее назвать наукой о живой истории человечества, т.е. о таком современном человечестве, которое еще не дошло до стадии капиталистического развития <...> Нужна какая-то описательная наука, которая будет описывать отдельные народности, отдельные ветви, будет описывать быт, материальную культуру, всевозможные верования и сводить их. Если при этом будет и марксистский анализ – тем лучше, – тогда удастся этот материал более или менее систематизировать. Но вот нужно эти народности описать отдельно так, как они сейчас существуют, а потом генетическая социология сведет в определенные социальные формы и выявит, что у этих народностей общего и что различного»⁶⁷.

Таким образом, Кушнер, хотя и был сторонником формационной теории, отнюдь не считал этнографию наукой, несовместимой с марксизмом. По этому вопросу его точка зрения была, пожалуй, близка намерениям Н.М. Маторина, также стремившегося, не отменяя этнографической науки, перестроить ее на основе марксистской теории⁶⁸. На этой платформе стояло и большинство участников дискуссии. Например, С.А. Токарев утверждал, что этнология не стремится заменить социологию, а является ее частью, занимающейся «малокультурными народами» и народной культурой. Культура для этнологов является только источником для изучения общества и его истории. Когда «отсталые народы» обретут свою письменность и настоящую историю, разделять историческую и этнографическую науку будет бессмысленно⁶⁹. М.О. Косвен также считал, что предметом изучения этнографов является об-

щество, следовательно – это наука социологическая, однако общество изучается в развитии и «в различных формациях», следовательно этнография также – историческая наука, изучающая доклассовое общество⁷⁰. С.П. Толстов на Советании этнографов Москвы и Ленинграда 1929 г. утверждал, что этнография изучает «социально-экономические формации с низким уровнем производительных сил», а также «каждый культурный элемент, каждую сторону бытия этих народов <...> в исторической перспективе»⁷¹.

В первой половине 1930-х годов эта точка зрения была в более радикальной форме провозглашена в резолюции проходившего в ГАИМК Археолого-этнографического совещания 1932 г.: этнография признавалась только как «находящаяся на службе у исторического исследования» вспомогательная дисциплина, имеющая своей задачей собирание и первичную обработку полевых наблюдений. Существование этнографии как науки, имеющей собственные предмет и метод изучения, противоречит марксистскому представлению об историческом процессе как процессе смены формаций. Этнографы должны стать «историками-марксистами занятыми изучением докапиталистических формаций общества» и обратить внимание на ряд «практических, политически заостренных проблем, при изучении которых этнографические материалы могут сыграть особо важную роль»⁷².

3. «Горная Киргизия» П.И. Кушнера: текст и контекст

Одной из «политически заостренных» проблем было изучение социально-экономических отношений у различных народов. «Очерк развития общественных форм» заканчивался словами о том, что Советский Союз производит «грандиозный социальный опыт». Его суть заключается в попытке ускорить темп развития «отсталых» народов извне при помощи целенаправленной государственной по-

литики. Для этого, считал Кушнер, сложились все необходимые условия: с одной стороны, наличие пролетарского государства, с другой – марксистской науки, «вскрывающей сущность общественных явлений и поэтому могущей быть использованной как орудие борьбы за новое общество»⁷³. Этими прикладными задачами или, как писал С.А. Токарев, задачей «помочь местным советско-партийным работникам разобраться в сложной обстановке общественных отношений у каждого отдельного народа» определялась в данный период основная проблематика публикаций молодого поколения этнографов⁷⁴. С.П. Толстов также указывал на концентрацию внимания на вопросах общественного строя и социальной культуры «в тесной связи с практикой социалистического строительства» как характерную черту публикаций тех лет⁷⁵.

Монография П.И. Кушнера «Горная Киргизия (социологическая разведка)» была первой в этом ряду, поэтому рассмотрение истории ее написания, проблематики и развернувшихся вокруг нее дискуссий может дать представление о характерных чертах эмпирических этнографических работ тех лет и ситуации, в которой они создавались. Подзаголовок также характерен и отсылает к призывам В.Б. Аптекаря заменить исследования «этнических культур» на «социологическое исследование отдельных человеческих обществ»⁷⁶.

Экспедиционная исследовательская деятельность в Киргизии в 1920-е годы была довольно интенсивной. Киргизов изучали этнографы С.М. Абрамзон, Н.П. Дыренкова, Ф.А. Фиельструп, М.Ф. Гаврилов, экономисты П. Погорельский и В. Батраков, а также коллектив авторов, подготовивших десяти томное издание «Современный аул (кишлак) Средней Азии»⁷⁷.

Примером исследования, выполненного в «классическом» стиле ленинградской школы и отражавшего теоретические интересы ее учителя Л.Я. Штернберга, является статья Н.П. Дыренковой «Брак, термины родства и психи-

ческие запреты у кыргызов», основанная на полевых материалах, собранных летом 1926 г. в Нарынском районе Семиреченской области. Дыренкова опубликовала подробную номенклатуру родства и свойства киргизов и доказывала, что в ней сохранились черты классификационной системы. Кроме того, она зафиксировала существующие нормы брака (экзогамия, кузенный брак, левират) и «психические запреты», соблюдаемые невесткой и зятем по отношению к своим свойственникам⁷⁸. Полевые исследования Ф.А. Фиельструпы среди киргизов Семиречья 1924 и 1925 гг. охватывали, судя по опубликованному краткому отчету, более широкую тематику: он составлял родословные таблицы, изучал историческую народную традицию, значение термина «суек», брак и добрачные отношения жениха и невесты, магические охранительные обряды и т.д. Кроме того, он собирал коллекции для музея, проводил рекогносцировку археологических памятников, записывал песни, пословицы и т.д.⁷⁹ Вопросы экономики и социально-экономических отношений данные исследователи, по видимому, не касались.

В то же время проводилось статистико-экономическое изучение края. В марте 1925 г. пленум Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) принял решение об организации исследования среднеазиатского кишлака и аула. Ставилась задача изучения земельно-водных отношений, положения «различных социальных групп населения», вопросов «смычки города и деревни» и построения советского партийного аппарата в Средней Азии. В апреле 1925 г. прошло совещание по вопросу о предстоящем обследовании. Руководитель комиссии по проведению обследования Б.Б. Карп назвал две основные задачи: обследование должно помочь «построить правильную сельскохозяйственную политику в деревне» и определить «социальные группы, на которые в дальнейшем в своей политике должно опираться советское строительство»⁸⁰.

В Узбекской, Туркменской и Киргизской республиках было проведено районирование, намечены типичные для определенной местности волости и кишлаки. В каждую намеченную волость отправлялся отряд, состоящий из двух партийных работников и трех экономистов. Обследование производилось летом 1925 г. в течение 3–3,5 месяцев. Главными объектами изучения были состояние сельского хозяйства, промыслов, кредита, торговли и кооперации, культурно-просветительской работы, партийного и советского аппарата на местах⁸¹. Программа содержала следующие вопросы: география и этнография (географические условия расположения, национальность и занятия населения), пути сообщения и связь (дороги, почта и т.д.), земельное устройство, ирригация, культурность хозяйства (орудия, удобрения, применение техники и т.д.), взаимопомощь (кассы взаимопомощи и туземные обычаи), кредит (государственный, ростовщичество и т.д.), торговля (есть ли в селении базар, кто занимается торговлей, ассортимент товаров), кооперация, промыслы, бюджеты хозяйств, состояние колхозов и совхозов, экономическое влияние города (цены на хлеб, деятельность заготовительных органов), советская общественность (деятельность и состав «союзов Кошчи»⁸², сельсоветов, волисполкомов, ход выборов в эти органы), судопроизводство и бытовые преступления⁸³. Экономисты составляли списки домохозяйств, подворные карточки и проводили бюджетные обследования. Для выбора хозяйств, подлежащих бюджетному обследованию, они группировались по количеству скота в скотоводческих и земли в земледельческих районах; в каждой группе выделялись хозяйства, нанимающие рабочую силу, работающие своими силами и «отпускающие» своих членов работать в других хозяйствах. В результате обследования были опубликованы посвященные типичным волостям выпуски, описания в которых строились по одному плану: 1) общий очерк географических и естественных условий, пути сообщения и население; 2) сельское хозяйство (кочевое или

земледельческое), обеспеченность населения землей и скотом, бюджеты хозяйств; 3) промыслы, торговля и кооперация. В выпуске, посвященном Загорной области, т.е. горному району Киргизии, который изучал Кушнер, были опубликованы также два очерка участвовавшего в экспедиции среднеазиатского этнографа М.Ф. Гаврилова «Классовый состав “букары” Горной Киргизии» и «Манап» (последний очерк открывался эпитафией из статьи Кушнера).

Летом 1925 г. экспедиция Кушнера обследовала Таласский и Сусамырский районы, находящиеся в западной части Тянь-Шаня. Организационно она проходила независимо от экспедиций Среднеазиатского бюро ЦК, по поручению московской Научно-исследовательской ассоциации по изучению национально-колониальных проблем, однако между ними существовала тесная взаимосвязь. Структура монографии «Горная Киргизия» говорит о том, что ученый был знаком с программой обследования, подготовленной Среднеазиатским бюро и следовал ей в изложении своего материала. Монография состоит из семнадцати разделов, во многом повторяющих данную программу. Следует также напомнить, что Кушнер в начале 1920-х годов занимал в формировавшейся партийной иерархии Средней Азии видное место: он был председателем Ташкентского городского комитета РКП(б), членом Туркестанского ЦИК и ЦК КП(б) Туркестана. Прибыв спустя несколько лет в Среднюю Азию уже в качестве исследователя, он не забывал и прежнюю свою ипостась.

Ход самой экспедиции и то, как собирался материал, прекрасно характеризует понятие «разведка», вынесенное автором в подзаголовок книги. Экспедиция прошла более 600 км по местам наиболее посещаемых летних пастбищ (джейлау). Климатические условия обследованного района позволяли заниматься земледелием лишь в предгорьях, зато на его территории располагались прекрасные пастбища, в особенности в районе горного хребта Сусамыр, «узла кочевнических интересов», по словам Кушнера. 70%

хозяйств района занимались кочевым скотоводством, среди них 40% не имели посевов вообще⁸⁴. Горная Киргизия была «медвежьим углом», в котором к середине 1920-х годов, по единодушному признанию почти всех наблюдателей, советской власти в виде судов, милиции и проч. не существовало, туда не добирались и фининспекторы, и поэтому туда было принято угонять скот для укрытия от налогообложения. Истинной властью в этом районе, также по общему мнению всех писавших о нем, обладали влиятельные и богатые скотоводы, представители родовой знати – манапы⁸⁵.

Кушнера сопровождали три спутника – Б. Салиев, тов. Файзи (Файзи – студент Комуниверситета, Салиев – возможно тоже, но о нем ничего не сообщается) и художник (имя не известно). Кроме того, Кушнер пользовался материалами еще двух своих студентов, Ипатова и Кириллова, одновременно обследовавших Нарынский район. Впрочем, говоря об обследовании семейных бюджетов, он упомянул, что обладал «ничтожным временем» – тремя неделями и всего одним помощником – возможно, это относится именно к бюджетной части обследования, а не ко всей экспедиции⁸⁶. Материалы собирались опросным путем. Описание этой работы и трудностей ее проведения характерны для многих этнографических и статистических исследований данного периода: опрашиваемые старались скрыть свои доходы, убежденные в том, что полученные сведения «будут использованы в целях фиска». Особенно трудно было опрашивать богачей, укрывавших свой скот как от финансовых органов, так и от экспедиции. Так, в случае богача Игамберде пришлось устроить «что-то вроде перекрестного допроса», и приходная часть его бюджета стала более-менее ясна только после «разоблачений» со стороны его собственного зятя⁸⁷. Кроме того, Кушнер описывал недоумение, которое вызвала экспедиция среди местного населения: исследователей приняли сначала за торговцев баранами, когда же те отказались от покупок, за «тюря» (начальников). Оба спутника Кушнера знали кир-

гизский язык – они перевели несколько преданий о происхождении манапов, а Файзи, кроме того, устроил во время митинг, на котором «говорил про советскую власть» и о том, что «взятки не только нельзя брать, но и давать не следует»⁸⁸. Таким образом, экспедиция Кушнера слабо соответствовала высоким стандартам полевой работы, принятым в этнографии 1920-х годов, особенно среди ученых ленинградской школы.

Воспитанник этой школы, лидер советского киргизоведения С.М. Абрамзон проводил гораздо более глубокую полевую работу, но при этом занимал не менее определенную политическую позицию. Окончив в 1926 г. этнографическое отделение геофака ЛГУ, в том же году по приглашению Киргизской научной комиссии он переехал в эту республику, где жил до 1931 г., занимая посты директора Киргизского музея краеведения в г. Фрунзе и заместителя директора НИИ при СНК Киргизии. В 1927 г. он вступил в ВКП(б), с 1920 по 1928 г. состоял членом ВЛКСМ⁸⁹. Абрамзон проводил экспедиции в 1927 г., в 1928 г. был прикомандирован к кочевому совету на Сусамыре, где также собирал материал, затем полтора года был загружен административной работой в институте и лишь в 1930 г. совершил следующую поездку – в долину р. Б. Кебин, в «резиденцию крупнейшего манапа и царского сатрапа Шабдана Джантаева»⁹⁰. В газете «Советская Киргизия», органе Киробкома ВКП(б), появилась заметка «Наука в борьбе с манапством», в которой сообщалось о возглавляемой им экспедиции, в состав которой, помимо художника и практиканта, входил помощник прокурора республики, имевший целью «изучение на месте преступлений бытового характера». «Основной задачей экспедиции, – говорилось в статье, – является изучение центра манапского влияния в северной Киргизии – района, где сосредоточены сохранившиеся еще остатки манапства <...> и всестороннее ознакомление с социально-экономической ролью манапства, его корнями,

системой организации власти, методами организации масс, использованием религии, искусства и т.д.»⁹¹.

В опубликованной в 1930 г. в той же газете серии очерков «У истоков манапства» С.М. Абрамзон эмоционально описал ход экспедиции, свои впечатления и оценки. Устраиваясь в ауле, экспедиция сразу обозначала свой властный статус: «Поставлены юрта и плакат, водружен красный флаг, распаковываем снаряжение, знакомимся с обитателями аула». Приехавших сопровождал председатель местного батрачкома. Вечером того же дня в палатке экспедиции был устроен торжественный ужин, на котором присутствовала «добрая половина населения аула», а главным распорядителем был тот же «батрачком». Затем началось обследование аула. Ученый рисует неприглядную картину повседневной жизни киргизов, в которой прежде всего «бросается в глаза бедность, неряшливость, грязь, скученность», а также обычаи, «странным образом ускользнувшие из категории бытовых преступлений» (наследование жены умершего его братом) и т.д. Именно семья является «крепостью старого быта», со штурма которой надо начинать перестройку быта⁹². Через некоторое время инкогнито, которым был окружен помпрокурора, оказалось раскрыто неким «кулаком», «аулы пришли в движение»⁹³. Экспедиция свернула свой лагерь и двинулась дальше⁹³. Основное внимание автор посвятил родословной Шабдана Джантаева, а также перечислению его потомков, указывая их имена, места жительства и работы. Создав таким образом «галерею социальных типов – отпрысков родовой знати» (среди них были рабочий, учитель, милиционер, председатель колхоза и т.д.), он отметил, что хотя одни из них «утрачивают манапские черты» и превращаются в «обычных людей», другие остаются «дикими насильниками и эксплуататорами». Судьба этих последних предрешена: «Маховик жизни, вращающийся в Советском Союзе с невиданной в истории быстротой, перетрет это “наследство” прошлого и далеко отбросит ненужные человеческие охло-

пья, накипь оставшихся позади социологических эпох»⁹⁴. Вернувшись в 1931 г. в Ленинград, С.М. Абрамзон поделился своими впечатлениями о «социальных процессах, происходивших в то время в Киргизии» с Н.М. Маториным, и тот предложил ему написать на эту тему статью, вскоре появившуюся в «Советской этнографии»⁹⁵. Эта статья содержала поименную информацию о большом количестве бывших манапов и их потомков, пытающихся «пролезть» в колхозы, вести в них «вредительскую» работу и даже организовать сельскохозяйственную артель «Манап»⁹⁶.

Как видно, и Кушнер, и Абрамзон сконцентрировались на описании одного и того же социального явления. В русской литературе о киргизах второй половины XIX в. имелись о нем определенные сведения. «Манап» характеризовался как «звание вроде русского князя»⁹⁷. Информаторы рассказывали В.В. Радлову, что само понятие появилось в XVIII в. Имя Манап носил один из биев племени сарыбагыш, сделавшийся главой племени, а после его смерти его имя стало распространяться как социальный термин. А.Н. Вышнегородский сообщал, что манапы – «лучшие люди», выделившиеся своей храбростью и мудростью, бывшие предводителями во время смут и нашествий. В.В. Бартольд делал вывод, что «манапы сделались у киргиз таким же аристократическим сословием, каким были у казаков [казахов. – С.А.] султаны или люди «белой кости», хотя у киргиз различий между «белой» и «черной» костью не было»⁹⁸.

Сразу же после возвращения из поля, 20 августа 1925 г. Кушнер сделал доклад в Ташкенте на заседании Среднеазиатского бюро ЦК. Этот доклад представляет собой в сущности конспект будущей монографии, однако некоторые его центральные положения он предпочел впоследствии удалить. Остановимся подробнее на описаниях, социологическом анализе и рекомендациях, данных Кушнером в этом докладе.

Большое внимание он уделил характеристике хозяйства и экономики. Главным и любимым занятием населения является скотоводство, однако даже наиболее богатые скотоводы имеют участки земли, которые они сдают для обработки «уртакам» (половникам). В бюджетах богатых хозяйств доходы от скотоводства составляют 4/5, у бедняков земледелие дает до половины дохода. Разводят в основном мелкий скот и лошадей. Коров на кочевьях держать невыгодно и их также часто сдают уртакам на прокат на лето.

В целом господствует натуральное хозяйство. Однако степень натуральности хозяйств различна в зависимости от их состоятельности. Так, натуральная часть составляет 62% доходов бедняка, 76% – середняка и 89% – у богача. Товарность хозяйства бедняка при минимальных натуральных доходах и невозможности вести независимое хозяйство оказывается максимальной, в то время как богач, имеющий большие излишки продукции, которые он со своей семьей не в состоянии потребить, не продает их, а расходует на проведение тоев и других праздников. Бедняки, получающие свою долю пищи на этих праздниках, а также коров в аренду и семена, считают богачей благодетелями – Кушнер назвал этот феномен «прикармливанием».

В 1925 г. ученый привел следующие цифры: в среднем киргизском ауле приблизительно 25% составляют малаи и джигиты, лишенные какого-либо собственного хозяйства, 30% бедняков, 40% середняков и 5% баев⁹⁹. Социальное расслоение налицо, однако возникал вопрос о сущности этого расслоения, его степени и последствиях. Это был ключевой вопрос как марксистской теории, так и советской практики – вопрос о классах. Перечисляя различные категории зависимых работников, живущих так или иначе на доходы от работы в хозяйстве богача – малаи, джигиты, джалкши, койчи, – Кушнер указывал на то, что признать их в соответствии с марксистской теорией «классом наемных рабочих» нельзя:

«Теперь, если посмотреть, каково строение бюджетов и каковы взаимоотношения отдельных социальных групп, то придется к утверждениям товарищей, утверждающих, что в Киргизии есть классовая борьба, отнестись отрицательно. Я тщательно искал классовую борьбу и социальные классы искал, сообразуясь с точным понятием класса, но не нашел. Там есть «малаи» наемные рабочие <...> Этот слой можно было бы признать классом наемных рабочих, если бы при опросе они не отвечали таким образом: на вопрос – сколько ты получаешь от хозяина в год? они отвечают обидчиво: «я не работник – я его младший брат». Сколько же ты получаешь? а в ответ мы слышали: «я его брат, я ем и пью все, что хочу». В действительности же он получает 4 барашка и кислое молоко и про-со, живя у хозяина – наемный работник. <...> Единственный зародыш рабочего класса – это малаи, но они незначительны по своему количеству. Бедняки и середняки – это не класс; они имеют немного скота и посевов, богачи имеют больше скота и здесь разница в том, что одни более богаты, другие более бедны, но резкого классового различия нет»¹⁰⁰.

Поскольку «резкого классового различия нет», а родовая солидарность намного сильнее классовой, нельзя говорить и о классовой борьбе: «Классовая борьба – явление внеродовое. Если внутри рода существуют классовые противоречия, тогда можно говорить о классовой борьбе. Если борется род Колпош с родом Кушчи или Саяки, то выступают вместе и бедняки, и богачи целого рода <...> Родовым обычаям все очень подвержены и бороться с ними не могут»¹⁰¹.

Тем не менее, Кушнер утверждал, что родовой строй «вымирает», и остаются только его «опасные» пережитки. Главным и наиболее опасным из них является ма-напство. Это, по его выражению, «самый худший вид родового строя», переходящий в феодальный¹⁰².

К схожим выводам относительно социального строя туркмен-иомудов пришел П.Ф. Преображенский: родовой

строй, по его мнению, был «деформирован» усилением баев и территориальных связей и был на пути к феодализации, остановленной советской властью¹⁰³.

В докладе 1925 г. анализ «манапства» не был подробным. П.И. Кушнер указал в целом на то, что манапы владеют землей джейлау и сдают ее в аренду, выполняют судебные функции и вообще являются единственной реальной властью в ауле. Председатель волисполкома зависим от местных «баев» и помогает им скрываться от налогов. От прочих властей – милиционера, судьи и т.д. – население откупается взятками, которые стали «бытовым явлением» и уничтожить которые при существующей социальной системе Кушнеру не представлялось возможным. Налоги слишком велики, включая угощения каждому представителю власти, но государство не оказывает никакой медицинской и прочей помощи. Описание быта киргизов в докладе было сделано именно с точки зрения распространенности болезней (в основном венерических, что автор связывал с существованием группового брака), гигиены и проч. Кроме того, ученый критиковал органы партийной власти, существовавшие по принципу «каждый бай должен иметь своего коммуниста».

Однако Кушнер предлагал не только критику, но и свой рецепт социальной и экономической политики, выдержанный в духе нэпа и идеи экономического регулирования с опорой на бедняка. Основной идеей являлось положение о взаимосвязи натурального хозяйства и родового строя. Сила богачей основывается на имеющихся у них излишках, дающих им возможность «прикармливать» бедняков и закабалить их при помощи арендных отношений. Натуральное хозяйство выгодно манапам и является экономическим базисом родового строя. Родовой строй превращает советскую власть в «карикатуру»: «Совместима ли советская власть с родовым бытом? – писал Кушнер. – Я пришел к выводу, что несовместима. У нас в Москве есть сторонники взгляда, будто родовой быт можно приспособо-

бить к советской власти, но, по-моему, поскольку родовой быт держится на натуральном хозяйстве, а последнее совершенно исключает общественность и советскую власть – постольку это приспособление невозможно»¹⁰⁴.

Для укрепления советской власти и утверждения нового социального строя необходимо «разложить» натуральное хозяйство при помощи рыночных механизмов и кредитов:

«Родовой строй в том виде, как он есть – в виде натурального хозяйства – ставит бедноту в кабальную зависимость от манапов, полуфеодалов <...> Тенденция у баев вести исключительно скотоводческое хозяйство и сдавать землю уртакам – очень сильна. Натуральное хозяйство от этого не изменяется, а кабальные отношения увеличиваются. Одним из способов упорядочения отношений между баями и бедняками является разложение натурального хозяйства. Но натуральное хозяйство разложить не просто. Нужно как-то форсировать развитие барановодства и овцеводства. Нужно устроить какие-то государственные органы, которые скупали бы массу скота, следили бы за путями сообщения, мостами. И, наконец, самое главное – надо организовать мелочную торговлю <...> надо устроить ярмарку на Сусамыре, продавать мыло, чай, сахар, фрукты, мануфактуру – на все это большой спрос – все это будет разлагать натуральное хозяйство. Очевидно, параллельно с этим нужно будет ввести и кредитные операции, оказывать ссуды деньгами и семенами бедняцким хозяйствам»¹⁰⁵.

В 1926 г. он говорил о том, что строительство социализма в «косном» патриархальном быту нужно начинать с малого. При помощи завоза всевозможных товаров вызвать у богачей желание «хорошо одеться, удобно устроиться, ходить более чистыми». Это заставит их продавать свой скот, а не сдавать его в аренду беднякам, которым, конечно, должно помочь государство кредитами и устройством различных товариществ. В результате манапы потеряют власть

над бедняками, а последние избавятся от иллюзий насчет их благотворной роли и станут лучше защищать свои интересы¹⁰⁶.

Выводы и рекомендации Кушнера получили позитивную оценку деятелей Комиссии по обследованию кышлака и аула. Сохранилась докладная записка по итогам обследования трех областей Киргизии (Загорной, Быстро-реченской и Араванской). Относительно Загорной области авторы записки одобрительно цитируют доклад ученого. Его положение о том, что богатые хозяйства имеют излишки, которые в условиях натурального хозяйства не отчуждаются, а идут на «прикармливание» бедняков, и что в этой ситуации разложение натурального хозяйства без помощи беднякам кредитами и устройства различных товариществ ударит прежде всего по бедняку, считают авторы, «будет заключением и нашей комиссии». Также исследователи поддержали Кушнера в том, что родовой строй области «в полном цвету», а о классовой борьбе «никто и не думает»¹⁰⁷. Для Загорной области выборы, работа ВИКов (волостные исполнительные комитеты) и другие проявления советской власти «глубоко безразличны», что также согласуется с утверждением П.И. Кушнера о несовместимости родовой структуры и советской власти. Единственным критическим замечанием в адрес ученого было его чрезмерно «расширительное» истолкование явлений, увиденных им в горных районах, неверное в отношении некоевых и полукочевых районов¹⁰⁸.

Однако, давая свои рецепты и оценки социального строя киргизского аула, П.И. Кушнер вступал, возможно, помимо своего желания, в развернувшуюся среди партийного руководства политическую и идеологическую борьбу. В Киргизии, аграрной республике с практически полным отсутствием пролетариата, партийная организация также состояла почти на 80% из крестьян-декхан¹⁰⁹. В партийном руководстве сложились две «группировки»¹¹⁰. Одна из них, под руководством Садыкова, обратилась в июне 1925 г. в

ЦК ВКП(б) с так называемым «заявлением тридцати», в котором содержалось требование «коренизации» аппарата и высказывались жалобы на пренебрежение национальными кадрами. ЦК создал комиссию для расследования этого дела, которая пришла к выводу, что это выступление является попыткой националистической интеллигенции, тесно связанной с манапами, избавиться от партийного руководства вообще. Эта группировка была «правой», ей противостояли «левые» во главе с руководителем союза «Кошчи» Худайкуловым. Он создал организацию «Уртокмок» («Бей, колотушка»), задачей которой была немедленная борьба с баями и манапами всеми доступными средствами.

В 1926 г. в Киргизию была направлена еще одна комиссия из центра, ЦКК ВКП(б), которая обнаружила у местных коммунистов «теоретическую путаницу в определении сущности пережитков докапиталистических общественных отношений у киргизского народа». По итогам этого обследования один из членов комиссии А. Митрофанов опубликовал статью в «Большевике»¹¹¹. Согласно выводам комиссии, среди партийных работников существовало по этому вопросу два мнения. Одни («группировка» Садыкова) отстаивали «теорию родового уклада» и отрицали классовое расслоение киргизского общества. Политическим выводом из этой теории была идея «родовых советов», то есть организации управления киргизским населением на основе их традиционно сложившейся социальной организации. Как уже сказано, «садыковщина» была осуждена из центра, а пленум Киргизского обкома ВКП(б) 17 августа 1925 г. одобрил это решение. В 1926 г. эта группировка характеризовалась как «объединение шовинистически настроенной байско-манапской интеллигенции», отстаивающей идею «советов без коммунистов»¹¹². Вторая теоретическая платформа – «худайкуловщина» гласила, что в киргизском ауле существует глубокое классовое расслоение, из чего делался вывод, что уже пора объявлять «дикта-

туру батраков» и раскулачивать баев и манапов. Для этого, как уже говорилось, была создана специальная «батрацкая» организация. Однако, согласно выводу комиссии ЦКК, классовая борьба, которую она вела, также являлась лишь прикрытием для обогащения и усиления «худайкуловцев» – «батрацких манапов» и была направлена против трудового элемента «чужих» аулов и русского переселенческого населения. В общем же «теоретическая путаница» выражалась в том, что, к примеру, в резолюции 2-й Киргизской областной партконференции, с одной стороны, признавалось сохранение «патриархально-родового уклада на основе натурального хозяйства», а с другой – содержался призыв изживания «иллюзии родовых отношений»¹¹³. Именно на это мнение Митрофанов направил в основном свою критику, главным объектом которой стал Кушнер.

Митрофанов цитировал выдержки приведенных выше высказываний Кушнера. Так, он привел утверждение ученого о том, что тот «не нашел классов» и иронически комментировал: «С каким точно понятием классов сообразовался проф. Кушнер, нам неизвестно, но, очевидно, он считает, что эксплуатируемые это только те, кто получают зарплату в денежной форме». Он указывал на то, что из самого описания Кушнером манапства вытекает, что среди киргизов существуют и классовые отношения, и эксплуатация:

«Итак, в Киргизии, по мнению проф. Кушнера, существует «пережиток родового строя», выражением которого, пусть и худшим, являются манапы. Эти манапы, по свидетельству самого же проф. Кушнера, имеют своих холопов <...>, называемых «малаями», и свою полукрепостную дворню, когда нужно выполнить роль боевой силы, называемую «джигитами»; манапы фактически владеют всей землей в районе своего влияния; манапы администрируют и судят по самым «точным» понятиям о феодальной администрации и суде. Однако, несмотря на это, манапы «пережиток родового строя». Любая форма общественных отношений включает ряд признаков предыдущих

форм, но ведь не в этом дело. Важна не форма, а содержание этой формы, ее сущность. *Формы* общественных отношений в Киргизии, несомненно, имеют целый ряд признаков родового строя, но эти формы еще в эпоху Кокандского ханства наполнились совершенно отчетливым феодальным содержанием. <...> Из-за наличия *признаков* родового уклада в формах общественных отношений в Киргизии проф. Кушнер и другие сторонники теории «родового уклада» не замечают сущности, содержания этих форм» (курсив автора. – С.А.)¹¹⁴.

Митрофанов также раскритиковал практические предложения П.И. Кушнера, назвав их «заколдованным кругом»: ученый по сути присоединился к сторонникам необходимости капиталистического «дозревания» аула путем разложения натурального хозяйства, однако он также указывал, что от этого разложения больше всего пострадает беднота. Митрофанов приводил описания Кушнером «признаков» родового строя и доказывал, что они уже давно наполнились классовым содержанием: тои (пиры) и их организатор-манап – «это феодал, увеличивающий таким путем свои стада и заодно создающий себе популярность и название “кормильца рода”»¹¹⁵.

Альтернативой «родовой теории» была теория феодальная, которую и отстаивал Митрофанов. Родовой строй в Киргизии разложился уже во времена Кокандского ханства, и между манапом, его родом и ханом (а затем русским царем) сложились отношения феодальной иерархии и зависимости. Манап-сеньор выступал в роли аульного старшины и волостного управителя, был вассалом высшей власти и в то же время неограниченным владыкой на своей территории. «В Киргизии, – делал вывод Митрофанов, – несомненно, нет родового уклада общественно-производственных отношений, но и классовая дифференциация там чрезвычайно затушевана пережитками форм родового быта, хотя эти формы и наполнены сущностью феодальных отношений»¹¹⁶.

7 мая 1926 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), в котором киргизским коммунистам было предписано «в центре своего внимания поставить борьбу с манапством в целом», усилить преследования преступлений со стороны отдельных манапов, а также разъяснить вредность «бытовых пережитков, которые используются баями и манапами для эксплуатации и закабаления бедноты», в частности «гостеприимства», бороться с принятием должностными лицами «подарков»¹¹⁷. В 1927 г. началось выселение из республики наиболее крупных манапов.

В то же время полемика вокруг высказываний Кушнера в партийной печати продолжалась. В первом номере «Большевика» за 1928 г. была опубликована статья Косты Таболова «Против линии национальной демократии», написанная в качестве ответа на статью казахстанского функционера С. Садвокасова, который выступил, в свою очередь, против «линии» секретаря Среднеазиатского ЦК Зеленского и секретаря казахстанского крайкома ВКП(б) Голощекина, продолжавших, по его мнению, политику эксплуатации сырьевых ресурсов национальных республик и сопротивлявшихся коренизации аппарата¹¹⁸. Таболов обвинил Садвокасова в буржуазном национализме и попытке «тянуть» казахов на путь капиталистического развития, упомянув вновь предположение Ленина о возможности миновать эту стадию. Он сделал к этому рассуждению примечание:

«В этой связи нельзя не отметить ляпсуса проф. Кушнера, как раз в связи с Казахстаном. Во-первых, Кушнер совершенно не прав, утверждая, что у казаков не было феодалов и нет классовой борьбы, а имеется только родовая организация. Наряду с родовыми пережитками у казаков выросли патриархально-феодалные элементы. Ну, а о наличии классовой борьбы и говорить нечего. Во-вторых, Кушнер полагает, что советская власть несовместима с родовым бытом. Отсюда и «теория» «капиталистического дозревания». Что у казаков родовой быт и натуральное хозяйство не господствуют – это уже отмечено. Но если

бы даже Кушнер был прав в том, что в Казахстане господствует родовая организация, и то, по Ленину, не только возможно существование советской власти, но и возможен переход к социализму. «Теория» проф. Кушнера не только противоречит ленинскому положению о возможности миновать капиталистический этап развития, но и питает идеологию национальной буржуазии»¹¹⁹.

П.И. Кушнер ответил «Письмом в редакцию», в котором высмеял Таболова за то, что тот, цитируя его по статье Митрофанова, перепутал Казахстан с Киргизией. Далее он отметил, что Митрофанов также исказил его взгляды, приписав ему утверждения о преобладании родового строя и «теорию капиталистического вызревания», сторонником которой, утверждал Кушнер, «я не являлся и не являюсь». Недоразумения возникли из-за того, что тот пользовался «невыправленными стенограммами предварительного отчета» по итогам экспедиции. Ученый надеялся, что недоразумение разрешится само собой после напечатания книги, и поэтому ранее не отвечал на критику. Однако издание книги откладывалось в связи со «смертью» издательства «Новая Москва», в которое он отдал рукопись, и проволочек с ее изданием при Комуниверситете трудящихся Востока¹²⁰. В свою очередь, комментируя письмо Кушнера, Таболов еще раз процитировал «крамольные» заявления Кушнера по Митрофанову и заявил, что удовлетворен тем, что Кушнер не стоит на точке зрения несовместимости советской системы с родовым бытом, признает наличие классовой борьбы среди киргизов и отвергает «формулу капиталистического дозревания»¹²¹.

В 1929 г. монография «Горная Киргизия» была опубликована. Она имела характерный подзаголовок «Социологическая разведка», указывающий на то, что основной задачей работы является «выяснение существующего там (в горной Киргизии. – С.А.) социального строя», названного Кушнером «манапством», и социальных корней

этого строя¹²². Структура ее представляет определенный интерес и отражает некоторые типичные черты марксистской этнографии 1920–1930-х годов. Внимание автора сконцентрировано на описании хозяйственной жизни и социальных отношений, все остальные темы затрагиваются лишь вскользь. Сначала Кушнер дает описание «производительных сил» и хозяйства киргизов. Этому посвящены главы «Пути сообщения в горном районе», «Хозяйственный аул» (описание перекочевков, состава аула, юрт), «Земледелие», «Скотоводство», «Сбор орехов и другие промыслы», «Пища», «Ремесла». Затем идут главы, посвященные социально-экономическим вопросам: «Бюджеты», «Обмен и торговля», «Классовое расслоение», «Семья и брак», «Остатки родовых отношений». Остальная часть книги посвящена непосредственно манапству, его происхождению, сущности и взаимодействию с новой властью: главы «Происхождение манапства», «Современное манапство в горном районе», «В чем же сущность манапства», «Во что превращает манапство советскую систему», «Не приспособление, а уничтожение». В качестве приложения в книге помещены «бытовые наброски» «Той у Керим-бая» – беллетристическое описание праздника, устроенного одним из манапов. Таким образом, монография композиционно построена по принципу, так сказать, постепенного приближения к центральной теме – манапству и «главному герою» манапу: первые главы представляют собой природный, хозяйственный и социальный ландшафт, на фоне которого он действует сначала как обобщенная социальная сила, а затем персонафицировано – в описании конкретного манапа Керим-бая. Социологический анализ дополняется эмоциональным описанием Керим-бая («туша пудов в 10 весом» с «хитрыми маленькими глазами»¹²³), не оставляющим сомнений в том, какие чувства оно должно вызвать у читателя (см. илл. 6).

В главе о бюджетах он сохранил традиционное деление на бедняков (уртаков, арендующих скот или землю и

неспособных вести самостоятельное хозяйство), середняков, имеющих самостоятельное хозяйство, и богачей, использующих в хозяйстве наемный труд и сдающих свою землю в аренду (по оценкам Кушнера их соотношение – соответственно примерно 40%/50%/10%)¹²⁴. Помимо этого деления ученый считал необходимым выделить еще два типа хозяйств – полупролетарские и манапские. Он привел описание имущества, деятельности и бюджетов (приход и потребление) трех типичных хозяйств. Выводы относительно товарности хозяйств остались прежними: чем зажиточнее хозяйство, тем больший процент его потребностей удовлетворяется натурой. Это, однако, не относится к хозяйствам манапов (бюджет манапского хозяйства Кушнеру изучить не удалось), которые обладают более чем тысячью голов скота и ведут денежное хозяйство, занимаются перепродажей скота и ссужают деньги под проценты. Бедняки не могут вести кочевое хозяйство и занимаются в основном земледелием на своей земле или арендованной, используя также арендованный скот, расплачиваясь за него (а также за молоко) долей урожая. Богачи не только сдают в аренду свой скот беднякам, но и угощают их мясом, кумысом и т.д. («прикармливание»), в результате чего приобретают репутацию благодетелей.

Исследователь констатировал, что значительная часть горцев сохраняет хозяйственную самостоятельность («средний слой» полужемледельцев-полускотоводов), пролетариат как класс «не выделился» – то есть бедняки, уртаки и малаи еще сохраняют собственное хозяйство. Однако общий вывод звучал прямой противоположностью признанию 1925 года, что он «не нашел классов»: «Таким образом, в киргизском ауле горного района *вполне оформились общественные классы* (курсив Кушнера. – С.А.). Богатые скотовладельцы выступают как класс эксплуататоров, использующий социальные пережитки в киргизском ауле как один из способов получить наибольший экономический эффект от эксплуатации. Бедняки же, принужденные ста-

новиться зависимыми уртаками, не могут ничего противопоставить этой эксплуатации, потому что те же самые пережитки затемняют для них понимание сути вещей»¹²⁵.

«Манап, – писал Кушнер, – не музейный экспонат, а властный распорядитель в киргизской жизни. Он владеет родовыми территориями, судит и правит. Он собирает налоги, он распределяет кочевья, он разбирает недоразумения, он наказывает виновных»¹²⁶. Кочевья-джейлау поделены между манапами, хотя формально принадлежат роду (пахотную землю распределяют аксакалы, и манапы над ней не властны). Под налогами Кушнер подразумевал определенное количество баранов, которое должны были заплатить манапу представители другого рода за право кочевать на «его» территории. Манап осуществляет также и «общественно-полезную» функцию охраны стад, находящихся на его территории. Разбирая споры членов своей группы, он получает «подарки», являющиеся одним из основных источников его доходов. Тои и всевозможные праздники, устраиваемые манапами, также объективно приносят ему доход, так как количество получаемых подарков превышает затраты. Эта социальная система, по мнению Кушнера, есть «недоразвитая, зачаточная форма феодализма» (крупное землевладение существовало – но на пастбища, а не на пашню, подарки и отчисления уртаков аналогичны оброку, отработки – зародыш барщины), аналогичной которой можно найти в социальном строе греков эпохи Гомера или древних германцев¹²⁷. Наблюдавшийся им социальный строй Кушнер атрибутировал как «рубеж социологических эпох» между родовым строем и феодализмом. Киргизы послужили Кушнеру и своеобразной моделью, при помощи которой он иллюстрировал свой излюбленный тезис о трансформации родового строя в феодализм¹²⁸.

«Родового строя, собственно, больше не существует <...>», – подчеркивал Кушнер¹²⁹. В то же время в главе «Остатки родовых отношений» говорилось о том, что каж-

дый киргиз знает свою родословную, что причина образования родов – «необходимость совместной охраны стад и границ кочевий», родственники кочуют совместно, сохраняется выкуп за кровь и родовая солидарность. Проблема оценки этих явлений вставала еще более остро при описании того, «во что манапство превращает советскую систему». «Подверженность родовым обычаям», отмеченная им в 1925 г., в книге описана как принцип «род – прежде всего». Между сородичами царит своего рода круговая порука, богачи приписывают свой скот бедным сородичам, чтобы избежать налогов, на что бедняки соглашаются в ущерб себе: «для горцев-бедняков богач из своего рода все же ближе, чем бедняк из чужого рода».

Проблема того, что бедняки и зависимые не только не ощущают себя эксплуатируемыми, но и благодарны своим эксплуататорам, требовала объяснения. «Ссудные операции скотом, постоянное подкармливание богачами своей аульной бедноты, судебные функции манапа, распределение среди своих «букара» подарков (взятых от них же!...) и, наконец, представительство перед «начальством» в защиту рода в целом или отдельного аула – все это укрепляет у бедняка представление о манапах, как о благодетелях и защитниках»¹³⁰.

На помощь в данном случае пришла старая идея пережитка, а также более оригинальное концептуальное разделение «родового строя» и «родовых отношений». «Настоящий» родовой строй означал для Кушнера прежде всего власть совета старейшин и «примитивную демократию». Киргизы сохранили родовые отношения в качестве пережитка, утратив их сущность, и этот пережиток мешает беднякам увидеть социальную роль манапов «в настоящем свете». Таким образом, за помешавшими ему первоначально «увидеть классы» высказываниями бедняков, уверявших его в исключительно родственном характере их отношений с «хозяевами», Кушнер как бы разглядел их истинный смысл, не понятный самим информаторам.

Однако влияние развернувшейся в ходе коллективизации ожесточенной «классовой борьбы» сказалось, как уже было видно на примере С.М. Абрамзона, в крайнем ужесточении в литературе оценок того социального строя, на искоренение которого она и была направлена. К началу 1930-х годов социологический анализ Кушнера (с его двусмысленным выводом о манапстве как «рубеже социологических эпох» между родовым строем и феодализмом), а тем более его политические выводы и рекомендации трактовались как «защита патриархальщины», меньшевистский уклон и т.д. Первыми, кто выступил с данной критикой, были авторы «Экономики кочевого аула Киргизстана» (1930) П.В. Погорельский и В.С. Батраков, проводившие экспедиции практически одновременно с Кушнером (1925 и 1927 гг.) в тех же самых районах кочевого скотоводства в высокогорьях Тянь-Шаня под эгидой правительства Киргизской АССР, Среднеазиатского экономического научно-исследовательского института и Среднеазиатского университета. Изданная ими книга была работой социологической и этнографической не в меньшей степени, чем экономической. Книга содержала пространные экскурсы в область этнографической теории, и главной ее задачей была резкая полемика с «вредным для нашего строительства воззрением» о родовом строе. Эмпирический материал экономистов представлял собой традиционные для того времени статистические сведения об имущественном расслоении (пролетаризированная, бедняцкая, середняцкая, «с элементами предпринимательства» и предпринимательская группы), уртачестве, отработках и различных видах личной зависимости. Руководствуясь указанием Ленина о том, что в характеристике определенных явлений лучше «забежать вперед, чем отстать», авторы утверждали, что в киргизском ауле уже существуют такие характерные для капитализма явления, как пролетариат, наемные рабочие и работающие «на рынок» манапы-капиталисты. Родовые традиции в работе фигурировали в основном как «рассказы старичков-

аксакалов» и мифические родословные, сохранение которых – «дело рук манапов» и продиктовано их классовыми интересами¹³¹. В связи с этим интересно отметить один методологический постулат, исходя из которого авторы критиковали «вредные традиции, выращенные старой этнографией». Историки и этнографы, по их мнению, «отстают» в характеристике современной ситуации именно потому, что «своим объектом изучения они берут эпос, рассказы кочевников, отвлекаясь от окружающей социально-экономической обстановки» и «выдают за сущее то, что они воспроизвели по обрывкам»¹³², в то время как их задачей было показать не столько сами «обычай», но, как они «проявляются» и какую роль играют в современном ауле¹³³.

П.И. Кушнер, как уже было сказано, был избран главной мишенью критики как исследователь, который, хотя и пытается сделать «шаг вперед», но не умеет порвать с традициями старой этнографии¹³⁴. Он считает имущественное расслоение «простой дифференциацией», констатирует «отсутствие классов в ауле» и развивает «теорию социально-полезных функций манапа»¹³⁵. Неверно и определение манапства как строя, «переходного» от родового к феодальному. Важно отметить главный аргумент данных авторов, ставший общим местом всех дискуссий о родовом строе 1930-х годов: родовой строй является «высшей стадией развития первобытного общества» и характеризуется, как все первобытное общество в целом, прежде всего «бесклассовостью» и «общей собственностью на средства и условия производства». В связи с этим П.И. Кушнер не только допускает ошибку в интерпретации полевого материала («нет классов»), но и совершает теоретическую ошибку в «Очерке развития общественных форм», трактуя род просто как «группу социально связанных между собой людей, считающих себя происходящими от общих предков» и допуская в нем возможность «имущественных различий», что является ревизией взглядов Энгельса: «Объективно получается, что Кушнер и ему подобные таким обра-

зом проводят исходящие от буржуазной науки попытки ревизовать важную часть марксистского учения – теорию первобытного общества. Еще хуже то обстоятельство, что их точка зрения как нельзя лучше соответствует интересам аульных эксплуататоров – байства и манапства<...>»¹³⁶

С.П. Толстов в своем известном докладе «Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах» (1933), сформулировавшем теорию «кочевого феодализма», вскользь упоминает работу Кушнера. Критикуя «правый» и «левый» уклоны, а также С.А. Семенова-Зусера, доказывавшего «коммунистичность» общества скифов, он добавил, что Преображенский и Кушнер в качестве ревизии марксистского учения о первобытной формации «приклеивают ярлычок “родового строя” к таким глубоко антагонистическим обществам, как киргизское или туркменское, и таким образом весьма просто доказывают, что “родовой строй” знает частную собственность, классы и т.д. и что, следовательно, все это существовало со времен Адама»¹³⁷.

Таким образом, к 1930-м годам сложилось довольно стойкое негативное отношение к этой (впрочем, как и почти ко всем остальным) работе Кушнера. В то же время тот же доклад Толстова во многом развивает затронутые Кушнером темы. Толстов пытался доказать, что кочевнические общества (туркмены, арабы, масаи и др.) прошли в своей истории фазу рабовладельческой формации. Это положение явилось следствием его стремления следовать тезису Ленина (высказанному в его лекции «О государстве», прочитанной в Коммунистическом университете им. Свердлова) об универсальности рабовладельческой формации. Однако «феодальный» тезис выступал у Толстова в более конкретной, чем у Кушнера, форме. Основой феодализма у кочевников является суан (или саан у киргизов) – отдача скота на выпас. Генетически эти отношения восходят к «родовой взаимопомощи» первобытно-коммунистической эпохи, но приобретают характер кабальной ссуды. Вместо рода,

помогающего своему бедному члену, выступает крупный собственник скота – к примеру, киргизский манап:

«Именно этот факт облечения феодальной ренты в традиционную мистическую оболочку “родовой взаимопомощи” обуславливает крепость и устойчивость родовых пережитков в условиях вполне сложившегося феодального общества. Этим же определяется та роль, которую родовые пережитки играли и продолжают играть в процессе классовой борьбы в кочевом и полукочевом ауле. “Род” и феодал сосуществуют не отдельно один от другого. Они органически слиты в одно целое. “Род” перестал быть родом в собственном смысле – он превратился в форму развития феодального общества, скрывая внутри себя глубоко развитые антагонистические отношения»¹³⁸.

Территории кочевий также фактически монополизируются тем же господствующим слоем (пример – опять киргизские манапы, сведения из работы Погорельского и Батракова). Остановился Толстов и на политической актуальности данных исследований, описав ситуацию идеологической борьбы, своего рода жертвой которой стал Кушнер: исследователю необходимо пройти между Сциллой и Харибдой правого и левого уклонов, с одной стороны – «недооценки» феодально-капиталистических элементов и следующей отсюда идеи «врастания рода в социализм», с другой – попытки сведения отношений в кочевом и полукочевом ауле к отношениям «капиталистической деревни»¹³⁹.

Той же попытке разобраться в «родовых по форме и феодальных по существу» отношениях, сложившихся у алтайцев с их зайсанами, аналогом киргизских манапов, была посвящена монография С.А. Токарева «Докапиталистические пережитки в Ойротии»:

«Не стоит ли внутренняя связь зайсаната с родовыми пережитками как раз в том, что зайсан использует эти пережитки тем или иным способом, базируя на них свою власть? Именно так ставил я перед собой вопрос, приступая – и в 1930, и в 1932 гг. – к самосто-

ятельному собиранию материала на месте. Не найдя в литературе никаких относящихся сюда указаний, я тщательно искал факты, говорящие об использовании зайсанами родовых отношений в своих классовых интересах» (в сноске: «Подобно тому, хотя бы, как это известно о киргизском манапстве»)¹⁴⁰.

Л.П. Потапов в 1930-е годы на Кушнера не ссылался, однако в докладе «К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников» (1947), упомянул о «Горной Киргизии» в связи со спецификой закрепощения кочевой знатью своих сородичей¹⁴¹. Таким образом, можно сказать, что «Горная Киргизия» послужила своего рода примером для последующих монографий, посвященных социальному строю народов СССР. Основным мотивом этих работ было доказательство классового, «антагонистического» характера социальных отношений исследуемых обществ, авторы делали упор на изучении имущественного неравенства, конфликта и эксплуатации, интерпретируя явления взаимопомощи исключительно как «маскировку» этих отношений и указывали на «непонимание» информаторами их сущности. В то же время авторы предпринимали попытку разобраться с «причудливым переплетением социальных укладов», при котором в каждом конкретном случае можно было прийти к констатации сосуществования черт практически всех формаций. Тем не менее, эти категории оставались основными теоретическими инструментами советской этнографии 1930-х гг.

Много лет спустя С.М. Абрамзон в своей итоговой монографии, говоря об общественном строе киргизов, описывал формы господства феодально-родовой знати, эксплуатации ею «букары» и использования идеологии «родовой солидарности». В то же время он указывал, что с термином «манап» не следует связывать появление нового социального института. Никакой разницы между биями и манапами не было, и становление связанного с господством биев пат-

риархально-феодального строя следует относить к концу I тыс. н.э.¹⁴²

В 1930-е годы усилиями В.Я. Владимирцева, а также ученых молодого поколения – Л.П. Потапова, С.А. Токарева, С.П. Толстова и др. была сформулирована теория кочевого феодализма и сложилась традиция описания «патриархально-феодальных отношений» (данный термин, введенный в оборот советских этнографов, принадлежал И.В. Сталину)¹⁴³. Именно на изучении этой проблематики утвердили себя в науке будущие крупнейшие представители советской этнографии. Сложившиеся в эти годы представления были поставлены под сомнение уже следующим поколением этнографов в 1970-х годах (Г.Е. Марков и др.)¹⁴⁴. В их работах доказывалось, что кочевые общества представляют собой особую социальную структуру, в которой отсутствует класс монопольных собственников на средства производства, будь то скот или пастбищные угодья, а отдача скота могла осуществляться и небогатыми скотоводами, поручавшими выпас своих животных зажиточным¹⁴⁵.

В то же время отметим, что критика, которой подвергся Кушнер, в более локальной форме задела и ряд других этнографов. Данные «проработки» были, по-видимому, почти неотъемлемой частью «инициационного» опыта поколения молодых марксистов (в отношении «буржуазных» ученых, принимались, как известно, более жесткие меры). В качестве примера можно привести первую публикацию Л.П. Потапова. В 1928 г. он окончил геофак ЛГУ и был направлен Наркомпросом на административную работу в Узбекистан, где в течение 1928–1930 гг. также проводил этнографическую работу. В 1930 г. он опубликовал статью «Материалы по семейно-родовому строю у узбеков “кунград”», методологически идентичную ранним работам Н.П. Дыренковой. В статье была подробно зафиксирована вся терминология родства (в которой он также отмечал черты классификационной системы), нормы брака (кузенный

брак, сорорат, левират), формы его заключения и «психические запреты». Материал собирался по программе И.Н. Винникова¹⁴⁶. На Археолого-этнографическом совещании 1932 г. тот же самый Винников назвал эту работу написанной в «куновском» и «социал-фашистском» духе. Н.М. Маторин встал на защиту молодого ученого, выступившего к тому же с критикой Штернберга. Приведем данный отрывок из его заключительного слова на совещании: «Я считаю, что не прав был Винников, когда он здесь говорил об одной из работ Потапова, скажем, неудачной работе в прошлом <...> Дело в том, что работа, которую Потапов делал, материалы по семейно-родовому строю у узбеков кунград, была написана в 1929 г., т.е. до того, как вообще перевооружили этого Потапова, и работа была написана на основе материалов, собранных по программе Штернберга и самого Винникова. Таким образом, опрокидывая эту работу Потапова и стараясь дискредитировать его как исследователя и буквально социал-фашиста, Исаак Натанович поступает неправильно»¹⁴⁷. Критика, которой подвергся Л.П. Потапов за следование традициям своих учителей, сыграла, видимо, свою роль в его теоретической переориентации и той жесткости, с которой он впоследствии критиковал Н.П. Дыренкову за приверженность «теории родового строя», от которой, как он писал в 1933 г., «до ревизии генеральной линии партии – один шаг»¹⁴⁸.

В данном случае критика не вышла на страницы прессы, оставшись (возможно, благодаря Маторину) на уровне кулуарных «проработок». Для М.О. Косвена она имела более серьезные последствия. Как отмечалось выше, в 1930 г. Косвен работал в Институте этнических и национальных культур народов Советского Востока. Одной из разрабатывавшихся им тем была тема «распада родового строя у удмуртов». На эту тему в «Ученых записках» Института им была опубликована статья. Вскоре в «Советской этнографии» появилась рецензия с крайне резкой ее оценкой. Рецензент писал, что, по Косвену, «родовые пережи-

вания то не имеют социально-экономического значения, то являются реальными социологическими фактами», что означает «замазывание классовой дифференциации родовой оболочкой» и «отрицание классовой борьбы». Отрицая наличие феодализма у удмуртов, Косвен противоречит «археологическим данным» (в том же сборнике была опубликована статья археолога А. Смирнова, утверждавшего, что «финские городища» 10-14 вв. были «усадебными феодальными князьями»), а также Марру, увидевшему в удмуртском языке слой «письменно-исторических, феодальных эпох»¹⁴⁹. Вскоре после этого распоряжением дирекции Института Косвен был уволен. В качестве главного основания в распоряжении значилось «допущение в проведенных им в Институте работах (в статье «Распад родового строя среди удмуртов» и в докладе на тему «Распад родового строя и возникновение классов в Юго-Осетии») ряда глубоких извращений марксистско-ленинской методологии»¹⁵⁰.

Возвращаясь к истории дискуссий вокруг экспедиции и публикаций Кушнера, отметим, что она является характерным примером переплетения концептуальных и политических затруднений, вставших перед марксистской этнографией 1930-х годов. Поиск классов и эксплуатации в изучаемых обществах был политическим требованием эпохи. В то же время, как пишет Ю. Слезкин, «главной целью исследователей было определить, на какой стадии развития находится изучаемое общество, и предложить оптимальные пути дальнейшего прогресса». Он также указывает на наличие противоречия между «радикалами» (как среди исследователей, так и среди партийных работников), видевшими во всех родовых объединениях пережитки, существующие внутри классовых отношений феодальной или капиталистической формации и маскирующие их эксплуататорскую сущность, и «неонародниками», выступавшими против этой упрощенной картины и утверждавшими, что родовые традиции можно использовать в практике социалистического строительства¹⁵¹. В истории изучения Кирги-

зии в 1920-е гг. присутствуют как чистые представители «буржуазной» точки зрения, не видевшие классов и эксплуататорской сущности родовых обычаев (Дыренкова), так и крайние радикалы, считавшие, как Погорельский и Батраков, что «лучше переоценить, чем недооценить» степень развития изучаемого народа. Позицию Кушнера помогают понять политические взгляды, которых он придерживался в тот период. В декабре 1926 г. он выступил на воскресных рабочих курсах при Комуниверситете с лекцией «Пять общественных укладов», в которой с точки зрения этого ленинского учения трактовал современную социально-политическую ситуацию. Пять ленинских общественных укладов (патриархальное натуральное хозяйство, мелкотоварное производство, частнособственнический капитализм, государственный капитализм и социализм) – определенные ступени в прогрессивном развитии общества. Первые два уклада находятся в основании этой эволюции. В качестве примера патриархального натурального хозяйства он описывал в основном киргизов, в качестве примера второго – русских крестьян и ремесленников. «Можем ли мы, – спрашивал лектор, – строя социализм, сразу уничтожить все предыдущие общественные уклады?» и, опять-таки, следуя Ленину, давал отрицательный ответ. «Для чукчей, самоедов, остяков, гиляков, якутов, киргизов, туркмен, калмыков, для всех этих народов и многих других, более мелких, капитализм, пока что, есть благо потому, что он развивает обмен, связывает торговыми нитями в одно целое разобщенные мелкие хозяйства»¹⁵². Только после организации торговли, ввоза промтоваров и строительства дорог, по Кушнеру, должно было последовать внедрение кооперации. Он подчеркивал длительность и постепенность процесса «разложения» родового быта, в котором «чугунная печка или керосиновый примус окажутся более действенными, чем самые строгие декреты»¹⁵³. Таким образом, будучи сторонником активного вмешательства в жизнь данных народов, Кушнер не признавал насильственных методов

приведения их (как и русского крестьянства) к социализму. В этом он, несомненно, был близок Бухарину и «правой оппозиции» в партии.

Подводя итоги научной и общественной деятельности П.И. Кушнера в 1920–1930-е годы, можно сделать следующие выводы. Он был одним из наиболее активных сторонников марксизма в общественных науках. Его научно-преподавательская деятельность началась в Комуниверситете им. Я.М. Свердлова – учебном заведении четкой идеологической установки, готовившем управленческую элиту для новой власти. Кушнер разрабатывал для этой аудитории соответствующее социологическое мировоззрение, получившее выражение в курсе «истории развития общественных форм». Он настаивал на роли социологии как обобщающей обществоведческой науки, «отмечающей повторяемость и правильность в общественных явлениях». Стремление к этой повторяемости привело автора «Очерка развития общественных форм» к созданию картины схематической однолинейной эволюции человеческого общества, пути, свернуть с которого в сторону не может ни один народ или страна.

На рубеже 1920–1930-х годов, в контексте развернувшихся в исторической науке дискуссий о формациях, вопрос о первобытности как формации стал одним из ключевых. П.И. Кушнер, будучи энтузиастом формационной теории, сам активно участвовал в этих дискуссиях, однако в результате оказался вне становящейся марксистской ортодоксии. Центром, в котором она формировалась, была возглавлявшаяся академиком Н.Я. Марром ГАИМК, а главным идеологом этого процесса – А.Г. Пригожин. Им, а также другими теоретиками (Н.М. Маториным, В.И. Равдоникасом и др.) было сформулировано положение о доклассовом обществе как общественно-экономической формации, в основе которой лежит первобытно-коммунистический способ производства. Кушнер из-за от-

рицательного отношения к теории первобытного коммунизма подвергся в изданиях ГАИМК жесткой критике.

Одновременно с «формационными» дискуссиями развернулась дискуссия о соотношении марксизма и этнологии, в которой он принял активное участие. Его мнение можно считать в целом типичным для марксистской группы «этнологов-социологов», воспринимавших данную науку как часть социологии. Кушнер не случайно участвовал в дискуссии об этнографии. Он тяготел к проблематике этой науки, однако стремился к чрезмерно широким обобщениям в данной области с точки зрения марксистской социологии, к которым был не вполне готов. Экспедиция в Киргизию, а также работа в социологической секции Института истории Комкадемии еще более сблизили его с этнографами и этнографией. Однако острая политизированность затрагиваемых им в теоретических дискуссиях и монографии «Горная Киргизия» вопросов привела к тому, что, будучи убежденным марксистом, он «не вписался» в складывающуюся в эпоху «великого перелома» ситуацию как в науке, так и в идеологии.

¹ Социология в России. / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998. С. 283, 24.

² Другие учебники: *Андреев Н.Н., Плотников И.С.* История общественных форм. Пг., 1923; *Тахтарев К.М.* Сравнительная история человеческого общества и общественных форм. Л., 1924; *Гуковский А.И., Трахтенберг О.В.* Фазы общественного развития М.;Л., 1926.

³ *Гуковский А.И.* Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С. 94.

⁴ Подробнее см. *Алексеева Г.Д.* Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке // История и историки. 1971. М., 1973.

-
- ⁵ Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 90.
- ⁶ Кушнер (Кнышев) П.И. Нужно ли изучать общественные формы? // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 206.
- ⁷ Кушнер (Кнышев) П.И. История развития общественных форм. 6-е изд. М., 1929. С. 10.
- ⁸ Там же. С. 157.
- ⁹ Кушнер (Кнышев) П.И. Очерк развития общественных форм. 1-е изд. М., 1924. С. 10–11.
- ¹⁰ Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 206.
- ¹¹ Кушнер (Кнышев) П.И. Очерк развития общественных форм. 6-е изд. С. 137.
- ¹² Там же. С. 147.
- ¹³ Там же. С. 360.
- ¹⁴ Там же. С. 362.
- ¹⁵ Там же. С. 244–245.
- ¹⁶ Кушнер П.И. Нужно ли изучать общественные формы? С. 206.
- ¹⁷ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т.1. М., 1920. С. 17–18.
- ¹⁸ Чагин Б.А. Клушин В.И. Исторический материализм в СССР в переходный период. 1917–1936. М., 1986. С. 125.
- ¹⁹ Тахтарев К.М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Л., 1924. С. 8, 86.
- ²⁰ Кушнер (Кнышев) П.И. Очерк развития общественных форм. 6-е издание. С. 3.
- ²¹ Гуковский А. [Рец.:] Кушнер П.И. Очерк истории общественных форм // Историк-марксист. 1927. № 4. С. 233–234.
- ²² Редин Н. К вопросу о преподавании «истории развития общественных форм» // Историк-марксист. 1927. № 6. С. 202–203.
- ²³ Никольский В.К. Лекции по доклассовому обществу. М., 1934. С. 6.
- ²⁴ Неретина С.С. Смена исторических парадигм в СССР // Наука и власть. М., 1990. С. 32.
- ²⁵ Кушнер (Кнышев) П.И. Очерк развития общественных форм. 1-е изд. М., 1924. С. 4–5.
- ²⁶ Кушнер (Кнышев) П.И. Нужно ли изучать общественные формы? С. 206–207, 212.

-
- ²⁷ АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 47. Л. 45.
- ²⁸ *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма. М., 2004. С. 164.
- ²⁹ Там же. С. 164–165.
- ³⁰ *Никольский В.* Старое и новое в доистории // Вестник Социалистической академии. Кн.3. М.;Пг., 1923. С. 389.
- ³¹ *Богданов А.А.* Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // Вестник Социалистической академии. Кн. 3. М.;Пг., 1923. С. 17–19.
- ³² Там же. С. 23.
- ³³ *Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. М., 1929. С. 80. О П.Ф. Преображенском см.: *Иванова Ю.В.* Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999. С.235–264.
- ³⁴ *Кушнер П.И.* Предисловие // Гуковский А.И. Трахтенберг О.В. Очерк истории докапиталистического общества и происхождения капитализма. М.;Л., 1931. С. VI.
- ³⁵ *Кушнер П.И.* О первобытном коммунизме // Записки Коммунистического университета им. М.Я. Свердлова. Т.II. М., 1924. С. 64.
- ³⁶ *Кушнер П.И.* Предисловие. С. VIII.
- ³⁷ *Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. С. 72.
- ³⁸ Диспут о книге Д.М. Петрушевского // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 105–107.
- ³⁹ Дискуссия о марксистском понимании социологии. С. 198.
- ⁴⁰ *Пригожин А.Г.* Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Л., 1933. С. 108.
- ⁴¹ *Равдоникас В.И.* О сущности развития доклассового общества // Известия ГАИМК. 1932. № 5–6. С. 45.
- ⁴² *Быковский С.Н.* Ленин и проблемы истории доклассового общества. М.;Л., 1935. С.9–10.
- ⁴³ Там же. С. 12.
- ⁴⁴ Первобытное общество. / Сборник статей под ред. Н.М. Маторина. Л., 1932. С. 17.
- ⁴⁵ *Пригожин А.Г.* К. Маркс и проблема социально-экономических формаций. С. 94.
- ⁴⁶ *Быковский С.Н.* Ленин и основные проблемы истории доклассового общества. С. 33.

-
- ⁴⁷ Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 359. Оп. 1. Д. 201. Л. 16.
- ⁴⁸ *Ковалев С.И., Некрасова Е.К., Равдоникас В.И., Смирнов И.И.* Краткое введение в историю докапиталистических формаций // Известия ГАИМК. Вып. 99. Л.;М., 1934. С. 39.
- ⁴⁹ Там же. С. 71–72.
- ⁵⁰ *Быковский С.Н.* Доклассовое общество как социально-экономическая формация // СЭ. 1934. № 1–2. С. 25–26.
- ⁵¹ *Пригожин А.Г.* Карл Маркс и проблема общественно-экономических формаций. С. 37.
- ⁵² АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 47. Л. 4.
- ⁵³ *Кушнер П.И.* Предисловие. С. XI.
- ⁵⁴ Там же. С. XIV.
- ⁵⁵ АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 47. Л. 35 об.
- ⁵⁶ *Равдоникас В.И.* О сущности развития доклассового общества // Известия ГАИМК. 1932. № 5–6. С. 54–62.
- ⁵⁷ *Ковалев С.И., Некрасова Е.К., Равдоникас В.И., Смирнов И.И.* Краткое введение в историю докапиталистических формаций. С. 37; *Пригожин А.Г.* Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Л., 1933. С. 95.
- ⁵⁸ Архив Института истории материальной культуры РАН (далее – АИИМК). Ф. 2. Оп. 1 (1932 г.). Д. 201. Л. 51.
- ⁵⁹ АРАН. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.
- ⁶⁰ АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 233. Л. 4.
- ⁶¹ *Васильков Я.В.* Трагедия академика Марра // Христианский Восток. Новая серия. Т. II (VIII). СПб.;М., 2001. С. 411–412.
- ⁶² *Марр Н.Я.* К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. М., 1930. С. 43.
- ⁶³ Там же. С. 41.
- ⁶⁴ Там же. С. 38.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Мещанинов И.И.* Яфетидология и марксизм. Баку, 1930. С. 34.
- ⁶⁷ АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 233. Л. 37–38.
- ⁶⁸ См. *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 147–192.

-
- ⁶⁹ Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (далее – АМАЭ). Ф. К–1. Оп. 3. Д. 7. Л. 184–187.
- ⁷⁰ АРАН. Ф. 377. Оп. 2. Д. 130. Л. 39–42.
- ⁷¹ АМАЭ. Ф. К–1. Оп. 3. Д. 7. Л. 79.
- ⁷² Резолюция Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 г. // СЭ. 1932. № 2. С. 13–14.
- ⁷³ Кушнер П.И. Очерк развития общественных форм. 6-е изд. С. 625.
- ⁷⁴ Токарев С.А. Советская этнография за 40 лет // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2. С. 85.
- ⁷⁵ Толстов С.П. Сорок лет советской этнографии // СЭ. 1957. № 5. С. 37.
- ⁷⁶ АРАН. Ф. 350. Оп. 2. Д. 233. Л. 4.
- ⁷⁷ См. Абрамзон С.М. Этнографическое изучение Киргизии за 20 лет // Наука в Киргизии за 20 лет. Фрунзе, 1946. С. 179–186.
- ⁷⁸ Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов // Сборник этнографических материалов №2. Л., 1927. С. 7–25.
- ⁷⁹ Фиельструп Ф.А. Исследования среди кара-киргиз // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926.
- ⁸⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 62. Оп. 2. Д. 257. Л. 12.
- ⁸¹ Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк). Вып. 1. Ташкент, 1926. С. 6–8.
- ⁸² Организация, объединявшая сельскую бедноту среднеазиатских республик.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 257. Л. 4–6.
- ⁸⁴ Там же. Д. 281. Л. 4.
- ⁸⁵ См. напр., Буров-Петров. На борьбу с байством и манапством. Фрунзе, 1927. С. 33–36.
- ⁸⁶ Кушнер (Кнышев) П.И. Горная Киргизия (социологическая разведка) М., 1929. С. 41.
- ⁸⁷ Там же. С. 43.
- ⁸⁸ Там же. С. 130–131.
- ⁸⁹ Архив Института этнологии и антропологии РАН. Личное дело Абрамзона С.М. Автобиография (1947). Нумерации листов нет.

- ⁹⁰ *Абрамзон С.* Этнографическая работа в Киргизии // СЭ. 1931. № 1–2. С. 185–187.
- ⁹¹ *Шир Б.* Наука в борьбе с манапством // Советская Киргизия. 1930. № 157 (9 июля). С. 3.
- ⁹² *Абрамзон С.* У истоков манапства (Экспедиционные очерки) // Советская Киргизия. 1930. № 228 (30 сентября). С. 2.
- ⁹³ *Абрамзон С.* У истоков манапства // Советская Киргизия. 1930. № 256 (2 ноября). С. 3. Впрочем, из текста не вполне понятно, была ли именно весть о приезде прокурора причиной этого движения.
- ⁹⁴ *Абрамзон С.* У истоков манапства // Советская Киргизия. 1930. № 262 (10 ноября). С. 3.
- ⁹⁵ *Абрамзон С.М.* «Советская этнография» в начале 1930-х годов // СЭ. 1976. № 4. С. 90–92.
- ⁹⁶ *Абрамзон С.М.* Современное манапство в Киргизии // СЭ. 1931. № 3–4. С. 43–59.
- ⁹⁷ Цит. по: Современный аул Средней Азии. Вып. 10. Загорная область. Ташкент, 1927. С. 202.
- ⁹⁸ *Бартольд В.В.* Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927. С. 49–70.
- ⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 278. Л. 60.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 39–40.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 41–42.
- ¹⁰² Там же. Л. 44.
- ¹⁰³ *Преображенский П.Ф.* Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-иомудов // Этнография. 1930. № 4. С. 21.
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 278. Л. 60.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 59–60.
- ¹⁰⁶ *Кушнер (Кнышев) П.* Пять общественных укладов. М., 1927. С. 25–26.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 281. Л. 6–7.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 16.
- ¹⁰⁹ Об этом: *Чокушев Б.* Классовая борьба в киргизских аилах (1918–1932). Фрунзе, 1990. С. 64.
- ¹¹⁰ В решениях II областной партконференции (ноябрь 1925 г.) указывалось, что «групповая борьба представляла собой объективное отражение в нашей партии родовой борьбы». // Цит. по: Чокушев Б. Ук. соч. С. 32.

-
- ¹¹¹ *Митрофанов А.* Об одной теоретической путанице и о вредных ее последствиях // *Большевик*. 1926. № 13.
- ¹¹² Там же. С. 76.
- ¹¹³ Там же. С. 73.
- ¹¹⁴ Там же. С. 78.
- ¹¹⁵ Там же. С. 79.
- ¹¹⁶ Там же. С. 80.
- ¹¹⁷ КПСС и советское правительство о Советском Киргизстане. Сборник документов. Фрунзе, 1974. С. 64–65.
- ¹¹⁸ *Садвокасов С.* О национальностях и националах // *Большевик*. 1928. № 1. С. 56–64.
- ¹¹⁹ *Коста Таболов.* Против линии национальной демократии (Ответ тов. Садвокасову) // *Большевик*. 1928. № 1. С. 74.
- ¹²⁰ *Кушнер (Кнышев) П.* Письмо в редакцию // *Большевик*. 1928. № 6. С. 90–91.
- ¹²¹ *Коста Таболов.* По поводу «Письма в редакцию» П. Кушнера // *Большевик*. 1928. № 6. С. 92–93.
- ¹²² *Кушнер (Кнышев) П.* Горная Киргизия. С. 3–5.
- ¹²³ Там же. С. 120.
- ¹²⁴ Там же. С. 43.
- ¹²⁵ Там же. С. 66.
- ¹²⁶ Там же. С. 107.
- ¹²⁷ Там же, с. 97. Напомним, что схожие сравнения по отношению к туркменам высказывал П.Ф. Преображенский.
- ¹²⁸ См. *Кушнер П.* Феодализм. М., 1931.
- ¹²⁹ *Кушнер (Кнышев) П.* Горная Киргизия. С. 79.
- ¹³⁰ Там же. С. 107.
- ¹³¹ *Погорельский П.В., Батраков В.С.* Экономика кочевого аула Киргизии. М., 1930. С. 159.
- ¹³² Там же. С. 70.
- ¹³³ Там же. С. 156.
- ¹³⁴ Там же. С. 144.
- ¹³⁵ Там же. С. 53.
- ¹³⁶ Там же. С. 16.
- ¹³⁷ *Толстов С.П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.;Л., 1934. С. 169.
- ¹³⁸ Там же. С. 190.
- ¹³⁹ Там же. С. 166.

¹⁴⁰ Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936. С. 68.

¹⁴¹ Потапов Л.П. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 3. 1947. С. 67.

¹⁴² Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 155–162.

¹⁴³ Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936; Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Известия ГАИМК. Вып. 103. Л., 1934.

¹⁴⁴ См. Марков Г.Е. Из истории изучения номадизма в отечественной литературе: вопросы теории // Восток. 1998. № 6.

¹⁴⁵ Там же. С. 116–118.

¹⁴⁶ Потапов Л.П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков «кунград» // Научная мысль. Вып. 1. Самарканд; Ташкент, 1930. С. 37–52.

¹⁴⁷ АИИМК. Ф. 2. Оп. 1 (1932 г.). Д. 201. Л. 307.

¹⁴⁸ Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. С. 12.

¹⁴⁹ Ильин Я. [Рец. на:] Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. М., 1931 // СЭ. 1932. № 1. С. 157–158.

¹⁵⁰ АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 76. Л. 21.

¹⁵¹ Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // ЭО. 1993. № 2. С. 121–122.

¹⁵² Кушнер (Кнышев) П. Пять общественных укладов. М., 1927. С. 55.

¹⁵³ Там же. С. 56–57.

1. От социального к этническому. Теоретические основы послевоенной советской этнографии

В первой главе были рассмотрены происшедшие в военный период изменения в организационной структуре этнографической науки. В 1942 г. была образована московская группа Института этнографии АН СССР во главе с С.П. Толстовым. Толстов перенес его центр в Москву. Он выступил в роли как организатора и «собиранителя кадров» создаваемого им во многом заново Института, так и главного теоретика и организатора научно-исследовательской работы советских этнографов. К этому времени стали очевидны значительные сдвиги, происшедшие в понимании предмета и задач этнографической науки.

Понимание задач этнографии, сформулированное Н.М. Маториным в 1931 г., сводило их к изучению доклассовой общественно-экономической формации – «первобытного коммунизма» и его пережитков: «Термин “этнография” может сохранить условное значение для той части исторического знания, которое связано с доклассовым обществом и его пережитками<...>»¹. Однако вскоре, на состоявшемся в ГАИМК Всероссийском археолого-этнографическом совещании 7–11 мая 1932 г., была отвергнута и эта формулировка: идея возможности марксистской этнографии признавалась вредной и несостоятельной, этнография определялась как «вспомогательная дисциплина на службе истории»

ческого исследования», занятая первичным сбором полевого материала². События рубежа 1920–1930-х годов были «коренным переломом» в истории отечественной этнографии, положившим конец теоретическому плюрализму³. Они негативно сказались и на организационной базе науки, в особенности на этнографическом образовании: в 1930 г. был закрыт этнологический факультет в Москве, в 1932 г. этнографическое образование было прекращено и в Ленинграде. В 1930 г. на базе МАЭ и Комиссии по изучению племенного состава (КИПС) создается Институт по изучению народов СССР (ИПИИ) во главе с Н.Я. Марром и его заместителем Н.М. Маториным⁴. Как уже говорилось, инициаторами и наиболее активными критиками этнографии были группировавшиеся вокруг Н.Я. Марра партийные активисты и идеологи – В.Б. Аптекарь, С.Н. Быковский и др. С 1934 по 1937 гг. Институтом антропологии и этнографии (созданным на базе МАЭ и ИПИИ в 1933 г. и вначале возглавленным Н.М. Маториным) руководил также ближайший ученик Н.Я. Марра И.И. Мещанинов.

В 1937 г. Мещанинова на посту директора центрального этнографического учреждения, переименованного в Институт этнографии (ИЭ), сменил востоковед В.В. Струве. В декабре того же года состоялся пленум Института, на котором Струве прочитал доклад «Советская этнография и ее перспективы». Он оценил решения совещаний 1929 и 1932 гг. как вредительство, на годы задержавшее развитие советской этнографии. Стремясь «реабилитировать» эту науку, он нашел «утверждение этнографии как самостоятельной науки» в фразе Сталина из статьи «Марксизм и национальный вопрос» о том, что нация является «исторической категорией», а племя – «категорией этнографической». Следовательно, у этнографии есть свой законный «предмет», отличный от исторического: она «изучает те общества, которые не переросли еще в нацию, пребывая еще по существу на стадии первобытнообщинного строя или раннеклассового общества»⁵. Этнографическое изуче-

ние наций также возможно, однако здесь исследуются пережитки, оставшиеся от докапиталистических стадий их развития. Таким образом, Струве, в сущности, повторил определение Н.М. Маторина. Новым в данной статье были попытки определить смысл, который вкладывали в такие категории, как народность, национальность и нация, Ленин и Сталин. С.А. Токарев, сделавший на совещании доклад о происхождении якутской народности, оценил в своем дневнике доклад Струве как очень слабый и теоретически непоследовательный, однако отметил общее «оживление на этнографическом фронте»⁶.

В 1937 г. ГАИМК была закрыта, и вместо нее был создан Институт истории материальной культуры (ИИМК) в системе АН СССР. Волна «большого террора» 1937 г., как известно, в значительной степени обрушилась на представителей советской интеллигенции и партработников. Именно на «научном и культурном фронте», где процветало «либеральное благодушие и политическая беспечность», агенты троцкистов и бухаринцев – как разъяснялось в печати – «имели обстановку, облегчавшую их гнусную работу». «Враги народа во главе с Бухариным вели подрывную деятельность в Академии наук СССР. Многие учреждения Академии, особенно ее Общественного отделения, такие ее институты, как Институт этнографии, истории и другие, были засорены троцкистскими и правыми диверсантами, шпионами и вредителями, принесшими немало вреда»⁷. Редакционная статья «Советской этнографии» указывала на то, что в Институте антропологии, археологии и этнографии (так назывался ИЭ в 1935–1937 гг.) «вели свою подрывную работу враги народа, троцкисты-зиновьевцы Маторин, Бусыгин, Быковский, Седых». Они, как утверждалось в статье, проповедовали упразднение этнографии и археологии, подменили конкретные этнографические исследования «абстрактной псевдосоциологической схоластикой», отрывали ученых от актуальных вопросов социалистического строительства. Под их влиянием «жонглированием элементами»

и «трескучей фразеологией о стадиальности» в своих работах занялись А.Н. Бернштам, К.В. Вяткина, Л.П. Потапов, С.П. Толстов и другие⁸.

В 1936 г. были расстреляны Н.М. Маторин и А.А. Бусыгин, в 1937 г. – А.Г. Пригожин, В.Б. Аптекарь, С.Н. Быковский. Сотрудники ГАИМК А.В. Арциховский, М.В. Воеводский, С.В. Киселев и С.П. Толстов опубликовали в 1937 г. статью «О методах вредительства в археологии и этнографии», направленную против «троцкистско-зиновьевских и бухаринских вредителей» во главе с Пригожиным, проникших в руководство ГАИМК и ИАЭ, искусственно создававших «атмосферу постоянных ненужных дискуссий» и заменивших публикацию археологических и этнографических материалов «социологической трескотней». «Идеологи ГАИМК» не были действительными специалистами, «занимались изучением талмудизированных абстракций», рассуждали об «основном противоречии первобытного общества» и его периодизации априорным путем в отрыве от археологического и этнографического материала. Другим проявлением их вредительской деятельности была попытка вообще ликвидировать археологию и этнографию, что, особенно в случае последней, привело к плачевным результатам: «Кадры этнографов, и без того малочисленные, были растеряны, и этнографическая работа на некоторое время почти полностью прекратилась»⁹. Авторы призывали начать «разработку конкретных исторических проблем», связанных с открытыми, но не опубликованными по вине «вредителей» источниками. В числе предъявляемых им обвинений было и то, что «понятие общественно-экономической формации, доведенное ими до крайнего предела абстракции, превращалось в универсальную отмычку ко всем без исключения проблемам истории»¹⁰.

В идеологической сфере в это время шел постепенный отказ от пролетарского интернационализма в пользу более «патриотической» и национально-государственно ориентированной идеологии. Идея мировой революции схо-

дила на нет, на ее место был выдвинут лозунг построения социализма в одной стране. В этой связи изменяется отношение к имперскому прошлому и исторической науке. В 1934 г. вновь открываются исторические факультеты в университетах. Происходит пересмотр идеологических установок на «историческом фронте», завершившийся окончательным разгромом «школы Покровского». В археологии после периода первой половины 1930-х годов, когда «этногенетические исследования не только не поощрялись, но даже преследовались», начинается активная разработка данной тематики (в основном этногенеза восточных славян) как ответ на «этногенетический экспансионизм» и расистские теории немецкой националистической науки, причем археологи пытались приспособить для этих целей марксизм¹¹. Уже в 1935 г. в московском отделении ГАИМК была создана «комиссия по изучению вопросов этногонии» в следующем составе: А.Д. Удальцов – председатель, С.П. Толстов – секретарь, а также А.В. Арциховский, С.В. Киселев, В.Б. Аптекарь, С.А. Токарев и др.¹²

Председатель этой комиссии А.Д. Удальцов – ученый, творческая эволюция которого достаточно показательна. Его первоначальной специализацией была аграрная история средневековой Франции (магистерская диссертация «Свободная деревня в Западной Нейстрии в эпоху меровингов и каролингов» (1912)). Будучи близок к марксизму и большевикам, он с 1918 г. принимал активное участие в создании Комакадемии, был членом коллегии Института истории Комакадемии, преподавал в МГУ, Комуниверситете им. Я.М. Свердлова, Институте красной профессуры и т.д. С 1932 г. работал в МО ГАИМК в должности замдиректора (1933–1934) и заведующего кафедрой средневековой истории. В это время он выпустил в издании ГАИМК исследование по характерной для того времени «социологической» теме «Родовой строй у древних германцев» (1934). Однако вскоре он перешел на этногенетическую проблематику и, как сказано в его характеристике 1938 г., «включив-

шись в борьбу с фашистскими концепциями, т. Удальцов сосредотачивает свое внимание на вопросах этногенеза народов Запада»¹³. Вскоре он стал одним из ведущих специалистов по этногенезу славян. В духе марровской теории он рассматривал их как автохтонное население, складывавшееся из «протославян» скифов, сарматов, фракийцев и т.д., прослеживаемых с III тыс. до н.э. и перешедших на индоевропейскую стадию в процессе классообразования¹⁴.

Под руководством А.Д. Удальцова работала в дальнейшем Комиссия по этногенезу АН СССР, проведшая в первой половине 1940-х годов несколько сессий по этногенезу: народов Севера (1940), народов Средней Азии (1942), славян (1943) и индоевропейских народов (1944), доклады на которых сделали С.П. Толстов, С.А. Токарев, А.М. Золотарев, Г.Ф. Прокофьева и др. В 1942 г. Удальцов представил обобщающий доклад «Теоретические основы этногенетических исследований», в котором провозгласил становление в Советском Союзе новой научной дисциплины «этногенетики», которая «не укладывается в рамки отдельных существующих дисциплин» и изучает проблемы этногенеза комплексным методом, используя «приемы исследования» археологии, лингвистики, антропологии, этнографии и истории¹⁵. В качестве теоретических основ этногенетики в докладе фигурировали два «учения»: Марра о языке и Сталина о нации. Удальцов цитировал главным образом Сталина, Энгельса и Марра. Основными категориями этногенетических исследований, выделенными им, были племя, народность и нация – типология этнических общностей, вошедшая в арсенал марксизма-ленинизма и, соответственно, советской этнографии. Общая закономерность этногенеза виделась Удальцову как «процесс развития от множества к единству, процесс этнической интеграции», происходивший по следующей схеме: «Первоначально – отдельные мелкие племена, почти изолированные; затем – более крупные племена, вступающие в длительные взаимные сношения, образующие с течением времени союзы

племен и при переходе к классовому обществу сливающиеся в народы, далее – более крупные народности и, наконец, возникающие при переходе к капитализму большие современные буржуазные нации<...>».¹⁶

В августе 1943 г. Удальцов прочитал свой доклад в ИЭ. С.А. Токарев отметил в дневнике, что доклад «односторонен» и ограничивается «формальным лишь признанием роли этнографического материала, но без понимания, как и что с ним делать»¹⁷. В 1949 г. Токарев выступил с собственной программной статьей на эту тему – «К постановке проблем этногенеза», в которой, в противовес Удальцову, доказывал, что «именно *этнография* и только этнография, как наука, изучающая *этнические особенности* отдельных народов, способна дать *наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы* этногенеза каждого данного народа»¹⁸, но в то же время констатировал и отставание этнографов от своих «собратьев» в постановке и решении этого вопроса. Археология, антропология, история и лингвистика не могут ответить на вопрос о происхождении различных элементов культуры данного народа, к которому и сводится проблема этногенеза: «Культурный облик во всей его совокупности, включая сюда, конечно, и язык и все исторические традиции, – вот что отличает один народ от другого, что придает каждому из них индивидуальность. Следовательно, проблема этногенеза состоит *по преимуществу* в выяснении элементов этого культурного облика»¹⁹. Основными группами этнографического материала, необходимого для этого, по Токареву, являются этногонические легенды, родоплеменной состав народа и названия его подразделений, а также «материальная и духовная культура народа и анализ ее элементов».

В 1948 г., оценивая работу ИЭ за первые послевоенные годы, С.П. Толстов, раскритиковав отставания в таких направлениях, как история первобытного общества и изучение современности, противопоставил им проблему этногенеза, в которой Институт добился больших успехов и может

по праву ими гордиться: по этой теме было напечатано 65 статей и одна монография. Он также критиковал том «Народы Кавказа» на том основании, что в нем отсутствуют проблемы этногенеза, «те проблемы, которые являются центральными в нашем направлении этнографии»²⁰. В отчетной справке, подготовленной в Институте в 1955 г., отмечалось, что «если в довоенные годы эти проблемы (проблемы этногенеза. – С.А.) вообще не стояли в плане работ Института», то с 1947 по 1955 гг. по ним опубликовано 8 книг и более 60 статей²¹.

В 1940-е годы Толстов публикует статьи, в которых формулирует новое понимание задач этнографии и методологические основы «советской школы в этнографии». Существование этой школы было заявлено Толстовым в 1946 г., а более развернутая ее характеристика была дана им в статье, которая так и называлась – «Советская школа в этнографии» (1947). Рассмотрим подробнее основные идеи этих программных текстов.

«Этнография, – писал Толстов, – отрасль истории, исследующая культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, изучающая проблемы происхождения и культурно-исторических взаимоотношений этих народов, восстанавливающая историю их расселения и передвижения»²². Он подчеркивал, что советской этнографии чуждо понятие «культуры» как «абстрагированной от народа и его живой истории самодовлеющей категории». Каждый народ – это «субъект истории» и «активный строитель своей культуры»²³. «Пробужденные к новой жизни народы СССР» уже не могут довольствоваться «смутными этногоническими легендами» и нуждаются в научном описании их происхождения и развития, и задача эта должна быть выполнена этнографами²⁴. В восстановлении истории бесписьменных народов ведущая роль принадлежит этнографическим и археологическим материалам. Большинство ведущих ученых «одинаково вооружены» как для собственно этнографической работы, так и для работы с

письменными и археологическими источниками, основной формой обобщающего этнографического труда становится историко-этнографическая монография²⁵. В то же время среди исторических наук этнография имеет отличительную черту, свой «угол зрения», заключающийся в «выявлении этнической специфики, национальных особенностей культуры того или иного народа»²⁶.

П.И. Кушнер в конце 1940-х – начале 1950-х годов также публиковал программные тексты, посвященные общим проблемам этнографии, во многом созвучные толстовским. Он критиковал доклад Струве, который утверждал, что «этнография может изучать народы лишь на стадии первобытнообщинного строя, а народности и нации не являются объектом этнографического исследования». Это означало, по его мнению, «бегство от современности» и актуальных проблем. При определении задач этнографии он (как и Толстов) цитировал выступление Сталина 7 апреля 1948 г. на приеме финляндской правительственной делегации, ставшее на некоторое время своего рода лозунгом советских этнографов: «Советские люди считают, что каждая нация, – все равно – большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций»²⁷. Это выступление, писал Кушнер, «подтвердило правильность пути, по которому идет советская этнография»: «Поскольку каждая нация имеет свои качественные особенности, свою специфику, принадлежащую только данной нации, специфику эту, т.е. национальную культуру каждого отдельного народа, нужно изучать, и это должна делать наука, которая исследует народные обычаи, формы народной жизни, народную культуру, – этнография (разрядка Кушнера – С.А.)»²⁸. В этом контексте в этнографической теории, в статьях Кушнера в частности, вновь появляется понятие «этнуса»: «Этнография изучает “этнос” - специфику народов, о которой говорил товарищ Сталин»²⁹.

Следует подчеркнуть, что понятие «этнос» в конце 1940-х годов вновь входило в употребление и часто обозначало именно совокупность специфических черт, присущих отдельным национальным культурам. «Этническими, – указывал Кушнер, – называют множество явлений, которые в основном сводятся к специфике, отличающей быт одного народа от быта другого. В группу таких специфических признаков входят отличия в языке, материальной культуре, обычаях, верованиях и пр. Совокупность таких специфических отличий в быту народов, отличий, обусловленных предшествующей исторической жизнью этих народов и воздействием на них географической среды, называется “этносом”»³⁰.

Кушнер писал о том, что этнос нельзя понимать как нечто «окончательно сложившееся»: черты, являющиеся специфическими для определенного народа в определенную эпоху, могут потерять свой «этнический характер» и стать интернациональными³¹. Толстов, убеждая этнографов в необходимости изучать рабочих, говорил, что представление о том, что рабочий класс не является носителем «этноса, этнических особенностей народа», неверно и что «как рабочий класс, так и крестьянство, так и трудовая интеллигенция, – все являются носителями так называемого этноса, все являются носителями традиций национальной культуры»³². Кушнером было введено понятие «этнического определителя» или определителя этнической принадлежности в связи с проблемой определения этнического состава населения на этнически смешанных территориях или границах. Этими определителями могут стать различные явления культуры: язык, этническое самосознание, формы жилища, одежда, орудия труда, пища и т.д.

Кушнер, как Удальцов и Токарев, развивал типологию этнических общностей, внося свой вклад в становление схемы «племя–народность–нация», основанной на высказываниях Энгельса и Сталина. Он исходил из формационного принципа: племя – форма этнической общности, характер-

ная для первобытности, народность – для рабовладельческого и феодального строя, нация – для капитализма и социализма. В первобытнообщинной формации этническое самосознание проявляется в виде осознания единства рода и племени. Эта общность основывается на принципе родства. В рабовладельческом обществе племенное единство уступает место народности, в основе которой лежат уже территориальные связи и их отражение в сознании людей. Однако эти народности еще несовершенны: люди считали себя прежде всего жителями своего города, сохраняя при этом и представление о племенном происхождении. При феодализме наблюдается борьба двух тенденций: натуральный характер хозяйства способствует «земляческой» идентичности. Кроме того, формирование национального самосознания тормозится принципом религиозной принадлежности. Тем не менее, при феодализме формируются народности, из которых затем складываются капиталистические нации, объединенные, согласно сталинскому определению, на базе общности четырех признаков: языка, территории, экономической жизни и психического склада, выражающейся в особенностях национальной культуры³³.

Схема «племя–народность–нация» служила легитимации изучения этногенеза, как бы оправдывая поиск корней этнических культур и традиций в далеком прошлом. Как уже отмечено выше, в первой половине 1930-х годов этногенетические исследования не только не поощрялись, но даже преследовались. Тезис Сталина о том, что племя является категорией этнографической, а нация – исторической, служил подтверждением принципиальной ошибочности поиска предков современных наций в глубине истории³⁴. Проследить этногенетическую связь между племенами и нациями с точки зрения марризма, представляющего этническое как некий эпифеномен социальной и технологической эволюции, было бессмысленно и невозможно, так как «на каждую из известных групп древности претендуют все современные народы», а конечный смысл «буржуазных»

этногенетических исследований определялся как ответ на «вечный вопрос: кто собственник?» и «проецирование куска современной этнографической карты на отдаленное прошлое»³⁵.

В 1950 г. последовала серия публикаций в «Правде», завершившаяся статьей И.В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», в которой отвергалась идея о языке как «надстройке» и о его стадильном развитии. Марризм был объявлен вульгаризацией марксизма, а господство марристов в языкознании – «аракчеевским режимом». В то же время Сталин писал о «развитии от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»³⁶. За ниспровержением марризма последовала соответствующая переоценка влияния Марра на этнографию и на ее развитие в 1920–1940-е годы. Только после этих событий, как писал Толстов, стало ясно, что решения совещания 1932 г., организованного учениками Марра в ГАИМК, и проведение их в жизнь, отрицательно сказавшиеся на развитии науки, нужно связывать именно со школой Марра, а не со школой Покровского (как утверждал Толстов еще в 1946 г.). Теперь этот период в истории науки виделся ему следующим образом. Разработка вопросов истории первобытного общества перешла от этнографов преимущественно к археологам-марристам, и только с середины 1930-х этнографам и археологам стало ясно, что между 1929 и 1934 гг. «развитие их науки шло во многом по неправильному пути». Однако отход от Марра тогда носил неполный характер и не сопровождался критикой его самого. «Наиболее тяжелым явлением» было отсутствие критики его взглядов на этногенез, вопрос, «занимающий в этнографии одно из центральных мест». В первую очередь в этом вопросе нужно было наметить новые пути³⁷.

«Под знаком работ товарища Сталина по языкознанию» прошло этнографическое совещание 1951 г., а также созванное в том же году специальное совещание по методологии этногенетических исследований. На нем прозвучали

доклады об изучении этногенеза на материалах археологии, антропологии и этнографии, а также на лингвистические темы³⁸. В докладе С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова о методологии этногенетических исследований поднимались вопросы этнографического изучения этногенеза, отчасти уже рассмотренные Токаревым. Наибольшее внимание этнографов, по их мнению, должны привлекать специфические черты «этнической традиции», которая определялась как «длительное сохранение определенных навыков и представлений, сложившихся в связи с условиями жизни народа в предыдущие периоды его истории и продолжающих существовать также в последующие исторические периоды»³⁹. К ним относились главным образом явления материальной культуры: типы хозяйственных орудий, жилища, средств передвижения, одежды, орнамента, украшений и т.д. Эти явления следует анализировать сравнительно-историческим методом, аналогичным одноименному методу в языкознании, учитывая при этом, что сходства этих элементов могут порождаться не только историческим родством народов, но и схожими природными условиями, формирующими хозяйственно-культурные типы. Этнографы должны также сопоставлять этнографические и археологические материалы, относящиеся к определенным территориям, использовать в качестве источников этногенетические предания и этнонимы (родовые и племенные названия).

«Этнический коллектив» или народ складывается на определенной территории и характеризуется общим языком и специфическими особенностями культуры. Этнографы «имеют основным объектом своего изучения специфические культурные особенности народов – реальных и единственных создателей и носителей всех языков человечества»⁴⁰. Культуру, как и язык, подчеркивали авторы, также нельзя изучать в отрыве от их носителя-народа. Связанные по происхождению народы формируются в рамках своих историко-этнографических областей, таких как Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия и т.д. Изучая эти области, можно про-

следить общее и специфическое в культуре составляющих их народов, создать историю такой области означает выяснить, «как конкретно возникло это своеобразное сочетание единства и многообразия как в области культуры, так и в области языка»⁴¹.

Итак, проследив происшедшие в послевоенный период перемены в области советской этнографической теории, можно сделать вывод о смещении сферы интересов этнографов от характерного для 1930-х годов марксистского социологического анализа, центральной категорией которого выступало понятие формации, к проблематике, которую можно обозначить как этническую. Традиционные объекты этнографического изучения становятся, согласно термину Кушнера, «этническими определителями» и рассматриваются с точки зрения их этнического своеобразия, как элементы национальной культуры, которые, как было сказано в постоянно цитировавшемся в тот период сталинском определении нации, «не с неба упали, а создавались исподволь». Выявляя их историю и преемственность, этнографы стремились восстановить историю и преемственность национальных этнических культур. Формационная тематика незаметно, однако вполне явственно отходила на второй план. Показателем своеобразного компромисса между этими двумя теоретическими ориентирами, который проливает также свет на сложившееся в эти годы понимание феномена культуры, являются рассуждения Кушнера о ее «форме» и «содержании». Культурное развитие народа, как писал ученый, зависит от способа производства, который составляет сущность формации. Так, можно говорить о первобытной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической культурах – эти определения касаются содержания культуры. Форма культуры «зависит от исторического пути отдельных народов – от собственного их внутреннего социального развития, от внешних влияний и воздействий, которым они подвергаются со стороны окружающей природы и соседних человеческих обществ, словом от всего того,

что создает специфику, отличающую один народ от другого»⁴². Этнографы иногда объясняли национальными отличиями не только форму, но и содержание культуры. Однако именно форма культуры «хранит этнические, народные, национальные черты», а содержание ее «отражает противоречия, присущие всякому классовому строю»⁴³. Эта идея была, несомненно, развитием сталинской формулы «культура, национальная по форме и социалистическая по содержанию». Однако, не вдаваясь в правомерность самого разделения формы и содержания культуры и используя эту идею как метафору, отражающую происшедшие теоретические изменения, можно сказать, что от изучения социального содержания культуры этнографы перешли к исследованию ее этнических форм.

2. Монография П.И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы» и ее значение для разработки проблем этногеографии, этнических процессов и этнического самосознания

Этническое картографирование традиционно являлось одной из самых востребованных государством сторон деятельности этнографов. Особенную актуальность данные исследования приобретали в военное время. В 1917 г., говоря о задачах ученых в связи с «текущим моментом и основными задачами государственного строительства России», выдающийся естествоиспытатель и мыслитель В.И. Вернадский писал, что они определяются «1) необходимостью срочного, глубокого и полного изучения естественных производительных сил нашей страны и прилегающих к ней стран, 2) особенностями мирового положения России, в частности, ее положения в Азии, и 3) чрезвычайным разнообразием как естественно-исторического, так и этнического состава русского государства»⁴⁴. Для выполнения первой задачи в 1915 г. при Академии наук была создана Комиссия по изучению естествен-

ных производительных сил России, для осуществления третьей и отчасти второй в феврале 1917 г. по инициативе академика С.Ф. Ольденбурга создается Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей России, в апреле того же года переименованная в Комиссию по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). Комиссия была создана для «скорейшего этнографического исследования областей, прилегающих к обеим сторонам наших границ в Европе и Азии для выяснения главным образом племенного состава этих областей»⁴⁵. Ольденбург обратился с запиской к министру иностранных дел Временного правительства, в которой подчеркивал важность национального фактора в связи с территориальными спорами и проведением государственных границ, от правильного учета которого «будет <...> зависеть успех той или другой спорящей стороны»⁴⁶. В связи с Октябрьской революцией, заключением Брестского мира и гражданской войной данные исследования проведены не были, а деятельность Комиссии переключилась на внутренние районы России. В результате к 1927 г. КИПС издала этнографические карты, охватывающие большую часть территории СССР⁴⁷.

Вторая мировая война поставила перед отечественными этнографами те же задачи, что и первая. Государству вновь требовалась информация об этнической ситуации на спорных территориях и везде, где велись боевые действия. Работа по выполнению этого заказа сыграла значительную роль в судьбе советской этнографии. Кушнеру выпало стать во главе этих исследований. Защищая в 1947 г. докторскую диссертацию по теме «Этнические территории и этнические границы», ученый с присущей ему скромностью отмечал, что «работа эта выполнена в очень незначительной степени мною, а в большей части всеми работниками Института этнографии <...> Из этой работы и родился этот метод и мое теоретическое обобщение»⁴⁸.

Согласно указаниям Генштаба, работы этнографов должны были осветить применительно к каждой территории

следующие вопросы: 1) исторические сведения о народах, заселяющих исследуемые страны (границы расселения, историко-государственные судьбы народов, экономическая и культурная общность народов), 2) краткая политическая и экономическая характеристика территорий, и в качестве главного задания – 3) этнографические границы народов каждой исследуемой страны⁴⁹. Наибольшее значение заказчик придавал точности и детальности описания границ расселения европейских народов. Эти сведения, как уже отмечалось в первой главе, направлялись М.М. Литвинову, бывшему в то время председателем Комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенному устройству⁵⁰. Сохранилось несколько писем Литвинова Толстову. В одном из них, от 15 февраля 1944 г., отвечая на присылку части материалов, он писал: «Я вам очень благодарен за присланные работы Вашего Института. Они являются ценным вкладом в собираемый моей Комиссией материал, но намеченные авторами темы, естественно, охвачены шире, чем это требуется для специальной работы Комиссии. Но из большего всегда можно сделать меньшее, и Комиссия, конечно, возьмет из ваших трудов то, что ей понадобится»⁵¹.

Итогом более чем двухлетней работы, как уже упоминалось, явился коллективный труд «Исследование этнического состава Центральной и Юго-Восточной Европы» (ответственный редактор С.П. Толстов, редактор картографической части П.И. Кушнер, военный консультант и спецредактор полковник Д.Ф. Чикин). Данный труд в его оригинальном виде, согласно договору, опубликован не был, крупномасштабные (1:200000 и 1:100000) карты выполнялись в единственном экземпляре и находились в Генштабе. Первую часть исследования составляли следующие разделы: «Западная часть литовской этнографической территории», «Сувалкский край в статистико-этнографическом отношении», «Земландский полуостров (к вопросу об этногенезе современного населения)» и объяснительная записка к карте западной этнографической границы литовцев, бело-

русов, украинцев и молдаван, составленные Кушнером; «К вопросу о западной этнографической границе белорусов», объяснительные записки к картам западных районов расселения белорусов и района Гродно этнографа из Белоруссии М.Я. Гринблата; а также работы «Холмщина (к вопросу о национальном составе Забужской Руси – Холмщины)», «К вопросу об этнографической границе украинцев с поляками на стыке Холмщины и Голиции» и объяснительная записка к карте этнографической границы Голиции с Польшей, подготовленные украинским этнографом И.Ф. Симоненко. Вторую часть составляли разделы о народах Югославии (авторы – С.А. Токарев, И.Ф. Симоненко и др.), Чехии (С.А. Токарев), об этнографическом составе населения Германии (Н.Н. Чебоксаров), а также работы аспиранта ИЭ Л.И. Василевского «Польская этнографическая территория» и «Пограничные чешско-польские районы»⁵². Коллективный труд был представлен в Комитет по Сталинским премиям в 1945 г., однако премии не получил⁵³.

Исследование этнического состава территорий и составление этнографических карт, как было сказано в кратком описании, предназначенном для начальника управления спецзаданий Генштаба (текст этот написан, по-видимому, Кушнером), является одной из наиболее трудных задач этнографии и потребовало разработки специального «комплексного историко-этнографического метода». Трудности сводились к: 1) неразработанности метода определения этнографических территорий, 2) «крайней степени фальсификации» важнейшего источника – переписей в соответствии с интересами производившего их государства и 3) «объективной сложности проблемы», состоящей в наличии в пограничных зонах «смешанных, переходных и ассимилированных групп населения» и многонационального состава этих территорий.

«В связи с этим, – говорилось в данном описании, – поставленная Генштабом перед Институтом задача не могла быть разрешена путем компиляции материалов существующей этнографической и картогра-

фической литературы. Потребовалось не только подвергнуть новому углубленному исследованию материал первоисточников, но и разработать самую методологию исследования, принципы определения этнографических территорий.

В основу исследования был положен разработанный в процессе выполнения указанных заданий комплексный историко-этнографический метод, опирающийся на использование лингвистических, собственно этнографических, исторических и археологических материалов, в свете которых получает научное освещение материал этнографической статистики. Историко-этнографический метод ставит вопрос об этническом характере территории в прямую связь с историческими правами народов на территории, на которых они оформились, развивались и на которых длительное время обитали или обитают.

Особенное значение применение этого метода имело по отношению к территориям, с которых коренное население было насильственно удалено или частично ассимилировано. В предлагаемом труде это особенно относится к решению вопроса о западных историко-этнографических границах литовцев и поляков и в почти такой же мере к районам западной границы белорусов и украинцев»⁵⁴.

Схожие задания по работе с европейской этнической статистикой и определению этнического состава пограничных территорий были даны Главполитуправлением РККА и Институту географии АН СССР. Сотрудником этого института А.С. Добровым была написана статья «Три восточные провинции Германии (Восточная Пруссия, Силезия, Померания)». В политуправлении возникли сомнения относительно освещения, которое получил в данной работе национальный вопрос, и рукопись в марте 1944 г. была направлена на рецензию в Союз польских патриотов в СССР. Оттуда был получен ответ, в котором автор работы обвинялся в некритическом использовании данных немецкой статистики, сфальсифицированной для доказательства немецкого харак-

тера этих областей. Восточная Пруссия, указывал рецензент, страна со смешанным населением, в которой, помимо немцев, проживает 500–600 тыс. славянского населения, говорящего по-польски и на «мазурском» диалекте польского (на юго-западе) и 100–150 тыс. литовцев на востоке, в районе Тильзита (в рукописи Института географии 98% населения Восточной Пруссии составляют немцы). Силезия, бывшая в средние века польским княжеством, сильно германизирована. Это в особенности относится к Нижней Силезии, в которой, однако, сохранилось и славянское население: сорбы (потомки полабских славян) и поляки (5–7%). Верхняя же Силезия населена в основном поляками. Славяне и литовцы в этих землях – исключительно крестьяне и неквалифицированные рабочие, их национальное самосознание слабо, буржуазия и интеллигенция полностью «онемечены» (за исключением Верхней Силезии, где в 1921 г. даже проводился референдум по вопросу о присоединении к Польше). Несмотря на разные количественные оценки национального состава населения, и рецензент, и автор статьи указывали на отсутствие требуемых данных в немецких переписях населения или на их фальсификацию⁵⁵. Тем не менее, Институт географии вынужден был признать ошибку своего сотрудника («некритичное использование данных германской статистики по национальному вопросу») и оправдываться тем, что данная работа была отправлена в Главполитуправление РККА «без просмотра и визы Института», так как выполнялась вне плана. Отдел науки ЦК указал Институту географии на «обязательность визирования всех работ и усиление контроля за их качеством», Добров исправил свои ошибки, и инцидент был исчерпан⁵⁶. В отличие от географов (а, возможно, и учтя их опыт), этнографы, как уже было сказано, не стали брать на веру данные официальной статистики, в особенности переписей, проводившихся в фашистской Германии.

М.Г. Рабинович, ученый секретарь Московской группы ИЭ, впоследствии вспоминал: «То, что мы делали во

время войны, не прошло бесследно и для нашей мирной деятельности. Работы, выполненные по военным заданиям, положили начало новым направлениям в этнографии мирного времени. В частности, изучению этнического состава мира, которое вылилось в многотомное издание «Народы мира»<...> Большую роль в дальнейшем сыграли работы П.И. Кушнера о методах определения этнических территорий. Во время войны мы пользовались ими, что называется, в служебном порядке. В первые же послевоенные годы они вышли отдельной книгой»⁵⁷. Среди первых опубликованных материалов, связанных с данными работами, были напечатанные в 1946 г. сообщения Кушнера и Токарева о Юлийской Крайне, в которых основное внимание уделялось крайне актуальному в то время в связи с югославо-итальянским территориальным спором вопросу об этническом составе Триеста и Юлийской Крайны⁵⁸. Токарев и Симоненко в том же году участвовали в качестве экспертов в работе межсоюзнической Комиссии по изучению итало-югославской границы⁵⁹.

В марте 1945 г. в ИЭ состоялось закрытое заседание, посвященное защите кандидатских диссертаций П.И. Кушнера «Западная часть литовской этнографической территории» и М.Я. Гринблата «К вопросу о западной этнографической границе белорусов». Диссертация Кушнера была посвящена территории юго-восточной Прибалтики, называемой также Малой Литвой, т.е. областям, находившимся на западной границе компактного расселения литовцев и входившим в состав Пруссии до 1945 г. (за исключением Клайпедской области, находившейся в составе Литвы с 1923 по 1939 гг.), а после Великой Отечественной войны – Калининградской области РСФСР и Клайпедского края Литовской ССР. 3 июня 1947 г. состоялась защита докторской диссертации Павла Ивановича, которая была опубликована в 1951 г. в виде книги «Этнические территории и этнические границы». Первая ее часть – «Этнические рубежи (методы исследования)» была теоретическим вступлением,

обобщавшим исследования Кушнера в области этнической статистики, картографии, этнического самосознания и т.д., вторая – «Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики. Опыт исторического изучения этнической территории» содержала материал его кандидатской диссертации, представленный как пример применения разработанного метода.

В выступлении на защите Кушнер подчеркнул актуальность темы в связи с развернувшимся после II Мировой войны процессом передела государственных границ. Проблема, по словам ученого, состояла в том, «каким путем следует устанавливать этнический состав населения спорных территорий и что важнее при определении этнического характера территории – заселенность ее в настоящее время определенным народом или т.н. исторические права другого народа на эту территорию»⁶⁰. Первый, «мажоритарный» метод, регистрирующий существование этнического большинства, не принимает во внимание методы, которыми это большинство могло быть создано (принудительная ассимиляция, массовые переселения и т.п.) и может служить «оформлению» прав захватчика и агрессора. При решении территориальных споров необходимо решить вопрос о «туземном» населении, которое имеет на определенную территорию «исторические права» на том основании, что данный народ сформировался на ней и связан с нею «длительным, многовековым пребыванием»:

«Длительное, многовековое пребывание народа в определенной местности отражается на его экономике, обычаях, психическом укладе, т.е. сказывается на его материальной и духовной культуре. Но, с другой стороны, и территория меняет свой внешний облик, подвергаясь культурному воздействию населения. Воздвигаемые населением постройки, дорожные сооружения, насаждения и пр. придают всей местности определенный этнический колорит <...> Можно было бы дать такое определение этнографической территории: это – область, на которой данный народ развился, на которой он обитает (или обитал до недавнего времени) и с ко-

торой он длительно и непрерывно связан своей творческой культурной деятельностью»⁶¹.

Кушнер говорил, что шел к теме этнических территорий и границ от работы с картами, отсюда вытекала и сама идея изучения «этничности» территории. Таким образом, первоначально данная работа была как бы развернутым комментарием к карте, где была отмечена южная граница западной части «литовской этнографической территории», на которую литовцы имеют исторические права. Следует также предположить, что, идя «от карты», Кушнер шел прежде всего от анализа различных переписей и статистики XIX–XX вв., стремясь выяснить этнический состав населения на тот период, а затем уже углубился в этническую историю края, начиная с древнейших времен, привлекая для этого все возможные источники: археологические, лингвистические, топонимические, этнографические (данные о распространении типов жилища и одежды). Этнография, писал Кушнер, может изучать современную этническую специфику культуры, однако для изучения изменения национального состава населения территории на протяжении веков или этногенеза нужен уже упоминавшийся «комплексный историко-этнографический метод»: «<...> давность населения на территории и характер его древнейшей культуры устанавливает археология; этническую специфику в прошлом – археология, топонимика, лингвистика, этнография; процессы миграции и эмиграции, колонизации, завоевания и оккупации – главным образом история; этническую специфику в настоящем – этнография и лингвистика; численность – этно-статистика; характер и район расселения – география и этнография»⁶².

Именно в такой хронологической последовательности было построено исследование. Обобщив археологические данные, Кушнер присоединился к мнению тех немецких археологов, которые указывали на непрерывное и «автохтонное» развитие оригинальной балтийской культуры, начиная с эпохи ранней бронзы (II тыс. до н.э.) до втор-

жения крестоносцев, в противовес более поздним немецким теориям, согласно которым литовские племена вторглись на изначально готскую территорию юго-восточной Прибалтики в V–VI вв. н.э. Затем Кушнер, приведя все известные сведения древних и раннесредневековых авторов о жителях данного района, доказывал, следуя в основном П. Шафарику, что этнонимы, упоминавшиеся этими авторами (гутты, эстии и др.) обозначали те же летто-литовские племена. По локальным отличиям в археологических памятниках и по письменным источникам Кушнер сделал вывод о том, что к XIII в. сложились южнобалтийские племена жемайтов, ятвягов, пруссов и др., объединению которых на территории юго-восточной Прибалтики в единую народность помешало нападение крестоносцев.

Однако для решения вопроса об этническом составе населения региона к XIII в. археологический материал был недостаточен, и Кушнер привел данные по местной топонимике – названиям населенных пунктов, зарегистрированных в XII – XIII вв. и сохранившихся вплоть до XX в. Основываясь на работах ряда немецких филологов, он сделал вывод о том, что эти названия происходят и могут быть объяснены в свете древних балтийских языков – прусского, жемайтского, курского и литовского, что доказывает прусско-литовскую этническую принадлежность населения. Кушнер также активно полемизировал с некоторыми немецкими лингвистами (Г. Бонк, Г. Геруллис и др.), которые доказывали немецкое происхождение восточнопруссских топонимов, а также отсутствие родства между прусским и летто-литовскими языками. Вообще следует отметить, что исследование Кушнера было направлено на опровержение этногенетических построений немецких ученых так называемой кенигсбергской школы, наиболее яркими представителями которой были Гертруда и Ганс Мортенсен. На волне националистических настроений, процветавших в Германии после I мировой войны, они пытались доказать исконную принадлежность восточнопруссских земель и от-

торгнутой от Германии Клайпедской области германским племенам («готская теория»). Они отрицали родство пруссов и литовцев и утверждали, что последние появились в Прибалтике в эпоху великого переселения народов, а на территории западнее р. Неман – только в XV в.

Исконной местной традицией, распространенной среди древних литовцев, было сооружение в религиозных целях шестов с распяленными на них шкурами животных. В свете этого сообщения средневекового автора Кушнер интерпретировал распространенные на юго-востоке Прибалтики своеобразные деревянные надгробные памятники, напоминающие по форме распяленные шкуры, хотя и осложненные вторичной христианской символикой.

Ученый подробно рассматривал историю колонизации края немцами и проводимой ими дискриминационной по отношению к коренному населению политики (физическое уничтожение, переселение немецких крестьян, запрещение литовского языка в государственных учреждениях и в школах, ассимиляция местной верхушки и т.д.), приведшей к исчезновению прусского языка и постоянному уменьшению количества литовцев по происхождению, признававших литовский своим «материнским языком». Скрывать принадлежность к литовской национальности было необходимо желавшим работать на государственной службе или в общественных учреждениях. Наиболее стойко свои этнические особенности сохраняло крестьянство. Усилился отток литовцев в соседние области Российской империи. В этой ситуации проводившиеся в XIX в. переписи населения также становились инструментом национальной политики: к примеру, в переписи 1861 г. национальность населения устанавливалась по языку глав семей, при этом прислуга, бывшая в основном литовцами и поляками, записывалась немцами.

Для восстановления более объективной картины Кушнер привлек данные церковной и школьной статистики, учитывавшей разговорный язык населения и язык, на кото-

ром оно предпочитало слушать богослужение. На этой основе он прочертил границы распространения приходов с богослужением на литовском языке. Обработав церковную статистику, ученый пришел к выводу о том, что на 1905 г. литовцы составляли большинство населения северных округов Восточной Пруссии (Мемель, Хейдекрug, Тильзит) и около 10–30% в районах южнее р. Неман. Кроме того, Кушнер использовал исследования лингвистов Ф. Куршата и Ф. Тецнера, определивших границу распространения литовского языка на территории Восточной Пруссии значительно южнее территории компактного проживания литовцев, определяемой согласно немецкой официальной статистике. Тем не менее, к началу II мировой войны литовская лингвистическая граница отодвинулась на север и практически совпала с течением р. Неман (границей Литвы и Восточной Пруссии). Это означало, что хотя литовцы по происхождению продолжали жить западнее этой границы, «их национальное самосознание было подавлено, они по существу были денационализированы», то есть утратили этническое самосознание, а в годы фашизма были вовлечены в немецкие национал-социалистические организации⁶³.

Наконец, в качестве «определителя этнического характера территории» была привлечена информация о географическом распространении западнолитовского жилища, орнамента и национальной одежды. «Этническим определителем» мог служить специфический тип жилого дома, распространенный в XIX в. у западных литовцев Восточной Пруссии, жемайтов и западных и южных латышей. Характерной особенностью его было разделение на три части: в средней находился очаг (или плита), слева располагались подсобные помещения, справа – жилые. Исходной формой этого жилища была однокамерная срубная постройка с очагом посередине и двумя дверьми, расположенными напротив друг друга. Также распространенный в Восточной Пруссии немецкий «эрмландский» дом, схожий со шведским и норвежским, имел другую планировку и внешний

вид (с характерной спускающейся с одной стороны до земли крышей). Картографирование распространения западнолитовского дома могло пролить свет на этническую историю края, однако достаточной информации для этого в литературе Кушнеру найти не удалось. Кроме того, он собрал некоторую информацию о сохранившейся к началу XX в. на территории Клайпедской области национальной литовской одежде.

Работа Кушнера получила очень благожелательные отзывы оппонентов, в частности, С.П. Толстова и С.А. Токарева. Оба подчеркивали ее методологические достоинства. Толстов назвал ее образцом «блестящего применения разработанного им (Кушнером. – С.А.) историко-этнографического метода определения этнографических территорий»:

«Я думаю, что мы можем сказать, что с такой полнотой и убедительностью нигде до сих пор в исторической литературе не был сформулирован комплексный исторический метод исследования этнографической территории. Нередко в этно-географической литературе были попытки составления этнографических карт на основе комбинированного ряда признаков не только языковых, но и культурных, но объединить все эти стороны исследования, тесно увязать их со всем ходом исторического развития народа и таким образом создать стройную систему определенного метода впервые, как мне представляется, удалось именно Павлу Ивановичу»⁶⁴.

Отметил Толстов и прогрессивный политический смысл кушнеровской концепции исторических прав, противопоставлявшей «праву захвата» права, «определяемые творчески-трудовой деятельностью народа», связанного с определенной территорией многовековой историей и неотделимой от нее⁶⁵.

Концепцию этнической (этнографической) территории поддержал и Токарев, согласившийся с тем, что ее нельзя определять только как территорию, на которой народ

составляет большинство. Народ связан со своей территорией историческим прошлым и хозяйственной деятельностью, эти связи обнаруживаются в географических названиях, археологических памятниках, явлениях материальной и духовной культуры. Лучшей и наиболее самостоятельной частью работы Токарев назвал анализ статистических данных, доказывающий преувеличенность размеров немецкой колонизации края. Менее убедительными, по мнению Токарева, являются археологическая и этнографическая части, в особенности последняя, касающаяся распространения форм материальной культуры. Граница распространения литовского типа жилища, по предположению оппонента, проходит «далеко на западе», не прочертил Кушнер и границы литовского костюма. «Совершенно выпала» духовная культура: можно было картографировать литовский фольклор, свадебный ритуал и т.д. Однако, подводя итоги, Токарев сказал, что исследование Кушнера может считаться «моделью, по которой могут в дальнейшем разрабатываться такого рода проблемы»⁶⁶.

Отзыв другого оппонента, А.Д. Удальцова, был значительно более критическим. Он вспомнил о том, что, согласно Сталину, термин «этнографическая территория» не может применяться по отношению к нации⁶⁷. Большая часть вопросов и замечаний Удальцова была связана с теорией Марра: «Стоит ли, – интересовался оппонент, – Павел Иванович на точке зрения основных положений учения Марра или он не разделяет этих точек зрения?». Проблема отношения к марризму была связана с трактовкой этногонического процесса. Можно ли считать ту же топонимику «отражением» исторически известных литовцев или предыдущей стадии развития, когда литовские и славянские племена составляли единое целое, «выделявшееся из венедской массы»? Конструируя литовскую этнографическую территорию, Кушнер исходил из представления, «будто бы Литва всегда так и существовала», а не появилась, по Марру, в процессе «скрещений» и интеграции. Выразив, таким обра-

зом, сомнения относительно лояльности Кушнера к еще актуальному на тот момент марризму, Удальцов согласился с некоторыми другими положениями диссертации, оценил интересный топонимический и этнографический материал, в особенности главу о надгробиях, аналоги которых существовали в Причерноморье и о которых нужно было, по его мнению, написать отдельное исследование⁶⁸.

На совещании по методологии этногенетических исследований (1951 г.) Кушнер сделал доклад «К вопросу об этногенезе литовцев», в котором подкорректировал некоторые свои выводы. Как и все выступавшие, он не обошел критикой Марра и марристов, так что этот доклад был отчасти реакцией на критические замечания Удальцова. Например, П.Н. Третьяков и А.Д. Удальцов относили разделение славян и балтов к первым векам н.э., однако это мнение, считал Кушнер, не подтверждается археологически и основано на марристовской идее перехода автохтонного населения на новую языковую стадию. Он предлагал другую версию, основанную на миграционизме. Начальный период этногенеза литовцев следует связывать со сменой в Прибалтике ямочно-гребенчатой керамики шнуровой, распространением курганного типа погребений и появлением бронзовых орудий, датируемых началом II тыс. до н.э. Так как схожие явления во второй половине III тыс. до н.э. археологически фиксируются южнее и восточнее и происходят из северного Причерноморья, то следует предположить передвижение в этом направлении больших масс людей. В дальнейшем до вторжения крестоносцев на территории Прибалтики происходила последовательная смена форм материальной культуры, переходящих одна в другую, что свидетельствует о том, что радикальных смен этнического состава населения не было. В данном докладе Кушнер развил тему связей культуры балтийских племен с Причерноморьем, привел новые фольклорные и этнографические свидетельства (те же кладбищенские памятники, которые он интерпретировал уже как изображение земноводной черепахи, сви-

детельства об употреблении литовцами кумыса, упоминание в песнях о Дунае и т.д.). В целом этот доклад скорее намечал направление дальнейших комплексных этногенетических исследований народов Балтии, чем подводил его итоги⁶⁹.

Положение о принадлежности культуры шнуровой керамики древним балтам принимается и современными археологами. Они также признают непрерывность развития на территории Восточной Пруссии культуры, принадлежащей западной группе балтов, начиная с культуры западно-балтийских курганов бронзового века.⁷⁰

Этногенетическая концепция Кушнера, естественно, получила в Литве широкое признание. В 1991 г. в Вильнюсе вышло сокращенное переиздание книги под названием «Этноническое прошлое юго-восточной Прибалтики». Автор предисловия, проф. В. Мажюлис, писал, что, несмотря на некоторые неточности лингвистического характера, «основные ее выводы имеют научное значение»⁷¹. Однако послесловие к изданию содержало сведения, мифологизирующие историю этой книги. Так, ее публикация в 1951 г. связывалась авторами с поручением, данным «руководителями СССР» Академии наук научно обосновать исконную принадлежность территории Калининградской области литовцам в связи с требованиями пересмотра решений Потсдамской конференции, выдвинутыми в 1951–1952 гг. кандидатом в президенты США Р. Тафтом. Далее, как пишут авторы послесловия, «книга П.И. Кушнера, выводы которой шли вразрез с проводившейся пропагандой, что Калининградская область создана якобы “на древних исконных землях прибалтийских славян” (БСЭ. Т.19. 1953 г.), была изъята из научных библиотек и уничтожена. Сохранились считанные экземпляры в спецфондах. До свершения этого варварского акта несколько экземпляров книги путем книгообмена успели попасть на запад. В литовском переводе вторая часть была в 1979 г. издана в Чикаго <...> Таким образом литовский читатель узнал о книге»⁷². Происхождение работы из гото-

вившихся для советских дипломатов карт и исторических справок очевидно, однако приведенная выше информация о причинах публикации и, тем более, уничтожении этой широко цитировавшейся в советской литературе книги не подтверждается фактами. Впрочем, данное переиздание свидетельствует о том, что на новом витке изменений исторических судеб Прибалтики работа Кушнера вновь оказалась востребованной.

Теоретические обобщения, публиковавшиеся в виде отдельных статей в конце 1940-х – начале 1950-х годов и вошедшие в книгу с минимальными изменениями, охватывали историографические и теоретические аспекты проблемы этнических границ, «этнических определителей» в переписях, применявшихся в Зарубежной Европе и СССР, методов определения этнического состава населения в полосе этнических границ и этнического картографирования. Отдельное важное место занимает поднятый Кушнером вопрос о национальном (этническом) самосознании.

Основные положения его теории этнических границ можно суммировать следующим образом. Современная этническая граница в Европе является переходной зоной, заселенной представителями нескольких национальностей и смешанных переходных групп, поэтому само слово граница можно применять к этим зонам достаточно условно. Размытая и прерывистая этническая граница имеет мало общего с четкими линиями естественных и политических границ. Ее конфигурация неустойчива, постоянно меняется и зависит от характера взаимодействия граничащих народов, процессов колонизации, ассимиляции, политики государств, осуществлявших дискриминацию национальных меньшинств и т.д. Можно выделить три типа этнических границ: между народами с резко отличными языками (представляет собой довольно четкую линию), между народами с родственными языками (представляет собой широкую полосу, заселенную смешанным населением, пример – польско-украинская граница) и между народами, близкими по культуре, но не близ-

кими по языку (промежуточный вариант, пример – украинско-молдавская граница).

Поскольку этнические границы чаще всего представляют собой районы со сложным этническим составом, основной задачей является определить «действительный национальный состав населения данной местности и его географическое размещение»⁷³. В связи с этим большое внимание Кушнер уделил этнической статистике Зарубежной Европы и СССР. Методы определения национального состава населения он подразделял на «субъективный», т.е. прямой вопрос об этнической принадлежности индивида, и «объективный», т.е. косвенное установление национальности по ряду признаков – происхождение, язык, материальная культура, быт, верования и т.д. Этот метод можно также назвать «реалистическим», так как национальность выявляется «по реально существующим этническим особенностям»⁷⁴.

Субъективный метод представляется наиболее простым, однако изучение статистики Зарубежной Европы привело Кушнера к выводу о том, что «пользоваться национальным самосознанием как основным этническим определителем при народных переписях и массовых опросах было бы крайне опрометчиво»⁷⁵. Это обусловлено препятствиями, с которыми связано свободное выявление национального самосознания «неполноправных» этнических групп в капиталистическом мире. Свободному проявлению национального самосознания меньшинств могут мешать политические, моральные и экономические препятствия. Политические препятствия – это, прежде всего, языковая политика (государственный язык и язык образования в большинстве капиталистических стран является языком «господствующей нации»), моральные – бытовой расизм и национализм, проявляемые эксплуататорскими классами, а также «национальное ренегатство» представителей национальных меньшинств, стремящихся к этим эксплуататорским классам примкнуть. Представители угнетенных национальностей

неравноправны и в экономическом отношении. Экономические факторы могут влиять на проявление национального самосознания. Кушнер приводит пример плебисцита по государственной принадлежности Силезии, когда многие поляки голосовали за Германию из экономических соображений. Следовательно, другой определитель, чаще всего встречающийся в переписях, – родной язык, является при анализе статистики капиталистических стран «наименьшим злом», хотя и он искажает реальность: как показывает анализ австро-венгерских и итальянских переписей начала XX в., они преуменьшали число славян, записывая всех, знавших немецкий язык, немцами и т.д.

Доклад Кушнера «Об этнической статистике европейских стран» был посвящен несовершенству этой статистики: в большинстве стран она отсутствовала, а там, где существовала, велся учет только родного языка населения. Для исправления неточностей и сознательных фальсификаций переписей он предлагал сравнивать их данные с церковной и школьной статистикой, а также данные за разные годы – для вычисления возможной численности населения с учетом естественного прироста: «Разницу между этой возможной численностью и действительной численностью – по цензу – можно сделать объектом исследования»⁷⁶.

Критический анализ зарубежных переписей на предмет «систематического затушевывания значения национальных меньшинств и стремления преувеличивать удельный вес основной национальности» продолжил П.Е. Терлецкий. В 1949 г. он опубликовал статью с анализом европейской довоенной статистики с точки зрения выявления этнического состава населения. В отличие от Кушнера он назвал вопрос о языке при опросе населения наиболее гибким и легко поддающимся воздействию, а основным признаком, отражающим этнический состав населения, по его мнению, является национальность, определяемая по самосознанию. Его идея корректировки данных переписей

состояла в сравнении показателей прироста среди «основной национальности» и этнических меньшинств⁷⁷.

Статистика являлась основным источником этнического картографирования. Развернутая во время войны картографическая деятельность в послевоенное время была не только продолжена, но и получила больший размах. Кушнер подробно рассмотрел историю методов этнического картографирования от самого простейшего – «птолемеевского» (на карту наносится название определенного народа приблизительно в районе его проживания) до наиболее совершенного метода показа этнических территорий со смешанным составом населения, разработанного в рамках КИПС и усовершенствованного в послевоенные годы сотрудниками сектора этнической статистики и картографии ИЭ⁷⁸. Этот метод, названный методом этнических территорий, лег в основу рукописной этнографической карты Западной Европы (составлена в 1948г. по данным на начало 1946 г.). В 1951 г. под руководством ученого была опубликована учебная этнографическая карта СССР. На ней также продемонстрированы как этнически однородные территории, так и территории с многонациональным составом населения, что, по словам Кушнера, «делает наглядным для учащегося характер расселения народов СССР и помогает ему понять процесс этнического сближения соседящих компактных групп населения» в смешанных районах, где появляются формы культуры, «которые одинаково близки обоим соседящим народам»⁷⁹. Кроме того, Кушнер составил карту национального состава населения Латвии в 1935 г. Сопоставляя статистические данные с топонимикой соответствующих районов (носящей этнический характер), он пытался определить истинную численность этнических меньшинств (латгальцев, белорусов, украинцев и т.д.) и картографировать их расселение⁸⁰.

После ухода Кушнера с должности заведующего сектором этнической статистики и картографии работа по этническому картографированию всего мира было продол-

жена под руководством П.Е. Терлецкого. Он разработал метод картографирования, который позволял показывать не только этнический состав населения определенной территории, но и его плотность, составив по этому методу в 1952 г. этнографическую карту Южно-Африканского Союза⁸¹. Далее по этому методу были составлены карты народов Индостана, Китая, Монголии и Кореи, Индокитая, Передней Азии и Африки (авторы – М.Я. Берзина, С.И. Брук, Б.В. Андрианов)⁸².

Размышления о «объективных» и «субъективных» признаках этнической общности вывели Кушнера на проблему национального самосознания. Эта тема занимает важное место в творчестве ученого. Посвященное ей сообщение «Национальное самосознание как этнический определитель» является одним из наиболее цитируемых текстов Кушнера. Следует отметить, что во время войны интерес к феномену национального самосознания проявили многие ученые. В 1945 г. вышли в свет сразу две работы, затрагивающие эту проблему: «Образование древнерусского государства» В.В. Мавродина и «Национальное самосознание Древней Руси» Д.С. Лихачева. Однако в советской этнографической литературе, как отмечает Р.Ш. Джарылгасинова, «заслуга постановки вопроса об этническом (национальном) самосознании как важном признаке этнической общности» принадлежит именно Кушнеру⁸³.

В 1949 г. П.И. Кушнер вместе с этнографом М.Н. Шмелевой и художником Н.А. Юсовым провел полевое исследование в районе русско-украинского пограничья на западе Ростовской области. Целью экспедиции была разработка методов определения национального состава населения в полосе этнической границы. В этой экспедиции были на практике проверены возможности «объективного» и «субъективного» определения национальности. Обследованию подверглись несколько сел, населенных русскими, украинцами и «хохлами» - переходной этнографической группой. Главный итог, к которому пришли этнографы, за-

ключался в том, что ни одежда, ни жилище, ни прочие элементы как материальной, так и духовной культуры не могут служить отличительными признаками какой-либо национальности. Русские и «хохлы» говорят на южнорусском говоре русского языка, живут в однотипных домах, едят одинаковую пищу и носят схожую одежду. Более того, считающие себя «хохлами» называют свой язык «хохлацким», считающие себя русскими – русским, хотя объективно говорят на одном языке, впитавшем в себя элементы русского и украинского. Говорящие на «хохлацком» могут причислять себя и к русским. Единственным «этническим определителем» в таком случае может быть этническое самосознание. При унификации материальной культуры и быта этническим определителем выступает язык, однако, как показывает существование таких групп, как «хохлы», в отдельных случаях этническую принадлежность можно определить только по самосознанию. Впрочем, данный результат не помешал Кушнеру рекомендовать полевым этнографам обследовать в качестве этнических определителей не только этническое самосознание и язык, но и все проявления культуры от форм жилища и орудий труда до обрядности и музыки в быту⁸⁴. В советских условиях, считал Кушнер, национальное самосознание является «хорошим этническим определителем». Этнографическое обследование с применением «объективных» методов необходимо, по Кушнеру, для установления характера этнических процессов, протекающих в определенной местности.

Первое в послевоенной советской этнографии теоретическое обобщение проблемы протекавших в СССР этнических процессов также принадлежало П.И. Кушнеру. В апреле 1950 г. на сессии, посвященной итогам экспедиций 1949 г., он представил доклад «Задачи и методы изучения процесса национальной консолидации у народов СССР». Предваряя этот доклад, С.П. Толстов сказал, что проблема консолидации социалистических наций является «одной из

центральных проблем этнографической науки» и будет одной из ведущих тем следующего пятилетнего плана⁸⁵.

В постановке этой темы Кушнер исходил из идеологически мотивированного постулата, что в СССР «отсутствует классовое и национальное угнетение» и, следовательно, препятствия для выражения национального самосознания⁸⁶. Другой теоретической основой рассуждений об этнических процессах была схема «племя – народность – нация», использовавшаяся не только для описания исторического развития этносов, но и для их типологии в современности. Наиболее совершенной формой этнической общности признавалась «социалистическая нация» (отличная от капиталистической отсутствием классовых антагонизмов), имеющая все четыре общности сталинского определения: языка, территории, экономики и психического склада/национальной культуры. Другие виды этнических групп признавались пережиточными, соответствующими более ранней стадии общественного развития и сохранившимися после «ликвидации» соответствующих общественных укладов в силу косности человеческого сознания. Их исчезновение, тем не менее, представлялось неизбежным: «У народов Крайнего Севера, у горцев труднодоступных горных долин Алтая, Памира, Дагестана существовали до недавнего прошлого представления о родоплеменной и локально-территориальной этнических связях. Укрепление социалистической экономики, постепенное устранение изолированности от других территорий и народов, развитие средств транспорта и связи, рост культуры и знаний об окружающем – все это сближает соседние этнические группы и вызывает тягу к объединению»⁸⁷.

Сценарии этнического развития, предлагаемые Кушнером, сводились к 1) ассимиляции мелких групп или индивидов, живущих в иноэтничном окружении, 2) образованию новых народностей из родоплеменных и локальных групп, 3) национальной консолидации, когда к нации «присоединяются» малые народы. К примеру, по мнению Куш-

нера, малые народы Памира, по всей видимости, консолидируются с таджикской нацией «как более передовой», горные народы Дагестана могут слиться в одну дагестанскую нацию, а могут образовать несколько народностей. Говоря о становлении хакаской народности, Кушнер ссылаясь на Л.П. Потапова; о формировании шести дагестанских народностей сообщал Е.М. Шиллинг⁸⁸. Далеко не все этнические группы могут превратиться в нации. Эвенки, к примеру, шансов на это не имеют. Прогноз Кушнера относительно их этнического развития был достаточно пессимистичен: большая их часть уже осела или неизбежно осядет. Территория, которую они занимали, будет заселяться, на ней разовьется добывающая промышленность, в которой они смогут работать наряду с приезжими. «Как же из них сложится нация, у которой не будет ни территориальной общности, потому что они будут жить среди других народов, ни культурной общности, потому что они будут перенимать культуру у более крупных этнических масс, которые вольются сюда?». Следовательно, они или останутся национальным меньшинством, или примкнут к существующей нации, или образуют новую нацию, слившись, к примеру, с якутами⁸⁹. В том же докладе Кушнер упомянул о еще одной «переходной» этнической группе с не вполне понятным таксономическим статусом, «хохлах», обследованных им в ходе экспедиции 1949 г. Они, по его мнению, в ближайшем будущем вольются в русскую или украинскую нацию⁹⁰.

Очевидно, что далеко не все идеи и прогнозы Кушнера относительно этнических процессов были справедливы и обоснованы. Так, прогноз о консолидации народностей Памира (язгулемцы, рушанцы, бартангцы, шугнанцы и др.) с таджиками был явно нереалистичен: они отличались и продолжают отличаться от таджиков как по языку, так и по вероисповеданию (памирцы – приверженцы исламской секты исмаилитов, таджики – сунниты). Это отмечалось этнографами уже в советское время⁹¹. Однако можно сказать, что в данном случае Кушнер исправил свою ошибку: в со-

ставленном под его руководством справочнике «Народы СССР», подготовленном для переписи 1959 г., памирцы были выделены в качестве отдельных народов⁹².

Возглавляя работу по составлению списка национальностей для переписи, Кушнер прекрасно осознавал политическое значение этой работы. «Перепись будет большим общественным событием, – говорил он, – То, что узаконивается в переписи как локальная группа, может в этническом сознании данной группы привести к тому, что укрепится идеологическое обособление»⁹³. На совещаниях в ИЭ этнографы не раз обсуждали проблему невозможности адекватного изучения проблемы этнических процессов в ситуации засекреченности необходимых для этого материалов. Так, на обсуждении в парторганизации ИЭ итогов XX съезда КПСС П.Е. Терлецкий, неоднократно поднимавший данный вопрос, сетовал: «Вопросы консолидации и ассимиляции народов занимают важное место в проблематике нашего Института. Но мы занимаемся очень несовершенным способом, кустарно, необходимо сопоставлять данные переписей различных лет. Нужно добиться, наконец, чтобы перепись 1939 года стала доступной для изучения. Надо добиться проведения новой переписи»⁹⁴.

В дальнейшем разработка темы этнических процессов стала одной из центральных в советской этнографии. В данной работе невозможно хотя бы кратко охарактеризовать эти исследования. Отметим лишь, что в целом советские этнографы, как и Кушнер, видели сущность этих процессов в СССР прежде всего в «исчезновении обособленности и замкнутости мелких этнографических групп, постепенном слиянии их с социалистическими нациями, в росте монолитности этих наций»⁹⁵.

Следующий этап разработки этой темы связан с именем В.И. Козлова. Он дал определение, согласно которому этническими являются процессы, приводящие в конечном итоге к изменению этнической принадлежности людей⁹⁶. Он также предложил более разработанную типологию

этнических процессов. По В.И. Козлову, этнические процессы подразделяются на процессы этнического разделения и этнического объединения. Вторые, в свою очередь делятся на консолидационные (слияние относительно самостоятельных народов или племен, обычно родственных) и ассимиляционные (процесс «поглощения» тем или иным народом групп инационального происхождения). Ассимиляция может быть естественной и насильственной⁹⁷. В.И. Козлов также отметил, что в литературе об этнических процессах в СССР ассимиляцию называют консолидацией, так как с первым термином ассоциируются национальное угнетение и насильственный характер процесса. Эту тенденцию можно видеть у Кушнера, применительно к советским реалиям говорившего только о «формировании новых народностей» и «консолидации социалистических наций». То, что Козлов определяет как консолидацию, Кушнер называл образованием новых народностей из родоплеменных и локальных групп. Понимание же Кушнером «национальной консолидации» носит действительно очень широкий характер. К ней он относит слияние латгальцев с латышами, горских народов Памира с таджиками, а также все случаи, когда «ведущие национальности – грузины, азербайджанцы, узбеки, якуты – образуют то ядро, вокруг которого национально консолидируются различные мелкие этнические образования»⁹⁸. При этом степень их культурной близости не учитывается⁹⁹.

П.И. Кушнер первым в советской этнографии обратился к теме соотношения языка и этнической принадлежности. Сравнивая данные переписей 1926 и 1939 гг. о национальности и родном языке, он сделал вывод о том, что около 7 миллионов людей, в 1926 г. причисливших себя к белорусам, евреям и украинцам, но назвавшими родным языком русский, в 1939 г. изменили этническое самосознание и причислили себя к русским.

Ученый поставил вопрос о необходимости полевого исследования соотношения языка, самосознания и быта (со-

вокупности «объективных» показателей этничности) в процессе этнических трансформаций. Он привлек внимание этнографов к двум регионам: Прибалтике и Кубани. Кубань заинтересовала ученого как область, в которой «в каждом селе население является смешанным в национальном отношении» и формировалось из разных групп русского и украинского происхождения. Он отмечал, что в настоящее время бытовые различия между этими группами стерлись, возникли единые для всей области формы материальной культуры, своеобразный кубанский говор¹⁰⁰. По инициативе Кушнера было осуществлено исследование «Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани» (М., 1967). В дальнейшем один из авторов этой работы – Л.Н. Чижикова – избрала в качестве объекта монографического описания район русско-украинского пограничья¹⁰¹.

Можно выделить еще одно направление исследований, на которое оказал влияние П.И. Кушнер. Известно, что он возглавлял в ИЭ координационную комиссию по исследованию современной семьи. В 1957 г. им был написан небольшой (4 машинописные страницы) доклад «Национальность и семья». В нем он высказал ряд немаловажных для дальнейшего развития этнографии идей. Ученый выделял процессы этнической консолидации и ассимиляции. Ассимиляция может быть «естественной» (когда «основной причиной ее является экономическое и культурное воздействие крупного и более культурного народа на малый народ») и насильственной. Среди факторов, способствующих ассимиляции, он выделял идеологические (школьное обучение, церковь, пресса, политические партии), территориальные (форма расселения), моральные (воздействие соседей, сослуживцев) и родственные (смешанная по своему национальному составу семья). Именно последний фактор он собирался рассмотреть детально:

«Темой своего исследования я избрал изучение влияния родственных отношений на процесс ассимиляции. Я исходил при этом из соображения, что влияние всех остальных факторов, – хотя и недостаточно

тщательно, но все же изучается. Процессы же, происходящие в семье под влиянием разнородности ее национального состава, не изучаются пока никем. <...> Приступая к изучению своей темы, я прежде всего распространила специальную анкету, ответы на которую помогут мне собрать фактический материал о составе смешанных в национальном отношении семей и о национальной принадлежности молодых поколений, отцы и матери которых принадлежат к разным национальностям.

Как отражаются процессы национальной консолидации и национальной ассимиляции в семье? Какую роль играет состав семьи и ее национальное окружение? Кто в наибольшей степени влияет на национальный быт такой семьи – жена-мать или муж-отец? Кто сохраняет и передает потомству национальные традиции? Эти вопросы имеют большое значение в теоретическом исследовании, которое должно показать место семейных связей в национальных взаимоотношениях людей»¹⁰².

Осуществить это исследование Кушнер не успел, однако идея была подхвачена. В.И. Козлов указывал на национально смешанные браки как на один из мощных рычагов развития этнических процессов¹⁰³. Наиболее известным эмпирическим исследованием по этой проблеме стала статья Л.Н. Терентьевой «Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях»¹⁰⁴. Это была работа по изучению этнического самосознания подростков, рожденных в национально-смешанных семьях, построенная на материалах документации паспортных столов Риги, Вильнюса и Таллина.

Работа «Этнические территории и этнические границы», как уже было сказано, повлияла на актуализацию в начале 1950-х годов этногеографической проблематики. Формулировка задач этой науки, данная позднее С.И. Бруком, В.И. Козловым и М.Г. Левиным, продолжала проблематику исследований Кушнера. Данная дисциплина,

по их мнению, изучает «состав и размещение населения всего земного шара и отдельных его областей в этническом аспекте», этнический состав населения стран и регионов, территориальные взаимоотношения народов (раздельное и смешанное расселение), особенности расселения этнических общностей в прошлом и настоящем, установление этнических границ и численности народов. Ее важнейшие отрасли – этническая картография и этническая демография¹⁰⁵.

Влияние Кушнера можно проследить в формулировке тем диссертационных работ видных ученых, разрабатывавших в дальнейшем этногеографическую проблематику – Б.В. Андрианова и В.И. Козлова, несмотря на то, что ни один из них не был его аспирантом. Андрианов в 1951 г. защитил диссертацию по теме «Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме в XVIII–XIX вв.». Во Введении он, ссылаясь на Кушнера, указывал на важность изучения процессов, «определяющих формирование этнических территорий в конкретных исторических и географических условиях»¹⁰⁶. Источниками для его работы послужили хивинские хроники, материалы русских экспедиций, топографических и гидрографических исследований, а также исторические предания самих каракалпаков, собранные каракалпакским отрядом Хорезмской экспедиции. Он предложил периодизацию процесса переселения каракалпакских племен в низовья Аму-Дарьи, составил карты их расселения на различные периоды, анализировал причины этих переселений.

В.И. Козлов, картограф по образованию (окончил Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии), поступил в аспирантуру ИЭ в 1953 г. по специальности «Этническая статистика и картография». Размышляя над выбором темы для диссертации, Козлов обратился за советом к Кушнеру, который предложил ему взять в качестве темы изменения в численности и расселении какого-нибудь народа СССР, обратив особое внимание на По-

волжье, где для нескольких народов характерно дисперсное расселение. Так возникла тема «Расселение мордовского народа в середине XIX – начале XX вв.» (1956). Главными источниками данной работы были материалы переписей и этнографические карты. Название работы достаточно условно, так как содержание выходило далеко за указанные хронологические рамки. Исходной точкой был коренной район расселения мордвы, очерченный по археологическим данным на конец I – начало II тыс. н.э., а верхним рубежом – материалы неопубликованной переписи 1939 г., получавшиеся непосредственно от глав районных администраций¹⁰⁷. Одним из основных выводов работы был тезис о том, что в результате разнообразных исторических, социально-экономических и др. причин сложился «чрезвычайно смешанный характер расселения мордовского народа», составляющего меньшинство даже в своем «коренном районе». С этим фактом Козлов связывал интенсивный процесс ассимиляции мордвы, в изучении которого большую методологическую помощь, по его свидетельству, оказала работа Кушнера¹⁰⁸. Он взял на вооружение идею Кушнера о том, что расхождение показателей родного языка и национальности, отмечаемое в переписи, свидетельствует о некоем переходном состоянии данной группы людей, их «неустойчивом этническом быте». Процент мордвы, утративших родной язык, оказался выше, чем у других народов Поволжья, причем он возрастает по мере увеличения их «территориальной раздробленности» и оторванности от районов компактного проживания¹⁰⁹. П.И. Кушнер был одним из оппонентов на защите диссертации В.И. Козлова. Существенных замечаний он не высказал и дал работе очень позитивную оценку¹¹⁰.

Работы Кушнера оказали влияние не только на эмпирические исследования, но и были стимулом теоретического развития советской этнографии. Ю.В. Бромлей отмечал немаловажную роль, которую сыграл Кушнер «во введении этнической терминологии» в современную этногра-

фическую литературу¹¹¹. Кроме того, заслугой Кушнера, по его мнению, было введение в научный оборот понятия этнического самосознания, общего для всех типов этнических общностей¹¹². В.И. Козлов отмечал, что работа Кушнера о национальном самосознании была стимулом для пересмотра сталинского определения нации на основе четырех признаков, в число которых национальное самосознание не входило¹¹³.

Действительно, работа Павла Ивановича была одним из компонентов, способствовавших окончательному становлению формулировок теории этноса. Красной нитью через все рассуждения Кушнера проходит идея рассмотрения различных элементов культуры как проявлений «этноса»: «Каждому явлению культуры и каждой вещи народные массы придают такие формы, которые отражают народное понимание целесообразности и красоты. В этих формах проявляются этнические традиции, складывающиеся веками. И это одинаково касается как орудий труда и предметов обихода, так и произведений искусства. Язык, обычаи, верования, создаваемые народными массами, также несут на себе печать “этноса” – народности, национальности»¹¹⁴. Однако в арсенале представлений о национальном, которые мог использовать в то время Кушнер и другие этнографы, имелось только сталинское определение нации и схема «племя – народность – нация». «Мы начали свою научную жизнь с определения нации Сталина, и кроме этого никаких, по существу, указаний у нас не было», – вспоминает В.И. Козлов¹¹⁵.

Рассуждая о смене типов этнических общностей, Кушнер одновременно говорил о формах осознания людьми своей общности. В первобытно-общинной формации этническое самосознание проявляется в виде осознания единства рода и племени. Эта общность основывается на принципе родства. В рабовладельческом обществе племенное единство уступает место народности, в основе которой лежат уже территориальные связи и их отражение в сознании лю-

дей. Люди считают себя прежде всего жителями своего города, сохраняя, однако представления о племенном происхождении. При феодализме усиливается борьба двух тенденций: преобладающие «земляческие» и религиозные идентичности сосуществуют с постепенно формирующимся осознанием общности народностей. Наконец, становление нации «сопровождается» процессом оформления национального самосознания.¹¹⁶

В 1962 г. в книге «Численность и расселение народов мира», подготовленной сектором этнической статистики и картографии, авторы теоретического предисловия С.И. Брук и В.И. Козлов использовали общий для всех типов этнических общностей термин «народ», определяя его как «исторически сложившуюся группу людей, связанных общностью территории своего формирования, языка и культуры». Народы «характеризуются рядом признаков – языком, особенностями культуры и быта и т.д., которые находят свое выражение в национальном самосознании»¹¹⁷. В.И. Козлов настаивал на первостепенности этого признака этнической группы: «В целом народ как особая форма общности людей достаточно реально проявляет себя лишь в том случае, если у его членов развито этническое самосознание. В тех случаях, когда этническое (национальное) самосознание развито слабо, когда складывающаяся интеллигенция или политические деятели государств, в границах которых формируется нация, только пытаются пробудить его, само существование такой общности может быть поставлено под сомнение»¹¹⁸. В то же время он определял этнос как «социальный организм, сложившийся на определенной территории из групп людей при условии <...> общности языка, общих черт культуры и быта, ряда общих социальных ценностей»¹¹⁹. Следует отметить, что позиция Козлова была по тем временам достаточно «еретической» и утверждение ее давалось не без труда. Протоколы партийных собраний Института доносят до нас отзывы, дававшиеся С.П. Толстовым, П.Е. Терлецким и другими сотрудниками

докладу Козлова, сделанному им на семинаре по национальному вопросу. Они назвали его возрождением ревизионизма: «Иначе нельзя назвать объявление одним лишь признаком нации самосознание». На том же собрании (1960 г.) констатировалось, что «неправильным теориям Козлова был дан хороший отпор», а также озабоченность, что «если его доклад будет послан в «Коммунист» и в ЦК, то нас упрекут в том, что <...> мы плохо ведем воспитательную работу»¹²⁰.

Рассмотрение дальнейшего развития как теории этноса, так и изучения национального самосознания в отечественной науке выходит за пределы данной работы. Значение для этих исследований работы Кушнера отмечается в современной этносоциологии¹²¹. Говоря о развитии форм этнических общностей и самосознания, Кушнер выразил ожидание, что «в ближайшем будущем появятся труды, в которых будет раскрыта проблема ранних форм этнической общности». Примером подобного исследования стала работа Е.А. Шервуд «От англосаксов к англичанам», посвященная исследованию функционирования и становления общего самосознания англосаксов на основе отдельных германских племен с V по XI вв. н.э.¹²² Новейшей в данной области является работа Р.Н. Игнатьева «Влияние политических границ на этническое самосознание», в которой на примере Страны Басков и Македонии показывается, как проходящие по этим регионам политические границы влияют на упрочение «этнической границы» разделенных ею народов. Этническая граница в данной работе понимается как социально-психологический феномен, попытки территориального разграничения этнических рубежей автор не предпринимает. Этническое самосознание понимается Р.Н. Игнатьевым как «осознание членами этнической общности тех этнических отличий, которые организуют эту общность, то есть осознание этнической границы»¹²³. Такое понимание в целом соответствует современным представлениям о феномене этнической границы, на которые сильное влияние оказал те-

зис Ф. Барта об определяющей для существования группы роли представления о «границе», отделяющей ее от других групп. Культурные различия являются «материалом», формирующим эту границу. После Барта «исследователи почти полностью сосредоточились на социально-психологической основе этнической границы»¹²⁴.

Обзор этногеографической проблематики, в разработке которой участвовал Кушнер, был бы неполон без характеристики одного из наиболее актуальных направлений деятельности этнографов в 1950-е годы – разработки историко-этнографических атласов. Атласы считались «одним из важнейших видов обобщающих работ», графически изображающих распространение элементов культуры народов в определенные исторические периоды и их развитие¹²⁵. Первая половина 1950-х годов стала временем настоящего бума этнографического картографирования. В отчете ИЭ за 1955 г. говорилось о развернутой в истекшем пятилетии работе по составлению атласов: атлас Сибири был подготовлен уже в 1950 г., сектор славяно-русской этнографии работает над атласом русского народа с 1951 г., и подготовка его в основном закончена, с 1955 г. приступил к созданию атласа сектор народов Средней Азии¹²⁶. Отчет за 1956 г. констатировал: «все большее место в работе Института занимают историко-этнографические атласы по отдельным крупным областям Советского Союза». В следующем году было решено начать «подготовительные работы» по Прибалтийскому и Кавказскому атласам. В то же время отмечались проблемы с изданием атласов (напомним, что Сибирский атлас вышел в свет только в 1961 г.)¹²⁷. В первой половине 1950-х годов были опубликованы планы и теоретические обоснования атласов: «Этнографический атлас Сибири» М.Г. Левина (1952), «О русском историко-этнографическом атласе» П.И. Кушнера (1955) и «Историко-этнографический атлас Средней Азии» Т.А. Жданко (1955).

При всех отличиях данных атласов базовые принципы их составления были схожи. Прежде всего, картографи-

ровались в основном элементы материальной культуры: жилище, одежда, средства передвижения, собаководство, оленеводство и т.д. для Сибири; сельскохозяйственные орудия и техника, жилище, строительная техника и одежда в атласе «Русские»; с разработки тем, связанных с хозяйством, жилищем и одеждой решено было начать работу над Среднеазиатским атласом¹²⁸. По мнению Кушнера, наиболее связанными с народным бытом и творчеством и поэтому могущими «в наибольшей степени раскрыть национальную специфику народной жизни», являются такие элементы материальной культуры, как сельскохозяйственные орудия и постройки, формы народного жилища и одежды, утвари, кулинарии, средства передвижения и т.д., а также «домашний быт и обычаи, связанные с различными формами труда и народными праздниками»¹²⁹.

В сибирском атласе элементы материальной культуры были классифицированы по определенным конструктивным признакам (к примеру, по покрою одежды), выделены их типы, затем они были описаны для каждого народа и наложены на составленные Б.О. Долгих этнические карты коренного населения Сибири. Их сходства и различия позволяли делать выводы относительно трех основных теоретических проблем: этногенеза отдельных народов, характера их историко-культурных связей и развития самих этих элементов культуры¹³⁰. Материал атласа отражал ситуацию конца XIX – начала XX вв.

П.И. Кушнер, как известно, был ответственным редактором атласа «Русские» (в редакционную коллегию входили также В.А. Александров, В.И. Козлов и М.Г. Рабинович), в предисловии к нему он назван «инициатором и многолетним руководителем этой работы»¹³¹. Он привнес в этот проект идею «динамического» атласа, который должен был отражать «явления в их развитии». Для этого были взяты три исходные даты: середина XIX в., его конец (с 1880-х годов) и первые два десятилетия XX в. Атлас, по Кушнеру, должен был, с одной стороны, помочь

установить границы этнографических областей и специфику их культурных форм, что важно для изучения этногенеза, с другой стороны – описать процесс стирания этих отличий и более широкого распространения отдельных форм, что отражает процесс консолидации русской нации¹³².

Работа по составлению атласа «Русские» осуществлялась уже в основном во второй половине 1950-х годов, когда Кушнер возглавил сектор славяно-русской этнографии, сменив умершего В.В. Богданова. Его переход в этот сектор был связан, по всей видимости, с актуализацией изучения современности, наметившегося в конце 1940-х годов. Одним из наиболее ярких эпизодов, связанных с этим, является история создания авторским коллективом сектора под руководством П.И. Кушнера монографии «Село Вирятино в прошлом и настоящем», которой посвящен следующий раздел.

3. «Село Вирятино в прошлом и настоящем» и проблемы этнографического изучения современности в 1950-е годы

Развитие этнографии в послевоенные годы невозможно представить без исследований и дискуссий, развернувшихся вокруг проблемы «изучения современности». Идея «монографического» изучения отдельных деревень и колхозов, к которой пришли в 1950-е годы, была, конечно, не нова. Традиция подобных исследований (монографических описаний русской деревни) восходит еще к дореволюционным временам¹³³. 1920-е годы называют «золотым периодом сельской социологии». В это время выходило большое количество эмпирических работ, в том числе описаний отдельных деревень. Впрочем, это были в основном социально-экономические исследования, а также исследования «настроений» крестьян, проводившиеся комиссиями при ЦК ВКП(б) в сугубо практических целях¹³⁴. На этом фоне выделялась фундаментальная работа М.Я. Феноменова «Совре-

менная деревня»¹³⁵. Она была результатом трехлетней полевой работы (1921–1923 гг.) и описывала «производительные силы» (хозяйство, постройки, землепользование), а также «социальный быт» (взаимоотношения в семье, общине, духовную культуру и т.д.) деревни Гадыши Новгородской губернии. Эта и аналогичные ей работы стали последними исследованиями русской деревни до коллективизации. С началом коллективизации Н.М. Маторин попытался поставить в центр внимания образованного в 1929 г. Института по изучению народов СССР «изучение процессов перехода к коллективным формам хозяйства» и «изменений, происходящих в условиях труда и быта народов СССР под влиянием коллективизации»¹³⁶. В ИПИИ была создана Группа по изучению быта колхозов, выпустившая по итогам поездок 1930 г. в колхозы Ленинградской области, Белоруссии, Туркмении, Узбекистана, Таджикистана и Армении двухтомный сборник статей «Труд и быт в колхозах». Некоторые статьи были посвящены отдельным колхозам. В них рассматривались истории создания этих колхозов, «вопросы ломки быта и мировоззрения крестьян» и т.д.¹³⁷ Однако по мере окончательного установления колхозного строя эти исследования – как социологические, так и этнографические – были свернуты. Кушнер упоминал довоенный опыт изучения колхозов, однако относился к нему скептически:

«Перед нами большая задача, – говорил он, – найти общий метод, найти общий язык для такого нового для нас направления. И если товарищи говорят, что это не ново, что уже в 1935 и даже в 1928 г. изучали колхозы, то нам приходилось говорить больше об отрицательном опыте этнографов тех лет, чем о положительном. <...> Посмотрите на любую программу изучения 1935 г. – там этнографии нет, там история колхоза, история классовой борьбы и экономической строй. Это было в то время вредительским направлением на уничтожение этнографии в начале 1930-х гг., и оно отразилось в большинстве этих программ»¹³⁸.

Впервые вопрос об изучении современности затронут на сессии по итогам полевых исследований в 1948 г., на которой, согласно отчету, «была особо отмечена необходимость усилить внимание к изучению новых форм хозяйства и быта народов нашей страны»¹³⁹. В октябре того же года состоялось расширенное заседание ученого совета ИЭ с обсуждением научно-исследовательской работы Института и ее «практической и идеологической направленности в интересах социалистического строительства»¹⁴⁰, на которой руководством был остро поставлен вопрос: «Чем мы полезны для нашего советского государства, для нашего советского народа?»¹⁴¹. В сентябре 1949 г. Ученый совет ИЭ обсуждал постановление Президиума АН СССР, в котором критиковалась работа Института экономики и журнала «Вопросы экономики». Экономисты обвинялись в том, что они не изучают социалистическое строительство и не выходят с предложениями в директивные органы, следовательно, их деятельность не имеет практического применения¹⁴². На заседании было отмечено, что это постановление имеет прямое отношение и к этнографам¹⁴³.

В план Института этнографии уже на 1948 г. руководство поставило в качестве центральной темы изучение социалистической культуры и быта колхозного крестьянства народов СССР. К 1950 г. было намечено выпустить сборник статей «Культура и быт колхозного крестьянства народов СССР». С.П. Толстов выразил надежду, что проведение двухлетнего тура специальных экспедиций по изучению национальных колхозов и подготовка данного сборника явятся «переломным моментом, который обеспечит сдвиг в этом вопросе»¹⁴⁴.

Поворот к современности связывался С.П. Толстовым с представлением о предмете этнографии, он неоднократно говорил о существовавшей среди этнографов «вредной тенденции» приравнивать этнографию к истории первобытного общества и изучению лишь его «пережитков». Подводя итоги экспедиционной сессии 1948 г.,

С.П. Толстов и Л.П. Потапов были единодушны в ее оценках:

«<...> не так давно в нашей среде – это можно говорить применительно даже к сегодняшнему дню – были такие настроения, что этнография как наука отмирает, что этнографам, собственно, становится нечего делать, так как отмирают очень быстро явления старой культуры, явления старого быта. Мне кажется, что наша сессия <...> решительным образом опровергает эту лживую, космополитическую – я так бы ее назвал – концепцию»¹⁴⁵ (Л.П. Потапов).

«Наша сессия показала, что этнография не отмерла, что объект этнографического изучения не отмирает, что он и не может отмереть, ибо только космополитическим представлением об исчезновении национальных культур можно оправдать такое утверждение»¹⁴⁶ (С.П. Толстов).

Кушнер также участвовал в критике этнографов, предпочитавших заниматься только «пережитками» и «архаикой»: «<...> он (этнограф. – С.А.) не может превращаться в сотрудника «Живой старины». А вот такой перегиб у части наших этнографов есть. Такие этнографы, наблюдая современную жизнь, замечают в ней только старые формы или, если они замечают не совсем старые, то в этих формах ищут более древние явления, не замечая изменения их содержания. Вот, например, т. Панек – опытный этнограф. То, что она видит и затем описывает, она ставит в прошедшем времени»¹⁴⁷.

Однако роль П.И. Кушнера выходила за рамки общих призывов и руководящих указаний, которыми ограничивался С.П. Толстов, он разрабатывал конкретную методику и руководил в ИЭ всей деятельностью по изучению колхозного крестьянства. Впрочем, следует отметить, что «поворот к современности» предусматривал изучение не только колхозного крестьянства, но и быта рабочих в городах. Это направление, выходящее за рамки нашего исследования, было поручено возглавить Н.Н. Чебоксарову¹⁴⁸.

Как уже говорилось, в 1948 г. было запланировано выпустить сборник статей о колхозном крестьянстве. Он должен был состоять из десяти статей о различных колхозах¹⁴⁹ и открываться статьей Кушнера «Колхоз как объект этнографического изучения». Эта статья, а также составленная им «Схема для построения программы изучения колхоза как стадияльной формы хозяйства» являются первой послевоенной попыткой идеологического и практического обоснования этнографического изучения колхозов. Этнография, было сказано в статье, в отличие от экономических дисциплин, изучающих «конкретно-экономическое содержание колхоза», исследует его «как стадияльную форму сельского хозяйства – в сравнении с исторически предшествовавшими этой форме другими стадияльными формами»¹⁵⁰. Идея этого сравнения сводилась к тому, что колхоз, «одна из высших форм кооперации в сельском хозяйстве», отличается как от «первобытного коллективизма» родовой общины, так и от дуализма частных интересов и коллективной собственности, присущей земледельческой общине, и знаменует собой «обобществление средств производства на высокой стадии их развития»¹⁵¹. Далее Кушнер, используя идеологические клише того времени, пытался представить колхоз своеобразным синтезом всех лучших сторон предшествовавших ему форм хозяйствования.

Статья служила комментарием к схеме для построения программы, которая состояла из 21 пункта. Первые пять освещали географическое положение колхоза. Затем шла его краткая история. Большая часть пунктов была посвящена хозяйству и организации производства: земельный фонд, количество хозяйств, фермы, мастерские, виды транспорта, организационная структура (правление, звенья), доходы (трудодни, средний доход семьи), неделимые фонды и касса взаимопомощи. Далее предлагалось обратить внимание на проявления колхозной демократии, колхозный поселок (жилое строительство, культурные и бытовые учреждения), влияние колхоза на семью и изменение психологии крестья-

ян. Таким образом, данный текст предлагал разнообразную тематику для изучения и в то же время – некую «идею колхоза», которой, по-видимому, должны были соответствовать эмпирические описания. Кушнер также составил «Программу для сбора сведений по этнографическому изучению культуры и быта колхозного крестьянства в республиках Советской Прибалтики». Она состояла из 86 пунктов и содержала следующие основные разделы: «Производственный быт колхозников» (подразделы: общие сведения о колхозе, колхозное производство, организация труда, колхозные кадры, колхозные доходы и зажиточность колхозников), «Культура и просвещение. Общественный быт» (общие сведения о селении, культура и просвещение, устное и изобразительное творчество, общественные праздники), «Быт колхозной семьи» (состав семьи, хозяйство и постройки, пища, одежда, семья, культурный уровень семьи, участие в общественной жизни)¹⁵².

На Всесоюзном этнографическом совещании в 1951 г. Толстов провозгласил очередной «коренной перелом», происшедший в советской этнографической науке за послевоенную пятилетку: на первый план выдвигается задача изучения современной культуры и быта социалистических наций СССР¹⁵³. Кушнер на этом совещании сделал доклад «Этнографическое изучение культуры и быта колхозного крестьянства СССР». В качестве главных проблем этого изучения он назвал проблему «формирования нового человека» и «социалистической перестройки быта в условиях различных по своей национальной форме культур». Относительно первой проблемы Кушнер предложил записывать биографии, а также «бытовые сцены, разговоры и высказывания», из которых можно почерпнуть материал о расширении кругозора колхозников, проникновении в их сознание идей плановости, социалистического правосознания и стремления к переустройству жизни.

Задачи изучения колхозов рассматривались Кушнером через призму участия этнографов в решении «приклад-

ных» задач. Этнографы должны стать экспертами, без участия которых не утверждался бы ни один типовой проект жилых домов для колхозников. Изучая колхозное производство, они должны обратить внимание на то, как эта специфика отражается на производственном быте, содействует ли она или мешает слаженной работе. В задачу этнографов входит «выяснение таких этнических помех, которые являются тормозом на пути культурного развития». В числе подобных проблематичных традиций Кушнер указывал на родовой принцип организации колхозных звеньев, половое разделение труда, «обособление» женщин от мужчин в общественной жизни и т.д. С особым чувством Кушнер обрушился на «таганрогские ковры», широко распространенные на юге России и представляющие собой, по его мнению, «грубое издевательство над человеческим художественным вкусом, шедевр халтуры и безобразия» (см. илл.11). Этнографы должны выступать против удовлетворения художественных потребностей колхозников подобными произведениями. Определив специфику этнографического изучения колхозов, Кушнер предостерег коллег от занятий чисто экономическими проблемами и «увлечения цифровыми показателями», призвал изучать историю отдельных семей, собирать биографический материал. Популяризируя достижения социалистического строительства, нельзя забывать и о «пережиточных явлениях», следует изучать «средние, рядовые колхозы, не выделяющиеся среди других ни своим производством, ни бытом». Лучшим методом для этого является многолетняя стационарная экспедиция¹⁵⁴.

Многие «колхозные» статьи были опубликованы в конце 1940-х годов в «Советской этнографии». Планирующийся сборник обсуждался в ноябре 1950 г. на ученом совете ИЭ, который принял решение его одобрить и после исправлений в соответствии с замечаниями рецензента сдать в печать¹⁵⁵. Однако в печати он так и не появился. В сентябре 1951 г., через год после отправки рукописи в РИСО, она вернулась в Институт с повторными замечаниями издатель-

ства. Сохранилось письмо Кушнера Толстову, в котором он утверждает, что рецензент сборника некомпетентен, не знаком с бытом колхозного крестьянства и с решениями партии по этим вопросам. Кушнер цитировал характерные формулировки замечаний рецензента: «приводимые цифры едва ли отражают действительное положение вещей», «цифры невелики», «для богатого колхоза количество автомашин невелико», «вряд ли правильно ставить вопрос о пережиточных явлениях», а также обвинение в том, что в статьях не отражена роль партии и государства в преобразовании колхозного быта. После задержки в издательстве сборник мог выйти не ранее конца 1952 г., а его материалы относились к 1948 г. Материал за это время устарел, поэтому Кушнер предлагал снять его с издательского плана Института¹⁵⁶. В датированной 6 мая 1953 г. «памятной записке» «Неотложные мероприятия для развития советской этнографии» С.П. Толстов жаловался на «антигосударственную тенденцию перестраховщиков из РИСО и Издательства», задержавших выход сборника о колхозном крестьянстве. Исключение сборника из плана нанесло, по утверждению Толстова, «прямой ущерб» советскому государству и затормозило перестройку работы Института¹⁵⁷. Впрочем, руководство ИЭ также испытывало недовольство этой стороной деятельности Института. Так, в отчете за 1951 г. было сказано, что Институт не нашел еще правильного подхода к изучению колхозного крестьянства. Работы по этой теме «носят характер поверхностного описания», постановки научных проблем в них нет, межсекторальная группа, созданная для разработки методологических основ в этой области, работает плохо. С целью «усиления теоретической работы в этом направлении» ученый совет поручал журналу «Советская этнография» открыть дискуссию¹⁵⁸.

В первом номере 1952 г. была опубликована статья П.И. Кушнера «Об этнографическом изучении колхозного крестьянства». Он писал, что статьи о колхозах отличаются схематичностью, материал собирался опросным путем и

наспех (он называл срок в две–три недели как средний срок пребывания авторов в описываемых ими колхозах), «в порядке выполнения “очередных заданий”». Выводом из этого было требование длительных стационарных исследований. С другой стороны, этнографы занялись изучением колхозной экономики и производства, что выходило за рамки их профессиональных возможностей. Этнографы должны изучать не колхозы как хозяйственные организации, а быт и культуру колхозного крестьянства, следовательно «территориальной единицей» этого изучения должен быть не колхоз, а село или группа сел¹⁵⁹.

На протяжении 1952 г. «Советская этнография» публиковала отклики на статью П.И. Кушнера. Большинство участников дискуссии присоединились к высказанной им неудовлетворенности колхозными исследованиями, однако его анализ и предложения удовлетворили не всех. Н.И. Воробьев был согласен с тем, что изучать надо не колхозное производство, а быт колхозников и влияние колхоза на их сознание. Он также отметил, что для монографического изучения принято выбирать наиболее передовые колхозы. С одной стороны это правильно, так как передовой колхоз сильнее влияет на быт населения, однако для сравнения следовало бы изучить хотя бы один отстающий¹⁶⁰. Н.А. Кисляков согласился с тем, что сроки полевой работы были недостаточны, однако возражал против того, чтобы видеть решение всех проблем в избрании объектом изучения села, а не колхоза, так как на практике это часто одно и то же. Вместе с тем он писал, что при выборе объекта изучения надо исходить из того, насколько в данном колхозе велики «сдвиги в области быта, культуры и идеологии нашего социалистического строительства»¹⁶¹. О.Н. Воздвиженская и Л.П. Лашук согласились с критикой «экономизма» и «анкетности» статей о колхозах, призвали к «глубокому проникновению» в хозяйственную, общественную и семейную жизнь колхозников. Кроме того, этнограф, по их мнению, должен не только констатировать проис-

шедшие изменения, но и отмечать, что в культуре и быте будет развиваться в дальнейшем, а что «в недалеком будущем отомрет»¹⁶².

Наиболее эмоциональной была статья С.М. Абрамзона. Он считал неправильной саму идею монографического изучения колхозов, отстаивавшуюся Кушнером, и предлагал «тематический» принцип, при котором исследователь концентрируется на какой-либо одной стороне народной культуры. Абрамзон также поставил проблему «безразличных», обобщенных этнографических описаний, в которых не видно «живых, реальных людей», между тем как объектом этнографического изучения должен стать «советский человек в его взаимоотношениях с коллективом, в его отношении к труду, в его взаимоотношениях с семьей и т.д.». Как и Кушнер, он видел причины неудач в «гастролерском» методе полевой работы, однако высказывался против его «отмежевания» от вопросов колхозной экономики, так как изучать народную жизнь без того, чем живет народ, а именно – без «вдохновенного труда, направленного на построение коммунистического общества», нельзя¹⁶³.

Подводя итоги дискуссии, П.И. Кушнер писал, что этнографы пришли к единому мнению о том, что тематическое изучение нельзя противопоставлять монографическому и о необходимости коренным образом улучшить полевую работу. Он также попытался сформулировать теоретические основы изучения колхозного крестьянства, основываясь главным образом на только что вышедшей работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В качестве ключевого понятия здесь можно выделить понятие «культурности» или культурного уровня, повышение которого или, по Сталину, «культурное перевоспитание общества», было необходимым условием перехода от уже построенного социализма к коммунизму¹⁶⁴. Культурность – это всеобъемлющая характеристика советского человека, она «проявляется в труде, в отношении человека к

вещам и другим людям, в его представлениях о самом себе и об окружающих». «В основе культурности советского человека, – писал Кушнер, – <...> лежит коллективизм, политическая грамотность, уважение к труду, к правилам социалистического общежития <...>»¹⁶⁵. В этих словах сформулирована сущность того, что вкладывалось в понятие социалистического содержания культуры.

Статья Кушнера была опубликована в первом номере «Советской этнографии» за 1953 г. – в момент, когда пристальный контроль партийного руководства за деятельностью ученых проявился в резко критической оценке работы журнала за 1951–1952 гг., данной отделом науки и культуры ЦК КПСС по результатам специальной проверки. Для секретаря ЦК КПСС П.Н. Пospelова данным отделом был подготовлена записка, в которой утверждалось, что «журнал ведется совершенно неудовлетворительно. Большинство опубликованных в журнале статей написано на крайне низком идейно-теоретическом уровне <...> Журнал слабо помогает советским этнографам в перестройке научно-исследовательской работы в свете гениальных трудов товарища Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам социализма в СССР»¹⁶⁶.

В перечне “провинностей” этнографов значительное место уделялось их описаниям современности: «Вместо того, чтобы показывать новые отношения людей в процессе социалистического производства, новый социалистический быт и культуру колхозного села, журнал публикует статьи, в которых рассказывается, что колхозники по-прежнему ходят в лаптях, что свидетельствует якобы об “устойчивости национальных традиций” и “сохранении национального колорита”». Н.И. Воробьев утверждает, что «социалистический быт передовых советских людей – это ничто иное, как в переосмысленном виде национальные традиции, которые наиболее прочно сохранились в деревне». Кушнер и Воробьев, писавшие, что единицей этнографического изучения должен быть населенный пункт, а не колхоз, «противопо-

ставляют деревню колхозу». Кроме того, авторы записки обратили внимание на фразу Кушнера о том, что «в социалистическом обществе сама экономика подчиняется человеческому сознанию», назвав это открытой пропагандой идеалистической теории и обвинив редколлегию журнала в том, что она «не сумела разоблачить антинаучный характер этих статей»¹⁶⁷.

В письме Толстову, очевидно, после ознакомления с содержанием записки (по итогам проверки в отделе науки было проведено совещание с участием членов редколлегии журнала), Кушнер указывал на то, что уже опубликовал соответствующие разъяснения своей «теоретической ошибкой». Он также напоминал, как ему не раз приходилось защищаться от противоположных обвинений в недооценке государственного плана со стороны самого Толстова, Потехина и других: «Вспомните Ваши собственные замечания по одному из моих докладов, когда я ссылался на традиционные производственные и хозяйственные навыки населения и на то, что государственный план принужден с ними считаться (подчеркнуто П.И. Кушнером – С.А.) – напр., в районах с мусульманским населением не развивается свиноводство и т.д.; Вы же приводили примеры, когда вопреки этим традициям населения государственный план требует развития в этих районах свиноводства, и что оно якобы там развивается». Указанная фраза из статьи, писал Кушнер, была неудачной формулировкой мысли о том, что «социалистическое сознание» колхозников формируется под влиянием социалистического строя в целом и его нельзя «механически» выводить из колхозной экономики¹⁶⁸.

Практическим итогом дискуссии в журнале явилось решение об организации «первых этнографических стационаров как опорных пунктов для многолетних исследований»¹⁶⁹. Это ставило перед этнографами проблему выбора конкретного села и колхоза для стационарного «монографического» изучения. Критерии этого выбора Кушнер трактовал достаточно противоречиво, балансируя между требова-

ниями научной объективности и идеологической выдержанности. В докладе на Координационном совещании по этнографическому изучению социалистической культуры и быта народов СССР в 1952 г. вопрос о выборе «типичного» объекта Кушнер связывал с трактовкой «типичности» в литературе, данной Г.М. Маленковым на XIX съезде партии: «Типичное – это вовсе не наиболее распространенное, наиболее часто встречающееся; типично то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность явления». Для «типичного» в таком понимании колхоза характерно, по Кушнеру, «многоотраслевое развитое хозяйство, развитие механизации, максимальное развитие общественного хозяйства и подсобный характер хозяйства приусадебного» и т.д.¹⁷⁰ По этой логике для изучения влияния колхозного строя на культуру и быт населения полевые исследования нужно было вести в передовых колхозах именно потому, что «в них лучше поставлено общественное хозяйство, более развита механизация <...> создано больше предпосылок для повышения материального уровня жизни колхозников, для их культурного развития»¹⁷¹. В то же время он настаивал на том, что следует изучать и «средние, рядовые колхозы», не закрывать глаза на «пережиточные явления»¹⁷².

Ко времени написания данной статьи ученый столкнулся с проблемой выбора объекта изучения на практике. В 1951 г. начался поиск русского колхоза, подходящего для монографического его описания. Были проведены консультации с Министерством земледелия и Советом по делам колхозов при Верховном Совете СССР. Экспедицию решено было направить в Воронежскую область, в село с русским старожильческим населением, издавна занимавшимся хлебопашеством и живущим в многоотраслевых колхозах с ведущей ролью производства зерновых. Сохранился полевой дневник П.И. Кушнера за сентябрь 1951 г., по которому его поездку в Воронежскую область можно представить буквально по дням: 6 сентября – встреча в обкоме с заведу-

щим сектором культурной работы, 7 сентября – встреча с ним же и зав. отделом пропаганды, намечены районы обследования, 8 сентября – беседа с председателем и секретарем партийной организации колхоза им. Ворошилова и т.д. За месяц Кушнер вместе с сотрудниками восточнославянского сектора объездил десяток колхозов, рекомендованных руководителями области в качестве передовых, встречаясь с председателями, секретарями парторганизаций, агрономами, осматривая клубы, фермы и т.д. В дневнике он отмечал общие впечатления о колхозах. Приведем типичную запись о селе Ливенка Лосевского района:

«Большой многоотраслевой колхоз. Зерновое хозяйство, свекла (300 га), животноводство, сад. Клуб сельсовета в ремонте. Материальное положение колхозников хорошее (2,4 <нрзб> зерна + дополнительная оплата за свеклу до 1 цт <?> сахара и 1000 р.), но культура отстает. Есть только начальная школа. Хотя церкви нет, празднуют престольные праздники (Покров). Собираются до 1000 людей <?>, водят хороводы по концам (гулянки в костюмах). Пьянка и драки. В клубе инициативна лишь сельская интеллигенция <...> Много богатой народной одежды, ходят в праздники даже на базар. Песенные праздники. Отсталость женской молодежи – мало комсомолок, 2 члена партии (из 43). Религиозны. В каждой хате иконы. В хате, где мы живем, их нет! В Великий пост ткнут – на домашних станах – во многих домах. Женятся и выходят замуж почти исключительно на жителях своих селений. Пышные свадьбы – по 2 дня со всем ритуалом»¹⁷³.

В ходе этой поездки избрать подходящий колхоз не удалось. Экспедиция по Воронежской области была продолжена осенью 1952 г., однако, как докладывал Кушнер на сессии, посвященной итогам полевых исследований, «оказалось, что далеко не все указанные села и колхозы подходят для этнографического изучения в качестве типичных»¹⁷⁴. Причины были различными. Так, упомянутое село Ливенка не устроило экспедицию еще потому, что являлось

центром паломничества к святым колодцам. Колхоз им. Ильича Добринского района, куда, как узнали этнографы от воронежских властей, возили иностранные делегации для показа преимуществ колхозного строя, также не подходил на роль «типичного»: построенные в нем коттеджи оказались непригодными для жилья, вместо хозяйственных построек использовались землянки, широко применялся наемный труд, причем сезонные рабочие жили «в ужасающих условиях», клуб и школа пустовали, а «съехавшиеся в бывшую коммуны из разных областей СССР крестьяне и выходцы из городов не имели общих традиций и поэтому культура развивалась в каких-то космополитических формах (джаз, западные танцы, развитие блатного фольклора и пр.) Назвать этот колхоз русским можно было только по языку большинства населения – никаких других национальных черт в быту не выявлялось отчетливо». Наконец, незадолго до приезда этнографов все правление колхоза было арестовано за расхищение социалистической собственности¹⁷⁵.

В итоге этнографы остановились на двух селах Анненского района – Старая Тойда и Старая Чигла, в которых были два колхоза, числившихся лучшими в районе. В этих селах шла полевая работа в течение 1952 г. Между четырьмя этнографами (начальник экспедиции В.Ю. Крупянская, М.Н. Шмелева, Л.А. Пушкарева и С.Б. Рождественская) были распределены темы: история селений и колхозов, демографические сведения, производственный, семейный и общественный быт, жилище, одежда, пища, культурный уровень населения, сельская интеллигенция, народное творчество. Итоги полевой работы этого года, подведенные П.И. Кушнером, можно суммировать следующим образом: несмотря на сохранение в основном дореволюционных домов и соломенных крыш, произошли перемены в планировке – появились кухни, кровати, исчезли полаты. Проведенное В.Ю. Крупянской бюджетное обследование показало, что материальное положение семей зависит от соотношения

в ней количества рабочих рук и едоков. Семьи, у которых нет коров, питаются много хуже семей, у которых они есть. В связи с этим П.И. Кушнер резко отзывался о «левацких загибах» председателей колхозов, стремившихся «изничтожить» единоличных коров, несмотря на то, что налоговая политика предусматривала их существование. Эта политика являлась одной из причин ухода колхозников в город и как следствие нехватки рабочих рук. Вообще руководству колхозов в отчетном докладе Кушнера уделено довольно много внимания, причем преобладала критика. Помимо неправильной политики в отношении коров, он отмечал отказ одного из председателей отпускать молодежь на учебу в город. Есть в нем и своеобразные бытовые зарисовки:

«В бытовой жизни многих руководящих работников разлагающим элементом является пьянство. Из-за пьянства развалилось хозяйство колхоза им. Сталина в с. Старая Тойда. Пьет и председатель колхоза «Великий Октябрь» в том же селе. Летом 1951 г. собрался он с родней, женой и приятелями отдохнуть на р. Битюг – обычное место гуляний. Вышли, стали песни петь, затянули “Из-за острова на стрежень”, а как дошли до места, когда Степан Разин бросает в Волгу персидскую княжну, столкнули своих жен в Битюг. Место было глубоким, женщины чуть не потонули. Из-за пьянки теряет всякий авторитет этот в общем неплохой и несомненно честный председатель среди колхозников»¹⁷⁶.

Столь же критично Кушнер высказывался относительно условий жизни работников МТС: они живут в течение 7–8 месяцев в перенаселенных передвижных вагончиках, лишенных элементарных удобств. В конце 1952 г. работа экспедиции в данных селах была прервана. Среди причин этого решения Кушнер назвал отсутствие средств и перестройку хозяйственной структуры в связи со слиянием двух колхозов в с. Старая Чигла. Однако этим причины не исчерпывались:

«<...>исследователей удручало некоторое несоответствие производственных возможностей кол-

хозов с результатами их хозяйственной деятельности; отставание материального и духовного быта колхозников от развития общественного хозяйства. В колхозе им. Карла Маркса, например, из-за неумелого хозяйственного руководства опыты разведения кок-сагыза оказались неудачными, 300 га поливного участка оказались заболоченными, строительство гидроэлектростанции затянувшимся. И хотя ухудшение материального положения колхозников в 1952 г. было связано, отчасти, с недородом, еще большее влияние на это ухудшение оказало неправильное хозяйствование колхоза и линия руководства на «изничтожение» частных коров»¹⁷⁷.

Кроме того, руководство области не выполнило обещаний построить в селе клуб и прислать организатора культурно-массовой работы. К счастью, писал Кушнер, такое положение существует не везде: «<...> в стране имеется немало других колхозов – тоже с русским населением – успешно справляющихся со своими задачами, сел, развивающихся, перестраивающих быт своего населения – как материальный, так и духовный. Если мы не могли, несмотря на помощь местных организаций, найти подобные села в Воронежской области, то надо было поискать их в соседних областях. Так возник вопрос о подыскании новых дополнительных объектов для этнографического изучения»¹⁷⁸.

В декабре 1952 г. В.Ю. Крупянская и С.Б. Рождественская выехали в Тамбовскую область, где, также по совету областных властей, объехали несколько лучших колхозов и остановили свой выбор на колхозе «Путь Ленина» в селе Вириатино Сосновского района. Кушнер обещал, что материалы Воронежской экспедиции будут использованы, и только сравнительное изучение этих трех сел даст возможность сделать выводы, однако следы этого использования или продолжения полевой работы в Воронежской области не прослеживаются. На это обратил внимание в своем выступлении на обсуждении цитировавшегося выше доклада Кушнера С.А. Токарев. По его мнению,

этнографы предъявляют к объектам своего изучения «не совсем правильные требования», и следовало, наряду с Вирятино, продолжить изучение воронежских сел¹⁷⁹.

На партсобрании 6 апреля 1953 г. доклад Кушнера был раскритикован специалистом по Средней Азии Я.Р. Винниковым: «Коммунист Кушнер, – говорил он, – допустил в своем докладе о русском колхозе и политическую ошибку. Разве можно показывать в качестве объекта изучения колхоз, который не выполняет государственных планов». Кушнер вынужден был признать, что его доклад на сессии был неудачным, из чего, однако, нельзя делать вывод о неудачности выбора колхоза и хода всей работы. Он подчеркнул, что «изучение русских колхозов нельзя ограничивать одним колхозом», и утверждал, что «отказываться от изучения этих колхозов нет никаких оснований. Надо изучать жизнь такой, как она есть. Работа в русских колхозах идет правильно<...>»¹⁸⁰. Даже если П.И. Кушнер был полностью убежден в этом, протокол того же партсобрания доносит до нас свидетельство, что он был на грани отказа от продолжения данной работы. Это видно из реплики Г.П. Васильевой: «Тов. Кушнер неправильно поступил, когда просил дирекцию освободить его от руководства изучением социалистической культуры и быта. Он опытный работник и его руководство может дать много»¹⁸¹. Очевидно, на это решение повлияли многочисленные неприятности, с которыми столкнулся Кушнер, однако дирекция, по-видимому, была вполне солидарна с мнением Васильевой, и исследование было продолжено под его руководством.

Начальный этап стационарного изучения колхозов совпал с некоторыми изменениями государственной политики по отношению к крестьянству. В сентябре 1953 г. прошел Пленум ЦК КПСС, ставший переломным моментом в переходе от репрессивной сталинской политики к периоду аграрных реформ Н.С. Хрущева 1950-х гг., направленных на «постоянный поиск новых, более эффективных методов руководства колхозами и сельским хозяйством»¹⁸². Пленум

принял решение увеличить закупочные цены на сельхозпродукцию, ставка сельхозналога на приусадебные участки по РСФСР была уменьшена в пять раз, списаны задолженности за прошлые годы. Все это – в отличие от послевоенного периода «закручивания гаек» – создавало достаточно благоприятные условия для развития личного подсобного хозяйства. Также проводились различные эксперименты, направленные на предоставление колхозам большей «творческой инициативы» в планировании, параллельно шел процесс укрупнения колхозов. При всей непоследовательности и противоречивости аграрных реформ 1953–1958 гг. современные исследователи отмечают, что это был период «стремительного роста темпов развития сельского хозяйства», сопровождавшегося также ростом совокупного дохода колхозных семей¹⁸³. Атмосфера позитивных перемен на селе должна была сказаться и на итогах этнографических исследований.

Решения сентябрьского пленума обсуждались и в парторганизации ИЭ. На посвященном этому заседанию было принято решение «целиком и полностью» одобрить принятое пленумом постановление. Дирекции Института было предложено обратить внимание на ускорение «работы по подготовке монографий по колхозам, в которых должны быть учтены основные положения Сентябрьского Пленума ЦК КПСС», а также «обратить внимание П.И. Кушнера на необходимость подготовки в ближайшее время 2-х научно-популярных брошюр на материалах русской экспедиции»¹⁸⁴. В мае 1954 г. С.П. Толстов сетовал на то, что этнографы до сих пор «не сделали для себя серьезных выводов» из решений партии о колхозном крестьянстве. «Мы можем помочь нашему правительству, – указывал он, – решить вопросы строительства народного жилища, разработки ассортимента широкого потребления, внедряя лучшие народные традиции в советский быт <...> Нам надо популяризировать лучшие народные традиции, одновременно борясь с вредными пережитками»¹⁸⁵. Однако «научно-популярные брошюры»,

идея издания которых обсуждалась в это время, так и не были написаны.

Экспедиция в Вирятино также представляла собой пример перемен, происшедших в организации самой полевой этнографической работы в послевоенные годы. Перемены эти заключались, в частности, в «уменьшении роли индивидуальных поездок по сравнению с коллективными работами». 1950-е годы – время преобладания крупных, многолетних, часто комплексных археолого-антрополого-этнографических экспедиций¹⁸⁶.

В состав экспедиции в село Вирятино входили В.Ю. Крупянская, Л.А. Пушкарева, С.Б. Рождественская, Л.Н. Чижикова, М.Н. Шмелева, аспирантка И.А. Брок, а также музыковед, архитектор и фотографы. Каждый участник разрабатывал определенную тему. Согласно отчету за лето 1953 г., Пушкарева изучала духовную культуру колхозников, Рождественская – производство и производственный быт, Чижикова – материальную культуру. В самой монографии Крупянская стала автором глав о семейном быте, Пушкарева – об общественном быте, Чижикова – о жилище и Шмелева – об одежде. Кушнер был руководителем авторского коллектива и редактором, написал введение, главы об экономической жизни села, причем раздел, посвященный экономике колхоза, написан в соавторстве с его председателем С.М. Ожогиним.

Кушнер пропагандировал и внедрял в работу экспедиции применение анкет и изучение семейных бюджетов. Летом 1953 г. было проведено подворное анкетное обследование всех 476 хозяйств села. Заполнялась «посемейная карточка». В ней фиксировались имя, пол, возраст, родственные отношения к главе семьи, профессия, место работы и образование каждого члена семьи, включая живущих вне дома. Один из участников этой экспедиции, Л.Н. Чижикова, впоследствии обобщила методику ее полевой работы как сочетание массового анкетирования с углубленным опросом информаторов¹⁸⁷. «В течение трех лет (1952–1954), – сказа-

но в предисловии к работе, – авторы настоящего исследования выезжали летом и зимой в село Вирятино, жили в нем месяцами. Наряду с личными наблюдениями и расспросами этнографы пользовались документальными материалами (статистическими сведениями, протоколами общих собраний, годовыми отчетами колхоза и пр.), проводили анкетные обследования, изучали потребительские бюджеты, применяли все доступные им способы фиксации того, что можно было измерить, сфотографировать, зарисовать, записать на звуко пленку или заснять на кино пленку»¹⁸⁸. Таким образом, вирятинская экспедиция способствовала становлению определенной методики этнографического изучения современности. Обобщая опыт 1950-х гг., этнографы писали, что это изучение требует «не только углубленных монографических исследований, базирующихся на непосредственном наблюдении бытовых явлений, но и широкого привлечения статистики, применения сплошных посемейных анкетных обследований, изучения бюджетов колхозных хозяйств»¹⁸⁹.

По воспоминаниям Л.Н. Чижиковой, этнографов встречали в селе радушно. Они были частыми гостями и у председателя Ожогина, которого она характеризует как хорошего организатора и хозяйственника. Приезжая туда зимой и летом на протяжении нескольких лет, этнографы жили вместе в одной комнате. В ходе работы экспедиции режиссером Фрадкиным был снят фильм о селе, запечатлевший работу в поле, постройку дома, интерьер дома бригады строительной бригады и его семью (сцена чтения стихов у елки его маленькой дочерью). Полевой работой в разное время руководили В.Ю. Крупянская и Л.А. Пушкарева. Сам Кушнер в селе не был. От участников Воронежской экспедиции Л.Н. Чижикова слышала, что он стеснялся заходить в избы, заговаривать с людьми и удивлялся легкости, с которой это делали его коллеги¹⁹⁰.

Изучение материальной культуры проводилось совместно с изучением семейного быта и истории всего куль-

турного комплекса. Разобраться в истории жилища, как писали этнографы, невозможно без «одновременного и тщательного изучения истории семьи в смысле изменения ее форм, истории поколений, изменения в уровне ее благосостояния и культуры»¹⁹¹. «Мы выбирали отдельные семьи и исследовали, как изменялась эта семья, ее состав, взаимоотношения на протяжении последних ста лет, как изменялось хозяйство семьи, жилище, пища, одежда, культурный уровень членов семьи»¹⁹².

Полевые материалы экспедиции представляют собой в значительной части биографические интервью информаторов, из которых впоследствии этнографы вычленили информацию по отдельным темам (к примеру, материалы Л.А. Пушкаревой по теме «Духовная культура», подтемы: прошлое села, культурная революция, учительство, колхозная молодежь, фольклор, культурные запросы). Как писал П.И. Кушнер, «<...> подбирая материалы, обычно мы пользовались в значительной степени биографиями людей. Эти биографии должны были быть переработаны и должны были в значительной степени составить какой-то компактный материал, в котором видны были уже не отдельные лица, а целые пласты крестьянства, целые группы, для которых характерны эти явления»¹⁹³.

Полевые карточки В.Ю. Крупянской («Семья и семейный быт»), Л.А. Пушкаревой и С.Б. Рождественской («производство и производственный быт») подробно фиксируют непосредственную речь колхозников, записаны от первого лица и сохраняют непосредственную интонацию рассказчиков. Наиболее повествовательными и в определенной степени «художественными» являются полевые записи С.Б. Рождественской, собиравшей информацию о хозяйственной и культурной жизни современного села. Она описывала работы на фермах, заседания правления, различные культурные мероприятия, ее записи представляют собой очерки деятельности различных колхозных учреждений, насыщенные прямой речью колхозников, рассказыва-

ющих о себе и своей работе. Рождественская была одним из наиболее активных участников экспедиции, она работала «в поле» в прямом смысле слова, в то время как остальные проводили опросы в селе. По воспоминаниям Л.Н. Чижиковой, у нее сложились прекрасные отношения с колхозниками. Написанный ею текст, однако, был забракован Кушнером, и в авторский коллектив она не вошла¹⁹⁴.

Некоторые ее записи были использованы при написании монографии, однако «прямой речи» информаторов в ней мало. Приводимые цитаты, как правило, очень коротки и не всегда передают смысл речи информаторов. Так, говоря о трудовом энтузиазме молодых колхозниц, Л.А. Пушкарева пишет:

«Свинарка О.Е. Калмыкова рассказывает о своей работе на ферме: “На совесть я работаю, от чистой совести жалею поросят”. Все поголовье поросят, закрепленных за Калмыковой, находится в отличном состоянии. В 1955 г. она получила за свой труд дополнительную плату»¹⁹⁵.

Приведем более полную цитату рассказа Калмыковой из записей С.Б. Рождественской, сделанных в марте 1953 г.:

«На совесть я работаю, от чистой совести жалею поросят. Из дома ухожу рано натошак, поесть не успею, возьму хлеба в карманы, да так день целый и хожу с этим хлебом, никак не съем его. Как чуток рассветется, без малого с четырех мы приходим и до ночи я не ухожу. Какая же хорошая наша работа? Тут бы месячишко отдохнуть надо»¹⁹⁶.

«Отрезанная» часть монолога свинарки все же нашла отражение в тексте монографии, однако в разделе о семейном быте, при описании распорядка дня семьи. Говоря о режиме питания, В.Ю. Крупянская отмечает: «Общественное питание пока не налажено, и это вредно отражается на режиме питания многих колхозников. Свинарки, например, жалуются, что, занятые на свиноферме от темна

до темна, они часто даже не успевают позавтракать – возьмут с собой хлеба в карман и так и ходят целый день»¹⁹⁷.

Этот пример характеризует коллективный метод работы экспедиции: несмотря на специализацию, каждый этнограф записывал информацию по различным темам, которая впоследствии вычленилась из контекста повествования информатора и становилась частью повествования другого автора. Многие детали и сама интонация речи информаторов оставались «за кадром» в процессе «перевода» их в окончательный текст. Так, можно сравнить записанный С.Б. Рождественской рассказ первого председателя вирятинского колхоза С.С. Калмыкова с основанным на нем текстом Кушнера:

«В начале 1929 г. девять крестьянских дворов Вирятина объединились в товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ). Объединение просуществовало недолго: убрав урожай, крестьяне вышли из него. Этот опыт показал, что карликовые объединения неэкономичны и что нужно создавать более крупные организации<...>»¹⁹⁸

Рассказ о тех же событиях Калмыкова:

«Вернулся я, а время было тяжелое. Председателей убивали. Я вечером не ходил по улице. Правление у меня дома было, окна вечерами занавешивал. А в район приеду, говорят: “Есть колхоз и будет”. Посеяли в эту весну каждый на своем участке, но агитмассовую работу не оставляли. Так и сказали: “За колхоз стояли и будем стоять”. В эту весну только десять однодворцев, образовавших в селе еще раньше ТОЗ, пахали вместе свою землю, одним общим клином. Меня вызовут в район, кричат: “Посадим!” (за то, что колхоз не существует фактически). Я вернусь, собрания опять провожу <...> К весне все были в колхозе, кроме шести дворов баптистов. Но эти и до сих пор в колхоз не вступили. Когда-то недавно, с революции пошла у них эта вера баптистская, что-ли, только они вроде в молчанку играют, не говорят ни с кем, а сейчас и на выборы не ходят»¹⁹⁹.

Если о «классовой борьбе», сопровождавшей коллективизацию, и о сопротивлении «кулаков» Кушнер далее пишет, то о существовании в Вирятино баптистов в монографии нет даже упоминания²⁰⁰.

Полевые материалы экспедиции, как уже указывалось, содержат массу не вошедшей в монографию информации. Обработка этих материалов позволила бы воссоздать более полную картину жизни села. Проблема «сказанного» и «не сказанного» связана как с представлениями о жанре этнографического описания, так и с ограничениями идеологического порядка. Так, автор раздела о жилище Л.Н. Чижикова подробно описала строительную технику, планировку и т.д. как деревянных изб, так и ставших строится на рубеже веков кирпичных домов. В интервью автору она добавила, что эти дома были холодные, находиться в них, особенно зимой, было некомфортно.

Некоторые «умолчания» носят более идеологический характер. Сохранилось письмо С.М. Ожогина Кушнеру в ответ на просьбу написать о вирятинских традициях для монографии. Отказываясь сделать это, он, однако, сообщает многое о влиянии «прошлых производственных традиций» на колхозное хозяйство. Сравнение с текстом монографии иногда приводит к обнаружению явных противоречий.

Монография:

«По характеристике председателя колхоза С.М. Ожогина, колхозники плохо работать не умеют. Работают же они в колхозе хорошо потому, что такой труд признан ими действительно добровольным, с одной стороны, и экономически выгодным – с другой»²⁰¹.

Из письма Ожогина Кушнеру:

«Надо сказать прямо, что колхозники могут кормить кур, коров, овец, свиней, выращивать высокие урожаи и выполнять другие виды работ в своем личном хозяйстве, но в колхозном производстве пока что немногие работают так, как в своем хозяйстве. До сих пор он (колхозник. – С.А.) считает колхозное производ-

ство не то, что его личное. Это и является основной причиной низкой яйценосности кур и низкой урожайности»²⁰².

Окончательный текст монографии состоял из двух частей – «Дореволюционная русская деревня» и «Советская деревня», каждая из которых состояла из шести глав, посвященных экономической жизни, жилищу, одежде, семье и семейному быту и социальной культуре («Сельский быт, нравы и обычаи» и «Грамотность. Влияние рабочих на культуру села» в первой части и «Общественная жизнь села» и «Культурная революция в селе» во второй). Таким образом, порядок изложения соответствовал идее сравнительной важности и взаимоотношений базиса и надстройки. Хронологически исследование охватывало период приблизительно с середины XIX в. по 1950-е годы XX в.

В главе об экономической жизни дореволюционного села рассматривалась история общинного землевладения вирятинцев, сельскохозяйственная техника, выращиваемые культуры, социальное расслоение, большое внимание уделялось неземледельческим промыслам, в особенности отходничеству на шахтерские работы и его роли в экономике крестьянского двора. Эта глава вписывала историю Вирятина в контекст ленинского анализа влияния развития капитализма на крестьянство. Последующие главы продолжали эту тему, которую можно считать основной для дореволюционной части, рассматривая трансформацию народной культуры под влиянием города и в условиях становления капитализма. Так, в главе о жилище описывалась трансформация старого, характерного для первой половины XIX в. южновеликорусского типа избы, появление в 1880–1890-х годах кирпичных домов, изменение планировки и обстановки изб под влиянием новых вкусов, носителем которых были отходники (выделение кухни, изменение положения печи, появление кроватей, занавесок и т.д.). Эти изменения отражали влияние города и развития «товарно-денежных отношений». Те же тенденции прослеживались в

одежде. Наиболее заметные перемены произошли в мужском костюме крестьян-отходников, работавших в Донбассе в 1900-е годы и перенимавших одежду городских мастеровых и приказчиков (холщевые домотканые рубахи и штаны сменяются рубахами, штанами и пиджаками из покупных материалов). В женской одежде паневу сменил сарафан, затем юбка и кофта. В области семейного быта наиболее ощутимые изменения традиционного уклада датируются исследователями 1890-ми годами – временем, на которое приходится ускорение процесса распада большой семьи. Главными причинами разделов были конфликты, связанные со стремлением отходников использовать заработанные деньги на личные потребности и нужды своей семьи. Одновременно происходило разрушение свадебной обрядности, сокращение сроков празднования, активизировалась роль жениха. Влияние городской культуры прослеживалось и в других сферах местной культуры и быта: нравах, песенном репертуаре и др.

Вторая часть начиналась с описания истории села с 1917 г. до середины 1930-х годов. Как и в первой части, Вирятино здесь предстает в своеобразной роли России в миниатюре. Кушнер чередует упоминание о важнейших событиях этого периода (революция, гражданская война, переход к нэпу, коллективизация) с описанием того, как эти события отражались в истории Вирятино. Затем подробно, с большим количеством таблиц и цифровых показателей описывается хозяйство колхоза «Путь Ленина» послевоенного периода, развитие каждой его отрасли, денежные доходы колхоза, урожаи, поголовье скота и т.д. Кроме того, данная глава содержит итоги обследования бюджетов колхозных семей. Была произведена классификация на три группы: семей рядовых колхозников, семей руководящих работников и специалистов и семей, которые имеют работников, получающих зарплату. Каждая из групп подразделялась еще на три по типу соотношения в ней работающих и иждивенцев (количество работающих больше или равно количеству ижди-

венцев, работающих меньше иждивенцев, вдовьи семьи), был вычислен удельный вес каждого типа семей, приводились примеры бюджетов каждого типа. Итоги этого обследования, впрочем, во многом сводились к констатации «роста благосостояния всех семей» и выводу о том, что они полностью обеспечены продуктами питания и имеют значительные хлебные излишки. Денежная оплата по трудодням растет, и колхозники «предъявляют более высокие требования к своему быту». Подсобное хозяйство носит потребительский характер. Однако делался вывод, что уровень жизни колхозных специалистов значительно выше, чем у семей рядовых колхозников²⁰³.

В развитии жилища в советское время авторы видят процесс сближения культурных и бытовых условий деревни с городом, проявляющийся в изменениях планировки (тенденция к многокомнатности и т.д.) и убранству домов. Коренные изменения в одежде проявляются с 1930-х годов. После некоторого возрождения домоткачества в 1920-е, происходит окончательный переход на покупные материалы. В целом совершился переход на одежду городского типа, также исчезло принципиальное различие между праздничной и будничной одеждой.

Было установлено, что современная колхозная семья представляет собой семью отдельную, малую: 60% вирятинских семей состояли из двух поколений. Из трех и четырех поколений состояли 20% семей. В 1955 г. произошел раздел последней в Вирятино неразделенной семьи. 45% семей возглавляли женщины. Победа колхозного строя, по мнению авторов, «создала твердую базу для развития в семье социалистических отношений, построенных на равноправии, взаимоуважении и взаимопомощи всех членов семейного коллектива»²⁰⁴. Глава семьи, бывший ранее полным распорядителем имущества и обладавший неограниченной властью, эту власть утратил, бюджет семьи и расходы ведутся по взаимной договоренности всех ее членов. Положение женщины в семье «в корне изменилось», она стала эко-

номически независимой, «вступает в семью не работницей в чужое хозяйство, как раньше, а равноправным членом семейно-трудового коллектива»²⁰⁵. Отношения между свекровью и невесткой обычно «дружелюбны, построены на взаимной помощи». Главенство в вопросах быта и хозяйствования в большинстве семей определить трудно.

Изменения в жилище, одежде и семейных отношениях исследователи считали следствием возросшего жизненного уровня и увеличения «культурных потребностей». Большое место в книге отведено биографиям активистов, передовых колхозников и сельской интеллигенции. «Культурный рост» вирятинцев описывается через деятельность школы, избы-читальни, самодеятельности, подчеркивается интерес вирятинцев к книгам, кино, проводящимся в клубе лекциям. При этом эталоном роста «культурности» жителей села для авторов является его приближение к городскому образу жизни. Приведем итоги наблюдений за общественной и культурной жизнью Вирятина, которые даются в монографии:

«За годы Советской власти неизмеримо вырос уровень культуры вирятинцев. Возникли и прочно закрепились в быту новые культурные потребности, которые оказывают влияние на все стороны общественной и личной жизни сельского населения. Среди пожилых женщин в возрасте от 40 лет и выше развитие новых культурных потребностей происходит медленнее. Это обусловлено рядом причин, к которым нужно отнести и недостаточное образование, и загруженность работой в домашнем хозяйстве, в семье, и влияние пережитков старого в быту, в особенности религиозных предрассудков.

Несмотря на различный характер этих культурных потребностей и степень проникновения их в быт разных слоев сельского населения, можно считать несомненным, что процесс приближения культурного уровня сельского населения к культурному уровню трудящихся города происходит непрерывно. Однако различия в культурном уровне города и деревни все

еще значительны, особенно в степени проникновения культуры в повседневный быт. В селе в большей степени, чем в городе, сохраняются некоторые пережитки прошлого»²⁰⁶.

Эти выводы, как и весь текст книги, содержат большое количество оценочных суждений, заключенных в самих понятиях «уровня культуры», «пережитка», однозначном предпочтении городского уровня деревенскому и видении всех процессов с точки зрения приближения последнего к первому. Послевоенный период, как писала в отчете Шмелева, характеризуется прежде всего «подтягиванием» сельского быта к уровню города. Об этом свидетельствует электрофикация, радиофикация, многокомнатность и т.д. Однако «вкусы и культурные потребности деревни еще сильно отстают от города». В одежде также заметно «горячее стремление подражать городу», но и здесь «вкусы часто остаются еще очень неразвитыми», что выражается в приверженности вирятинцев к высоким резиновым ботам. Кулинария очень консервативна, питание однообразно. Вирятинцы по-прежнему едят вместе из одной миски. Это происходит, как считает этнограф, не от того, что в доме нет посуды, а из-за «недостаточно высоких культурных запросов»²⁰⁷.

Часто авторы выносят оценочные суждения о бытовых и культурных недостатках, бытующих среди вирятинцев, причем все они трактуются как пережитки прошлого. Так, в интерьерах «до сих пор» чувствуется влияние мещанских вкусов, проявляющееся в украшениях их «отвратительно размалеванными ковриками». Вину за это этнографы возлагают на культурно-просветительские и торговые организации²⁰⁸. Наиболее консервативной и отсталой частью населения были признаны пожилые женщины, «передовой и культурной» – молодежь, в особенности работающая в городе. Пожилые женщины являются хранителями семейной обрядности и религиозных предрассудков. К пережиткам этнографы отнесли отмечание религиозных праздников,

выполнение обрядов, связанных с рождением, смертью и вступлением в брак. Их «живучесть» объясняется «моральным давлением окружающих», боязнью осуждения со стороны родственников и соседей, в то время как «зачастую внутреннего побуждения к сохранению того или иного обычая уже не имеется»²⁰⁹. Молодежь выступает за сокращение или полное игнорирование свадебного ритуала. Тем не менее эти ритуалы соблюдаются, отмечаются церковные праздники, в домах висят иконы, детей крестят и т.д.: «религиозная идеология продолжает оказывать известное влияние на некоторую часть колхозного населения и, помогая консервации косных сторон быта, задерживает социалистическую перестройку деревенской жизни»²¹⁰.

Список «вредных пережиточных явлений» этим не исчерпывался. Этнографы отмечали, что в колхозе «Путь Ленина» встречаются нарушения трудовой дисциплины и недобросовестного отношения к общественной собственности. В материально обеспеченных семьях женщины уклоняются от работы и не выработывают минимума трудодней, не вовлекаются в общественную жизнь. Даже колхозные активисты «мало уделяли внимания духовному росту своих жен», которые после выхода замуж перестают участвовать в самодеятельности, танцевать в клубе и посещать комсомольские собрания. Часто встречаются «скороспелые браки», не основанные на «глубоких душевных связях». Наконец, «в быту сохранилось одно уродливое явление – это грубая брань»²¹¹.

После выхода в свет монографии состоялось ее обсуждение в самом селе. Вирятинцы, судя по отчету в «Советской этнографии», выражали благодарность этнографам, говорили о важности этой книги для потомков, а также для «повседневной агитационной работы» (мнение заведующего библиотекой). Однако наиболее оживленное обсуждение вызвала, по-видимому, опубликованная в книге фотография колхозника на поле в лаптях (см. илл.9). Заведующая библиотекой и учительница не одобрили помещение этой фото-

графии и утверждали, что лаптей уже даже на работе в поле не носят. Однако председатель колхоза не согласился с этим мнением: «Следы прошлого не надо скрывать. У нас хотя и мало, но, к сожалению, привычка ходить на работу в лаптях у некоторых еще имеется. Снимок, помещенный в книге, – В.Я. Жиряков в лаптях, – это не выдумка авторов, а действительность. Он всегда ходит на работу в лаптях, хотя у него есть несколько пар хорошей кожаной обуви»²¹². Л.Н. Чижикова вспоминает, что та же фотография вызвала отрицательную реакцию и редактора издательства АН, который старался скрасить «убогость» описываемого этнографами быта²¹³.

В данной связи важно подчеркнуть, что представления о «культурном уровне» и «культурности», высказываемые этнографами, были результатом не только их идеологических установок²¹⁴. Эти же установки отражались и в высказываниях многих информаторов, в особенности сельской интеллигенции. «Народ теперь стал выше, культурнее; в религиозные праздники все в кино идут», – говорил Ожогин²¹⁵. А один из престарелых информаторов, вспоминая дореволюционную деревню, подытожил свой рассказ следующим образом: «<...> относительно культуры, конечно, было так: мы перед вами сейчас, село перед городом, темны, а то село перед нашим селом куда темнее»²¹⁶. По словам Л.Н. Чижиковой, столь болезненная реакция на вышеупомянутую фотографию была обусловлена нежеланием колхозников выглядеть «лапотниками»²¹⁷.

«Село Вирятино», как известно, было не единственным итогом поворота к современности. В серии «Трудов» ИЭ вышли аналогичные монографии о киргизских и таджикских селениях, основанные на материалах экспедиций первой половины 1950-х годов: «Культура и быт таджикского колхозного крестьянства» (Н.И. Ершов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерева, С.П. Русайкина, 1954) и «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан» (С.М. Абрамзон, К.И. Антипина, Г.П. Васильева, Е.И. Махо-

ва, Д. Сулайманов, 1958). Композиционно при некоторых отличиях (не было деления на две части – дореволюционную и советскую, исторические сведения приводились в каждом разделе), указанные монографии были аналогичны: сначала излагалась история селений, начиная с археологических древностей до колхозной современности, затем описывались все отрасли колхозного хозяйства. Далее шло подробное описание материальной культуры, семейного быта, «общественной и культурной жизни» колхозников и трансформаций, которые они претерпели с середины XIX по середину XX вв. Схожими были декларируемые задачи: показать «великую преобразующую силу колхозного строя», процесс социалистического переустройства, а также выявить моменты, этот процесс тормозящие. На материале различных культур рисовалась схожая картина «скачка от отсталых патриархально-феодальных отношений к социалистическим»²¹⁸. Авторы монографий о киргизах и таджиках, прослеживали те же процессы, что и коллектив под руководством Кушнера; сочетание элементов «старого», традиционного и нового, привнесенного влиянием города, а затем советской власти в одежде, жилище, пище. Описывая семейный быт, обращали внимание на раскрепощение женщины и ее активное участие в колхозном производстве, равноправие в принятии решений и распределении обязанностей (отрицательные явления – сохранение неполноправного положения невестки в семье, женщины избегают ходить в клуб и т.п.); численность семьи и разделы больших семей (в больших семьях сохраняются «черты патриархальности»); самостоятельность молодежи. Соблюдение свадебных, родильных и других обрядов связывалось с влиянием людей старшего поколения, основных «носителей» пережитков. Подчеркивалось, что некоторые религиозные обряды бытуют, однако «выполняются больше по привычке, чем из религиозных побуждений»²¹⁹. В главах, посвященных общественной и культурной жизни, основное внимание уделялось работе сельсоветов, парторганизаций, истории

внедрения школьного образования, медицины, работе клубов, библиотек, распространению газет и радио.

27 января 1959 г. состоялось обсуждение монографий «Село Вирятино в прошлом и настоящем» и «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан» в ИЭ. Во вступительном слове П.И. Кушнер говорил о важности исторического подхода, об основной задаче изучения взаимосвязи различных сторон деревенского быта и влияния, которое колхоз оказывает на крестьянский быт и психологию. В целом позитивный, спокойный ход обсуждения был нарушен Р.Я. Рассудовой, выступившей с резкой критикой не только монографий, но и этнографической работы в целом. Основываясь на своем опыте работы в Узбекской АН, она описывала положение этнографов в этой республике как очень тяжелое:

«Во всех выступлениях, которые приходилось слышать в Узбекистане – выступлениях колхозников, сотрудников Института истории – лингвистов, экономистов, востоковедов, представителей других профессий – постоянно ставится такой вопрос: насколько полезны ваши книги – книги этнографов? Насколько помогают они колхозникам и советской власти строить новую жизнь<...>

Должна с большим сожалением и горечью отметить, что все отвечают на этот вопрос так: нет, не могут ваши этнографические работы по разделу хозяйства помочь колхозникам; этнографические работы написаны поверхностно, неинтересно, а некоторые говорят даже – необъективно»²²⁰.

Этнографические работы, ставящие задачей изучать преобразующую роль колхозного строя, не ставят, по ее словам, такие кардинальные вопросы, как организация труда, его оплата и, наконец, главный вопрос: довольны ли колхозники колхозным строем. Приведем выдержки из этого выступления:

«В конце концов, вопрос упирается в то, что же получает колхозник. И когдаходишь к цифрам с

реальной стороны, – после всех успехов, – получается, что 106 граммов масла в год. Вот вам и успехи! <...>

Вопрос упирается в то, как живут колхозники, а это зависит от многого, от организации труда, управления. Однако об этом в работе о селе Вириятино ничего не сказано.

<...> большей частью этнографы обходят отрицательные стороны колхозной жизни.

И вообще, если судить по работе, все происходит без людей. Урожай повысились, – а как повысились урожаи, об этом ничего не говорится. И почему-то обходится вопрос о налогах, об управлении общественным хозяйством, о ревизионной комиссии, о работе правления, об общих собраниях, об оплате председателя, бухгалтеров, бригадиров. Эти цифры никого не интересуют!»²²¹.

Выступление Рассудовой встретило, судя по стенограмме, бурную реакцию собрания: ее несколько раз прерывал С.П. Толстов. Т.А. Жданко в ответ на рассказ о положении узбекских этнографов сказала: «Они хотят получить инструкцию, а не исследование!», реплики из зала: «Это не наша задача!». Если Рассудова критиковала экономическую сторону исследований, то Жданко остановилась на изучении культуры:

«Мы очень часто пишем свои разделы формально, описывая работу клубов, рост образования, рост школ и т.д., и получается газетная статья, а не монографическое исследование, потому что мы очень мало обращаем внимания на чисто психологические вопросы, на изменение мировоззрения, изменение того, что называется духовной культурой <...> У нас в этом отношении получается какая-то конкуренция с писателями. Писатели тоже пишут о колхозах; я недавно побывала в Ленинграде и присутствовала при том, как обсуждался план какого-то писателя по изучению колхозного быта; там как раз говорилось о том, что нужно больше обращать внимание на культуру»²²².

Определенная «конкуренция с писателями» в связи с изучением колхозного крестьянства возникла несколько позднее, когда в «Новом мире» были опубликованы несколько рецензий на этнографические работы. Рецензия Л. Иванова на книгу Л.А. Анохиной и М.Н. Шмелевой «Культура и быт колхозников Калининской области» (М., 1964), была озаглавлена «Необъективные обобщения»²²³. В. Афанасьев в своей рецензии писал, что, хотя монография «Село Вирятино» содержит большой историко-этнографический материал и сведения о современном быте, «в отборе этих сведений сказалась инерция украшательского подхода к действительности». Более развернутой критике подверг этот рецензент монографии Анохиной и Шмелевой, указав на неполноту и скучность описаний современности, подмену изучения быта рассказами о производственных успехах. Также он видел предвзятость описания с точки зрения унификации и сближения с городом²²⁴.

Осуществленное под руководством Кушнера исследование получило отклик не только в стране, но и за рубежом. В 1970 г. оно было переведено (с небольшими сокращениями) на английский язык. Переводчик и автор предисловия Сула Бенет назвала «Село Вирятино» одним из первых «community studies» в Советском Союзе²²⁵. Данное исследование (наряду с работами Феноменова, Анохиной и Шмелевой, а также газетными публикациями) послужило одним из главных источников для изучения процессов культурных изменений в среде русского крестьянства, предпринятого американскими антропологами Стивенем и Этьен Данн. В предисловии к этой работе А. Вудинич, оценивая «колхозные» исследования советских этнографов, писал, что «колхозная этнография предоставляет более полную и важную информацию о достижениях и противоречиях социализма в деревне, чем любая другая социальная наука или социальная философия»²²⁶. Большое внимание американских антропологов привлекли именно семейные бюджеты, которые они подробно анализировали в своем исследова-

нии. В то же время они отметили, что цена трудодня в вирятинском колхозе «Путь Ленина» была значительно выше, чем в рядовых колхозах²²⁷.

Ю.В. Арутюнян, организовавший социологическое исследование села в 1960-е годы, также указывал на центральную проблему монографических исследований: «<...> степень достоверности, научной значимости социологического исследования во многом определяется тем, насколько типичен объект, насколько он улавливает характерные особенности, свойственные всей совокупности аналогичных объектов и явлений». Не говоря напрямую о «Селе Вирятино», он, однако, отмечал господствовавшую в советской литературе тенденцию отбора для исследований передовых хозяйств²²⁸.

В ходе дискуссий о развитии этнографии, развернувшихся в начале 1990-х годов, В.Н. Басилов высказал мнение о «колхозных монографиях» в целом. С одной стороны, по его мнению, они будут сохранять непреходящий интерес, так как «в них добросовестно и умело показаны особенности сельского быта», с другой стороны, отраженная в них картина неполна, так как изучать действительную эффективность колхозов было нельзя. В жизни русского крестьянства интересы этнографа были сужены, его интересовали, по словам Басилова, «элементы национальной пищи, обрывки фольклорной традиции, вологодские кружева и трудноуловимый психический склад. Короче говоря, этнографии было почти нечего делать в исследовании современности»²²⁹. Басилов связывал это с существованием цензуры и с негативным, по его мнению, влиянием теории этноса Ю.В. Бромля.

А.К. Байбурин, размышляя о традиции этнографического изучения быта, отметил, что монография «Село Вирятино» представляет интерес как памятник советской этнографической мысли: «Пафос «Села Вирятино» – описать перестройку жизни (и быта) за годы советской власти в “типичном” русском селе. Естественно, что в таких категориях,

как “прогрессивное – реакционное”, “пережитки – достижения” и им подобных, быт улавливался с трудом». Эта книга, по его мнению, отражает существовавшее официальное представление о культуре, «куда входили образование, музеи, театры, библиотеки», и о быте как о сфере, в которую должны проникать ценности этой культуры – отсюда такое внимание к данным о чтении газет, прослушивании радио и т.д. В то же время его оценка неоднозначна и вытекает из предложенной им концепции истории изучения «быта» в русской этнографии. Согласно данной концепции, начиная с XVIII в. это изучение предполагало как временную (занятия этногенезом), так и социальную (занятия исключительно традиционным крестьянским бытом, «замешанные» на его идеализации и архаизации) дистанции между ученым и изучаемой реальностью. Значение монографии «Село Вирятино» и последующих книг о сельском и городском быте он видит в том, что они положили начало процессу «снятия» этих дистанций, в результате которого уже в настоящее время появляются научные тексты, описывающие повседневность как «то, что происходит не просто здесь и сейчас, но и с нами в качестве действующих лиц»²³⁰.

Подводя итоги рассмотрения истории данного исследования, а также изучения «современности» в 1950-е гг. в целом, следует указать на существенные отличия этой ситуации от периода 1920-х – начала 1930-х годов. Тогда работы Кушнера, Толстова, Бернштама, Потапова, Токарева и др. были основаны на полевых материалах, собранных в аулах, кишлаках и деревнях, либо еще не затронутых, либо только вступающих в коллективизацию, и описывались в них в значительной степени социальные явления и слои населения, коллективизации препятствовавшие. Волна этих публикаций схлынула вместе с окончательным установлением колхозного строя, который, как официально считалось, уничтожил предшествующие социализму общественные уклады.

В послевоенный период этнографы описывали уже победивший колхозный строй и вызванные им перемены в жизни крестьянства. «Преимущества колхозного строя, – писал В.Н. Басилов, – следовало ясно видеть и показывать читателю»²³¹. С.П. Толстов, настойчиво призывавший этнографов на протяжении всего периода своего директорства отражать достижения социалистического переустройства культуры и быта народов СССР, говорил о «колхозных» монографиях:

«<...> не все то, что мы собираем, можно публиковать. Надо учесть, что нас слушают и читают не только советские читатели, наши работы читает весь мир <...> Нам волей-неволей приходится работать здесь очень осторожно, чтобы, с одной стороны, сказать, а с другой стороны, не сказать так, чтобы это могли использовать наши враги. В частности, это отражается и на этих книгах, потому что здесь не говорится многое из того, что мы могли бы сказать»²³².

Это, безусловно, чувствовали все этнографы, занимавшиеся современным бытом. В качестве примера можно привести характерный диалог, состоявшийся на заседании Ученого совета в 1948 г. Ленинградский этнограф Г.Г. Стратанович признавался:

«<...> материала по социалистическому строительству, вероятно, дать не смогу. Причина этого – сложившаяся обстановка <...> Мы там найдем не только много этнографических пережитков, но найдем такие вредные рецидивы этих пережитков, что просто страшно делается. Там повысилась детская смертность <...> В 1947 г. шор-тубинцы отметили поступательное движение – чем? – постройкой новой мечети. Но выступая здесь с таким материалом на нашем общественном и партийном активе, я, конечно, не пойду с ними в отчет, но я пойду в районную партийную организацию, а если секретарь райкома мне не ответит, пойду в обком и в ЦК»²³³.

Толстов ответил, что если Стратанович видит только «отрицательные стороны» и не видит «колоссальных достижений, которые мы каждый год фиксируем, когда приезжаем в наши экспедиции, это значит, что у него плохо ориентированный взгляд в этой области, не умеет он этого нащупать, и ему нужно суметь это сделать<...>»²³⁴.

Н.В. Шлыгиной, как и многим другим ученым, было предложено заниматься современным бытом изучаемого ею народа – эстонцев. Этнографический отряд, в котором она работала, произвел подворное обследование одного из колхозов. Наталья Васильевна настаивала на публикации среднего возраста членов полеводческой бригады данного колхоза. Однако этот показатель был очень неблагоприятным, так как после коллективизации в Эстонии наблюдался большой отток жителей в города. В публикации было отказано, а Шлыгиной разрешили оставить занятия современностью²³⁵.

Информация, добываемая этнографами, получила четкое деление на предназначенную для печати и для сведения властей. Отчет о работе Института этнографии за 1949 г. зафиксировал характерный рубеж: если до этого времени этнографы по окончании экспедиционных работ ограничивались устными докладами в местных организациях, то, начиная с этого года, вводился новый порядок: «<...> экспедиции, помимо научного отчета, представляют специальные доклады для директивных органов. Они должны включать сведения, имеющие значение для практики хозяйственного и культурного строительства на местах, отмечать обнаруженные в ходе исследования недостатки, содержать конкретные предложения по практическим вопросам»²³⁶.

Это привело к возникновению целого своеобразного жанра этнографических «докладных записок» и «отчетов о современном состоянии», получивших большое распространение в 1950–1960-х годы.²³⁷ С.М. Абрамзон был одним из пионеров этого жанра. Уже в 1948 г., изучая один из колхозов, он пришел к выводу о «семейно-родовых связях ру-

ководителей и актива колхоза как главной пружине различных неполадок и прямых нарушений устава сельскохозяйственной артели». Сторонник активной позиции в борьбе с «вредными пережитками», он поделился этими наблюдениями с руководителями Тяньшаньского обкома ВКП(б), которые согласились с отрицательной ролью семейно-родовых связей²³⁸.

П.И. Кушнер предложил следующее определение задач этнографа в изучении современности: «<...> его основное внимание направлено на отображение подлинной жизни с ее современным бытом, в котором новое побеждает старое. Как исследователь, а не созерцатель, советский этнограф не просто описывает, а изучает корни всякого явления и его сущность; и так как вместе с тем каждый советский ученый является активным строителем жизни, он должен стремиться облегчить рождение и укрепление новых, социалистических навыков и обычаев»²³⁹. Бросается в глаза сходство этой формулировки с определением А.А. Ждановым метода социалистического реализма в художественной литературе, согласно которому писатель должен «<...> во-первых, знать жизнь, чтобы уметь изобразить ее в художественных произведениях, изобразить не схоластически, не мертво, а изобразить действительность в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма»²⁴⁰. При всей разнице между художественной литературой и этнографической наукой «этнографии социалистического реализма» присущи характерные черты литературы данного периода. Применительно к этнографическим работам о малых народах Севера это сходство подметил Ю. Слезкин²⁴¹.

Однако самоцензура, свойственная ученым того времени, проявлялась и в различных формулировках самих задач исследования, предназначавшихся и не предназначавшихся для печати. Это можно видеть и на примере Куш-

нера. Протокол партсобрания ИЭ 19 сентября 1949 г. зафиксировал следующее выступление ученого:

«Кушнер напоминает слова т. Сталина, что ученый должен быть правдив на все 100%. У нас же иногда фиксируют только достижения социалистического строительства и делают вид, что не замечают недостатков и пережитков. Долг же советского ученого серьезно проанализировать все недостатки и помочь их скорейшему изживанию. Фиксировать надо все, конечно, не все собранные материалы могут быть напечатаны, но они должны доводиться до сведения соответствующих организаций и обобщаться»²⁴².

Следует иметь в виду, что в первой половине 1950-х годов этнографы были единственными учеными, проводившими эмпирическое изучение образа жизни и культурных процессов в современной деревне. Таким образом, несмотря на внешние и внутренние идеологические рамки, в которые данные исследования заключались, шел процесс накопления методологических разработок, постановки связанных с современностью исследовательских проблем. Н.В. Шлыгина считает, что, несмотря на неполноту информации, тенденцию к «лакировке действительности» и т.п., опыт изучения современности не прошел зря, был «небесполезен»²⁴³. Авторитетный современный исследователь советского крестьянства О.М. Вербицкая при всем оправданном критическом отношении к советской историографии достаточно широко использует работы этнографов, в том числе «Село Вирятино» при описании происходивших на селе культурно-бытовых процессов. Она указывает на крайне узкое понимание культуры в советской аграрной историографии, сводившееся к проблемам культурного строительства и подсчету «количества школ, клубов, библиотек и т.п.». В то же время при рассмотрении развития крестьянского жилища, одежды, питания и других элементов повседневного быта, а также религиозности, она во многом основывается на выводах этнографов. Впрочем, к констатации

фактов, описанных этнографами, она добавляет вывод о том, что суть «изменений, происходивших в крестьянине» заключалась в «отлучении его от земли и утрате чувства хозяина». «Однако, – продолжает она, – нельзя сказать, что за это время крестьяне только теряли и ничего не приобрели взамен. Хотя крестьянин по-прежнему работал на земле, все же досуг его стал гораздо большим, а круг интересов расширился. “Крестьянствование” и все, что с ним связано, в сознании земледельца переместилось на более дальние позиции, а культура, лишившись прежнего духовного содержания, стала более поверхностной, хотя и несколько разностороннее»²⁴⁴.

Кушнер был первым в послевоенный период, кто привлек внимание этнографов к необходимости использовать статистический материал для изучения процессов, происходящих в колхозной семье. Разработанной им посемейной анкетой пользовались этнографы многих союзных республик. Намечая планы будущих работ по теме «Семья и семейный быт», он предостерегал этнографов от тенденции «лакировки действительности» и ставил такие непростые проблемы, как изучение «приспособления форм семьи к условиям советского землепользования», роли и характера власти глав колхозных семей, причин распада и сохранения больших семей, говорил о необходимости привлечения таких нетрадиционных для этнографии источников, как судебные материалы о бытовых преступлениях и т.д.²⁴⁵. Традиция монографических исследований этнографами отдельных сел в 1960–1970-е годы не получила развития. Тем не менее, уже в постсоветское время В.Н. Басилов, организуя изучение узбекского кишлака Миндон, рекомендовал своим коллегам ориентироваться на пример «Села Вирятино»²⁴⁶.

¹ *Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография (далее – СЭ). 1931. № 1–2. С. 20.

² Резолюции Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5–6. С. 93.

³ *Соловей Т.Д.* «Коренной перелом» в отечественной этнографии // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 2001. № 3. С. 116.

⁴ См. подробнее: *Решетов А.М.* Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 // ЭО. 2003. № 5.

⁵ *Струве В.В.* Советская этнография и ее перспективы // Советская этнография. Сборник статей. № 2. М.;Л., 1939. С. 3–5.

⁶ Благодарим судьбу за встречу с ним. О С.А. Токареве – ученом и человеке. М., 1995. С. 166.

⁷ Решения пленума ЦК ВКП (б) и задачи научной общественности // Фронт науки и техники. 1937. № 5. С. 10.

⁸ От редакции // СЭ. 1936. № 6. С. 3–6.

⁹ *Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С.* О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2. С. 82. В 1953 г. в «памятной записке» под названием «Неотложные мероприятия для развития советской этнографии» Толстов прямо писал о «разгроме», который перенесла этнография в 1928–1932 гг., о сведениях ее роли «к обслуживанию потребностей археологии». В результате развала этнографических учреждений «молодые в то время кадры этнографов вынуждены были переквалифицироваться, сделаться историками (Токарев), археологами (Куфтин, Руденко, Чернецов, Бернштам и др.), языковедами (Баскаков, Гринкова и др.), литературоведами (Чичеров и др.), географами (Зайчиков и др.) и т.д.». После Великой Отечественной войны, продолжал он, «когда стало особенно ясно, в чем конкретно этнография может оказать существенную помощь нашему государству, начался поворот советской этнографии к новой тематике» // Из личного архива Г.П. Кушнера.

¹⁰ *Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С.* О методах вредительства в археологии и этнографии. С. 79. Следует упомянуть, о том, что в 1962 г. Арциховский и Толстов написали в Отделение исторических наук АН СССР «покаянное письмо». В нем они признавали, что в 1937 г. «верили тому, что тогда писа-

лось в печати о так называемых врагах народа», однако теперь считают научным долгом заявить, что Аптекарь, Быковский, Маторин, Пригожин и др. были «честными научными работниками» и «полезными научными администраторами». Авторы письма предлагали «найти пути восстановления доброго имени археологов и этнографов, погибших во времена культа личности». См.: *Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И.* Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в.* М., 2004. С.208–209.

¹¹ Об этом см.: *Шнирельман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // *ЭО.* 1993. № 3. С. 52–68.

¹² Архив Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 478. Оп. 1. Д. 88. Л. 23.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ См. об этом: *Вайнштейн О.Л.* История советской медиэвистики. 1917-1966. Л., 1968. С. 207–210.

¹⁵ *Удальцов А.Д.* Теоретические основы этногенетических исследований // *Известия АН СССР. Серия философии и истории.* 1944. № 6. С. 252–253.

¹⁶ Там же. С. 257.

¹⁷ Благодарим судьбу за встречу с ним. С. 184.

¹⁸ *Токарев С.А.* К постановке проблемы этногенеза // *СЭ.* 1949. № 3. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 167. Л. 21–22, 26.

²¹ Там же. Д. 637. Л. 20.

²² *Толстов С.П.* Этнография и современность // *СЭ.* 1946. № 1. С. 3.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. С. 9.

²⁵ Там же. С. 20–21.

²⁶ *Толстов С.П.* Основные задачи и пути развития советской этнографии // *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (далее – КСИЭ).* Вып. 12. М.;Л. 1950. С. 3.

²⁷ Цит. по: *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951. С. 6.

²⁸ Кушнер (Кнышев) П.И. Учение Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии // СЭ. 1949. № 4. С. 17.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. С. 6.

³¹ Там же. С. 7.

³² АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 861. Л. 9–10.

³³ Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. С. 42–47.

³⁴ Быковский С.Н. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3–4. С. 12.

³⁵ Там же. С. 9.

³⁶ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1952. С. 12.

³⁷ Толстов С.П. Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // СЭ. 1951. № 3. С. 3–14.

³⁸ Совещания по методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о нации и языке // СЭ. 1951. № 4. С. 5.

³⁹ Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // СЭ. 1951. № 3. С. 13.

⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴¹ Там же. С. 17.

⁴² Кушнер (Кнышев) П.И. Этнические территории и этнические границы. С. 6; он же. Учение Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии. С. 11

⁴³ Там же. С. 12.

⁴⁴ Вернадский В.И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России // Вернадский В.И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 244.

⁴⁵ Золотарев Д. Десятилетие Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР (КИПС) (1917–1927) // Человек. 1928. № 1. С. 72.

⁴⁶ Там же. С. 73.

-
- ⁴⁷ Подробнее о работе КИПС см. *Hirsch F. Empire of Nations. Ethnographic knowledge and the Making of the Soviet Union.* N.Y.;L., 2005.
- ⁴⁸ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 116. Л. 42.
- ⁴⁹ Там же. Оп. 1 (1942–1948). Д. 6. Л. 15.
- ⁵⁰ В состав этой Комиссии входили С.А. Токарев и П.И. Кушнер // Устное сообщение В.И. Козлова.
- ⁵¹ АРАН. Ф. 142. Оп.1 (1942-1948). Д. 2. Л. 15.
- ⁵² Там же. Д. 5. Л. 1.
- ⁵³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 398. Л. 61.
- ⁵⁴ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1942–1948). Д. 5. Л. 17–18.
- ⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 398. Л. 66–74.
- ⁵⁶ Там же. Л. 80–81.
- ⁵⁷ *Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала. М., 2005. С. 215.
- ⁵⁸ *Кушнер П.* Меморандум правительства Федеративной народной республики Югославии об этническом составе Юлийской Краины // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3. № 3; *Токарев С.А.* Из новой литературы о проблеме Юлийской Краины // СЭ. 1946. № 3.
- ⁵⁹ См. подробное описание в дневнике С.А. Токарева, опублик. в: Проблемы итальянской истории. Вып. 6. М., 1993. С. 244–265.
- ⁶⁰ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 116. Л. 3.
- ⁶¹ *Кушнер (Кнышев) П.И.* К методологии определения этнографических территорий // СЭ. 1946. № 1. С. 14.
- ⁶² *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 109.
- ⁶³ Там же. С. 240, 268.
- ⁶⁴ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 116. Л. 30.
- ⁶⁵ Там же. Л. 34.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 1 (1942–1948). Д. 5. Л. 38–41.
- ⁶⁷ Следует отметить, что это соображение, хотя и не повлияло на выводы Кушнера, но заставило его скорректировать терминологию: если первоначально он говорил об этнических границах, но этнографических территориях (к примеру, статья 1946 г. «К методологии определения этнографических территорий»), то сама

книга носила, как известно, название «Этнические территории и этнические границы».

⁶⁸ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 116. Л. 16–28.

⁶⁹ Текст доклада опубликован не был. См. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 373. Л. 43–50.

⁷⁰ *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 63.

⁷¹ *Кушнер П.И.* Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики. Вильнюс, 1991. С. 5.

⁷² Там же. С. 177

⁷³ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 18.

⁷⁴ Там же. С. 42.

⁷⁵ Там же. С. 56.

⁷⁶ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Об этнической статистике европейских стран // КСИЭ. Вып. 2. М.;Л., 1947. С. 67.

⁷⁷ *Терлецкий П.Е.* О методах анализа и корректирования данных переписей об этническом составе населения зарубежной Европы // СЭ. 1949. № 3. С. 144–152.

⁷⁸ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Методы картографирования национального состава населения // СЭ. 1950. № 4.

⁷⁹ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Новая учебная этнографическая карта СССР // СЭ. 1951. № 1. С. 181–182.

⁸⁰ *Кушнер (Кнышев) П.И.* О национальном составе населения Латвии в 1935 г. (объяснительная записка к карте) // Труды Института этнографии АН СССР. Т.23. М., 1954. С. 197–215.

⁸¹ *Терлецкий П.Е.* О новом методе этнического картографирования // СЭ. 1953. № 1. С. 27–37.

⁸² Подробнее см.: *Брук С.И., Козлов В.И.* Основные проблемы этнической картографии // СЭ. 1961. № 5. С. 11.

⁸³ *Джарылгасинова Р.Ш.* Теория этнического самосознания в советской этнографической науке // СЭ. 1987. № 4. С. 10.

⁸⁴ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 67–68, 70–77.

⁸⁵ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 280. Л. 5.

⁸⁶ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Национальное самосознание как этнический определитель // КСИЭ. Вып. 8. М.;Л., 1949. С. 8.

⁸⁷ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 61.

-
- ⁸⁸ АРАН, Ф. 142. Оп. 1. Д. 280. Л. 19, 24–25; *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 61–63, 69.
- ⁸⁹ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 280. Л. 22.
- ⁹⁰ Там же. Л. 27.
- ⁹¹ *Моногарова Л.Ф.* Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. Вып. 16. Памир. М., 1975. См. также: *Чешко С.В.* Не публицистично, но и не научно (ответ оппоненту) // СЭ. 1989. № 5; *Моногарова Л.Ф.* Памирцы – народности или субэтносы таджиков // Там же.
- ⁹² Народы СССР. Краткий справочник. / Под ред. С.П. Толстова, П.И. Кушнера и П.Е. Терлецкого. М.;Л., 1958.
- ⁹³ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 224. Л. 11.
- ⁹⁴ Центральный архив общественно-политической истории Москвы (далее – ЦАОПИМ). Ф. 7349. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
- ⁹⁵ *Гарданов В.К. Долгих Б.О. Жданко Т.А.* Основные направления этнических процессов у народов СССР // СЭ. 1961. № 4. С. 12.
- ⁹⁶ *Козлов В.И.* Современные этнические процессы в СССР // СЭ. 1969. № 2. С. 64.
- ⁹⁷ *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М., 1969. С. 258–272.
- ⁹⁸ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 62.
- ⁹⁹ О дальнейшей теоретической разработке проблемы этнических процессов см.: *Пучков П.И.* Этническая ситуация в Океании. М., 1983. С. 148–164.
- ¹⁰⁰ *Кушнер (Кнышев) П.И.* О процессе изменения некоторых этнографических особенностей быта сельского населения в многонациональных районах СССР. Тезисы доклада // Документ из личного архива Г.П. Кушнера. Доклад был сделан в Праге и Братиславе соответственно 26 и 29 октября 1953 г.
- ¹⁰¹ *Чижилова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988.
- ¹⁰² *Кушнер П.И.* Национальность и семья (тезисы) Л. 2–3 // Личный архив Г.П. Кушнера.
- ¹⁰³ *В.И. Козлов* Современные этнические процессы в СССР. С. 67.

-
- ¹⁰⁴ *Терентьева Л.Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // СЭ. 1969. № 3.
- ¹⁰⁵ *Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г.* О предмете и задачах этногеографии // СЭ. 1963. № 1. С. 14–16.
- ¹⁰⁶ *Андреанов Б.В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме. Автореф. канд. диссертации. М., 1951. С. 1.
- ¹⁰⁷ *Козлов В.И.* Расселение мордвы – эрзи и мокши // СЭ. 1958. № 2. С. 45–46.
- ¹⁰⁸ *Козлов В.И.* Расселение мордовского народа в середине XIX – начале XX вв. Автореф. канд. диссертации. М., 1956. С. 6.
- ¹⁰⁹ *Козлов В.И.* К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы) // СЭ. 1961. № 4. С. 68–71.
- ¹¹⁰ Устное сообщение В.И. Козлова.
- ¹¹¹ *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 23.
- ¹¹² *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173.
- ¹¹³ *Козлов В.И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2. С. 80–81.
- ¹¹⁴ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 7.
- ¹¹⁵ Устное сообщение В.И. Козлова.
- ¹¹⁶ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. С. 42–47.
- ¹¹⁷ Численность и расселение народов мира. / Под ред. С.И. Брука. М., 1962. С. 29, 36.
- ¹¹⁸ *Козлов В.И.* Динамика численности народов. С. 48–49.
- ¹¹⁹ *Козлов В.И.* О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2. С. 111.
- ¹²⁰ ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 13. Л. 10, 11, 45.
- ¹²¹ *Арутюнян Ю.В., Дробизева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1999. С. 164.
- ¹²² *Шервуд Е.А.* От англосаксов к англичанам. К проблеме формирования английского народа. М., 1988.
- ¹²³ *Игнатьев Р.Н.* Влияние политических границ на этническое самосознание. Диссертация на соискание ученого звания канд. историч. наук. М., 2002. С. 6.
- ¹²⁴ *Игнатьев Р.Н.* Проблемы и подходы в изучении политических и этнических границ // Европа на рубеже третьего тысячелетия

тия. М., 2000. С. 303. См. также *Игнатьев Р.Н.* Концептуальные подходы к изучению этнических и политических границ в зарубежных и отечественных исследованиях // Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование. / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М., 2005.

¹²⁵ *Брук С.И., Рабинович М.Г.* Историко-этнографические атласы // СЭ. 1964. № 4. С. 102.

¹²⁶ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 640. Л. 5.

¹²⁷ Там же. Д. 754. Л.6–7.

¹²⁸ *Жданко Т.А.* Историко-этнографический атлас Средней Азии // СЭ. 1955. № 3. С. 26.

¹²⁹ *Кушнер (Кнышев) П.И.* О Русском историко-этнографическом атласе // КСИЭ. Вып. 22. М., 1955. С. 6.

¹³⁰ *Левин М.Г.* Этнографический атлас Сибири // КСИЭ. Вып. 15. М., 1952. С. 3–7; Историко-этнографический атлас Сибири. / Под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М.;Л., 1961. С. 4.

¹³¹ «Русские». Историко-этнографический атлас. Отв. ред. П.И. Кушнер. М., 1967. С. 13.

¹³² *Кушнер (Кнышев) П.И.* О Русском историко-этнографическом атласе. С. 5–6.

¹³³ *Шингарев А.Н.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907.

¹³⁴ Подробный обзор этих работ см.: *Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М., 1968.

¹³⁵ *Феноменов М.Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Ч. I Производительные силы деревни. Ч. II. Старый и новый быт. М.;Л., 1925.

¹³⁶ *А.Д.* Институт по изучению народов СССР (ИПИН) // СЭ. 1931. №1–2. С. 157.

¹³⁷ *Маторин Н.М.* Предисловие // Труд и быт в колхозах. Сб.1. Л., 1931. С. 5.

¹³⁸ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 352. Л. 111.

¹³⁹ *Левин М.Г.* Полевые исследования Института за 1947 г. // СЭ. 1948. № 3. С. 135–139.

¹⁴⁰ Опубликованный в СЭ отчет об этом заседании был озаглавлен «Обсуждение научно-исследовательской работы Института этнографии АН СССР», процитированное «расширение» содержится в протоколах этого заседания // АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 167.

¹⁴¹ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 167. Л. 55.

¹⁴² Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 сентября 1947 г. гласил: «ЦК ВКП(б) отмечает серьезное отставание экономической науки от потребностей социалистического хозяйства. Существующие в системе АН СССР Институт экономики и Институт мирового хозяйства оторваны от государственных хозяйственных органов, в первую очередь от Госплана СССР<...>» // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922-1952. / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000. С. 361.

¹⁴³ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 220. Л. 113.

¹⁴⁴ Там же. Д. 167. Л. 33.

¹⁴⁵ Там же. Д. 212. Л. 28.

¹⁴⁶ Там же. Л. 78. Отметим, что в качестве приверженцев этой позиции С.П. Толстов и Л.П. Потапов резко критиковали прежде всего Д.К. Зеленина и В.Я. Проппа.

¹⁴⁷ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 167. Л. 73–75.

¹⁴⁸ См. об этом: *Решетов А.М.* Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века.* М., 2004. С. 373–374.

¹⁴⁹ *Г.С. Маслова* «Культура и быт одного колхоза Подмосквья», *В.Ю. Крутянская и Л. Старцева* «Фольклор колхозного хутора», *О.А. Корбе и Е.И. Махова* «Быт и культура казахского колхозного аула», *Я.Р. Винников* «Быт и культура туркменского колхозного села», *С.М. Абрамзон* «В киргизских колхозах Тянь-Шаня», *Т.А. Жданко* «Быт каракалпакского колхозного села», *К.Л. Задыхина* «В узбекском колхозе дельты Аму-Дарьи», *З.А. Никольская* «Даргинский колхоз “Красный партизан”», *Б.О. Долгих* «Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа» и *Ю.В. Иванова* «В албанском колхозе».

¹⁵⁰ *Кушнер (Кньшев) П.И.* Колхоз как объект этнографического изучения (тезисы доклада). Л.1. Единственный известный автору экземпляр этого текста сохранился в личном архиве Г.П. Кушнера. Текст не датирован, однако можно предположить, что он написан в 1948–1949 гг.

¹⁵¹ Там же. Л. 3.

¹⁵² КСИЭ. Вып. 12. М.;Л., 1950. С. 130–135.

¹⁵³ *Жданко Т.А.* Этнографическое совещание 1951 г. // СЭ. №2. С. 221–222.

-
- ¹⁵⁴ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 352. Л. 2–25.
- ¹⁵⁵ Там же. Д. 278. Л. 33.
- ¹⁵⁶ Письмо Кушнера директору Института этнографии АН СССР. 1 лист. Датировано 6 октября 1951 г. // Личный архив Г.П. Кушнера.
- ¹⁵⁷ *Толстов С.П.* Неотложные мероприятия для развития советской этнографии (памятная записка). Л.5. // Личный архив Г.П. Кушнера.
- ¹⁵⁸ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 345. Л. 12.
- ¹⁵⁹ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Об этнографическом изучении колхозного крестьянства // СЭ. 1952. № 1. С. 135–141.
- ¹⁶⁰ *Воробьев Н.И.* К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства // СЭ. 1952. № 1. С. 142–145.
- ¹⁶¹ *Кисляков Н.А.* К вопросу об этнографическом изучении колхозов // Там же. С. 146–149.
- ¹⁶² *Воздвиженская О.Н., Лащук Л.П.* О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства // Там же. С. 149–153
- ¹⁶³ *Абрамзон С.М.* Об этнографическом изучении колхозного крестьянства // СЭ. 1952. № 3. С. 145–150.
- ¹⁶⁴ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Об этнографическом изучении социалистической культуры и быта народов СССР // СЭ. 1953. № 1. С. 12.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 13.
- ¹⁶⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 5, Оп. 17. Д. 426. Л. 22.
- ¹⁶⁷ Там же. Л. 24.
- ¹⁶⁸ Письмо П.И. Кушнера С.П. Толстову от 6 февраля 1953 г. // Личный архив Г.П. Кушнера.
- ¹⁶⁹ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 439. Л. 30
- ¹⁷⁰ Там же. Л. 31.
- ¹⁷¹ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Об этнографическом изучении социалистической культуры и быта народов СССР. С. 24.
- ¹⁷² АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 352. Л. 5–6.
- ¹⁷³ Архив Института этнологии и антропологии РАН (далее – АИЭА). Ф. 32. Оп. 3. Д. 2508. Л. 9.
- ¹⁷⁴ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 509. Л. 16.
- ¹⁷⁵ Там же. Л. 17–18.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 29.

-
- ¹⁷⁷ Там же. Л. 33.
- ¹⁷⁸ Там же.
- ¹⁷⁹ Там же. Л. 9.
- ¹⁸⁰ ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 6. Л. 30, 32.
- ¹⁸¹ Там же. Л. 34.
- ¹⁸² Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992. С. 26.
- ¹⁸³ Там же. С. 36, 150.
- ¹⁸⁴ ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 6. Л. 128–129.
- ¹⁸⁵ Там же. Д. 7. Л. 18.
- ¹⁸⁶ *Жданко Т.А., Крупянская В.Ю., Терентьева Л.Н.* Об организации и методике полевых исследований // СЭ. 1956. № 3.
- ¹⁸⁷ Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований // СЭ. 1985. № 4. С. 64.
- ¹⁸⁸ Село Вирятино в прошлом и настоящем. / Отв. ред. П.И. Кушнер. М., 1958. С. 7.
- ¹⁸⁹ *Жданко Т.А., Крупянская В.Ю., Терентьева Л.Н.* Об организации и методике полевых этнографических исследований. С.30.
- ¹⁹⁰ Устное сообщение Л.Н. Чижиковой.
- ¹⁹¹ *Шмелева М.Н.* Отчет о работе в области материальной культуры во время экспедиции в Тамбовскую область зимой 1953 г. // АИЭА. Ф. 142. Оп. 2. Д. 18. Л. 112.
- ¹⁹² *Чижикова Л.Н.* Исследование современного жилища колхозников по материалам с. Вирятино Тамбовской области // АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 591. Л. 30.
- ¹⁹³ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1070. Л. 13–14.
- ¹⁹⁴ Устное сообщение Л.Н. Чижиковой. По воспоминаниям Д.Д. Тумаркина (устное сообщение), темпераментной рассказчице с несомненными литературными задатками, Софье Борисовне Рождественской хуже давались “скучные” академические, в особенности обобщающие тексты.
- ¹⁹⁵ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 243.
- ¹⁹⁶ АИЭА. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2590. Л. 20.
- ¹⁹⁷ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 217–218.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 130.
- ¹⁹⁹ АИЭА. Ф. 32. Оп. 4. Д. 2576. Л. 8–10.
- ²⁰⁰ Ст. и Э. Даны, базируясь на других источниках, указывают на существование в 1950-е годы в районе Вирятино и в самой деревне секты «молчальников», причем в Вирятино жила женщина,

объявленная ими святой // *Dunn St. & E. The Peasants of Central Russia*. N.Y., 1967. P. 106–107.

²⁰¹ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 242.

²⁰² Письмо С.М. Ожогина Кушнеру. Вирятино. 26.03.55 // АИЭА. Ф. 32. Оп. 4. Д. 448/Д. Л. 11.

²⁰³ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 169–177.

²⁰⁴ Там же. С. 206.

²⁰⁵ Там же. С. 214.

²⁰⁶ Там же. С. 278.

²⁰⁷ АИЭА. Ф. 142. Оп. 2. Д. 18. Л. 138–140. Слово «сильно» было зачеркнуто рукой Кушнера, правившего доклад.

²⁰⁸ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 192.

²⁰⁹ Там же. С. 230.

²¹⁰ Там же. С. 233.

²¹¹ Там же. С. 248–250.

²¹² Дьяков Е.А., Стародубова А.А., Стародубов С.И. Обсуждение книги «Село Вирятино в прошлом и настоящем» // СЭ. 1959. № 2. С. 133. Эта заметка – пожалуй, уникальный случай появления в профессиональном журнале этнографов текста, написанного «информаторами»: двумя пожилыми колхозниками и библиотекарем.

²¹³ Устное сообщение Л.Н. Чижиковой.

²¹⁴ В этой связи приведем характерную цитату из выступления Кушнера на обсуждении монографии в ИЭ: «...очень трудно нам давалось изучение культурной жизни в колхозе, культурной не в таком понимании, как обычно – состояние клуба, школы, культурно-просветительской работы, которые имеются в каждом селении, а рост внутренней культурности в колхозниках, отражение этой культурности в их быте, кругозоре населения» // АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1070. Л. 13.

²¹⁵ АИЭА. Ф. 32. Оп. 4. Д. 4246. Л. 7.

²¹⁶ Там же. Д. 2576. Л. 83–84.

²¹⁷ Устное сообщение Л.Н. Чижиковой.

²¹⁸ Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. / Под ред. С.М. Абрамзона. М., 1958. С. 313.

²¹⁹ Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. / Под ред. Н.А. Кислякова. М., Л., 1954. С. 190.

²²⁰ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1070. Л. 65–66.

²²¹ Там же. Л. 69–72.

-
- ²²² Там же. Л. 79–80.
- ²²³ *Иванов Л.* Необъективные обобщения // *Новый мир.* 1965. № 4.
- ²²⁴ *Афанасьев В.* Этнографическое изучение современного села // *Новый мир.* 1968. № 10. С. 273.
- ²²⁵ *The Village of Viriatino.* N.Y., 1970. P. IX.
- ²²⁶ *Vucinich A.* Foreword // *Dunn St. & E.* *The Peasants of Central Russia.* N.Y. 1967. P. X.
- ²²⁷ *Dunn St. & E.* *The Peasants of Central Russia.* P. 59.
- ²²⁸ *Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М., 1968. С. 30–31.
- ²²⁹ *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // *ЭО.* 1992. № 4. С. 8.
- ²³⁰ *Байбурун А.К.* Этнография нашего быта // *Утехин И.* *Очерки коммунального быта.* М., 2004. С. 10–13.
- ²³¹ *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? С. 4.
- ²³² АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1050. Л. 48.
- ²³³ Там же. Д. 168. Л. 48.
- ²³⁴ Там же. Д. 169. Л. 104.
- ²³⁵ Устное сообщение Н.В. Шлыгиной.
- ²³⁶ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 206. Л. 4–5.
- ²³⁷ См. Этнологическая экспертиза. Народы севера России. 1956–1958 годы. / Под ред. З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой. М., 2004; Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1959–1962 годы. / Под ред. З.П. Соколовой и Е.А. Пивневой. М., 2005.
- ²³⁸ АИЭА. Ф. 142. Оп. 2. Д. 8. Л. 12–13.
- ²³⁹ *Кушнер (Кнышев) П.И.* Учение И.В. Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии. С. 19.
- ²⁴⁰ Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М., 1990. С. 4.
- ²⁴¹ *Slezkin Yu.* *Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North.* Berkeley. 1994. См. главу «Socialist Realism in Social Sciences».
- ²⁴² ЦАОПИМ. Ф. 7349. Оп. 1. Д. 2. Л. 191.
- ²⁴³ Устное сообщение Н.В. Шлыгиной.
- ²⁴⁴ *Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. С. 13, 189.

²⁴⁵ Кушнер (Кнышев) П.И. О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье // СЭ. 1956. № 3. С. 19–22.

²⁴⁶ Устное сообщение О.Б. Наумовой.

Научное творчество и судьба каждого ученого, как и любого человека, уникальны. Безусловно, существуют черты сходства, свойственные представителям одной школы или поколения ученых, однако «типичный» советский этнограф – понятие не менее проблематичное, чем типичное русское село. П.И. Кушнер, в особенности если исходить из его биографии, меньше всего подходит на эту роль. Такие факты этой биографии, как длительная подпольно-революционная деятельность, занятие видных постов в партийной и государственной иерархии, наконец, знакомство со Сталиным и проживание в «доме на набережной» выделяют его из ряда коллег. Однако интерес и показательность фигуры П.И. Кушнера с точки зрения истории этнографии состоят именно в том, что он сумел достаточно органично соединить две стороны своей личности – принципиального большевика, партийного работника и, в то же время, серьезного ученого. Рассмотрение его творчества и жизненного пути выводит, таким образом, на принципиальную для истории отечественной науки XX в. тему о ее взаимоотношениях с официальной идеологией и государственной политикой. Научная деятельность П.И. Кушнера отражает наиболее политически актуальные сюжеты в науке данного периода, позволяет проследить историю предъявляемых ей социальных заказов, влияние идеологии на практику научных, в данном случае этнографических, исследований.

Взаимоотношения науки и идеологии – сложная философская проблема. Наука – это особый вид познавательной деятельности, направленный на выработку системно

организованных знаний о мире, осуществляемый сообществом ученых, разделяющих определенные базовые представления о способе получения этих знаний, интерпретации новых открытий и т.д. Идеология же является совокупностью ценностей и взглядов индивидов, определяющей их отношение к существующему обществу и направляющей их деятельность на достижение определенных социальных целей. У Маркса и Энгельса в «Немецкой идеологии» слово «идеология» имело негативный смысл и означало ложное представление о социальной действительности, «ложное сознание». Они противопоставляли ему науку, к которой причисляли и выработанную ими философию истории. Ленин уже не противопоставлял науку и идеологию, именно ему принадлежит понятие «научной идеологии», то есть марксизма, сочетающего строгую научность с открытой социальной ангажированностью¹.

Представления большевиков о роли науки в социалистическом обществе и претензии марксизма на исключительную научность выразил главный идеолог партии в этом вопросе Н.И. Бухарин: «<...> коммунистическая политика классовой борьбы есть *научная* политика и притом *единственно* научная политика (курсив авт. – С.А.)»². Революционные перемены должны, по его мнению, произвести революцию и в науке как с точки зрения ее взаимоотношений с обществом, так и организации и методологии самого научного процесса. Наука не просто становится «на службу» строительства социализма, но, по словам Бухарина, «строительство социализма само есть наука в действии». Провозглашая такую значительную роль науки, Бухарин не забывает добавить, что она сама должна подвергнуться трансформации: «<...> социалистическая организация общества дает всей науке единство метода, неизбежно выдвигая в качестве такового диалектический материализм Маркса»³. Эти взгляды обусловили характерные особенности возникшей в СССР организации науки. Основными ее чертами были: теоретическое и идеологическое единство, коллективизм,

прикладная ориентация и централизованное планирование исследований⁴.

Официальная позиция, которой с различной степенью искренности придерживались ученые, в том числе этнографы, была сформулирована Ю.П. Аверкиевой в ответе на вопрос американского антрополога Ст. Данна о степени свободы советских этнографов в системе централизованного планирования исследований: «<...> наши научные интересы, как и наши личные интересы, не расходятся с интересами общества, в котором мы живем и строителями которого мы являемся. Правительственная политика в нашей советской стране проводится в интересах народа и строится на научной основе, и этнографы СССР стремятся вносить свой вклад в эту основу»⁵.

Можно с большой долей уверенности утверждать, что П.И. Кушнер разделял данные взгляды на роль науки в обществе и соотношение науки и идеологии. Приверженность Кушнера марксизму была продиктована глубоким внутренним убеждением. Для характеристики его позиции подходят слова Г.Д. Алексеевой, сказанные о историках-марксистах 1920-х годов: «<...> важное значение имеет понимание их деятельности в области истории <...> как самовыражения, как действия по глубокому убеждению и преданности коммунистической идее. У них не было компромиссов, сделки с совестью, двойной игры, двух языков общения с читателем и коллегами <...>»⁶. Совмещение до степени неразличимости научных, идеологических и политических задач, которые ставил в своей деятельности П.И. Кушнер, было свойством, органически следовавшим из его мировоззрения, а не навязанными, как в случае многих других ученых, «правилами игры». Это давало ученому своеобразное «чутье», позволявшее ему выбирать наиболее востребованную в данной ситуации и времени тематику, быть, в определенном смысле, на шаг впереди своих коллег. Однако наиболее востребованная тематика была, в то же время, наиболее рискованной и контролируемой властью. В

судьбе П.И. Кушнера проявился своего рода парадокс: самостоятельность, с которой он ставил эти вопросы и предлагал свои решения, приносила ему зачастую больше неприятностей, чем лавров.

Научная биография П.И. Кушнера делится на два этапа: 1920-е – начало 1930-х годов и 1940–1950-е годы. Применительно к первому периоду ученого нельзя однозначно отнести к определенной научной дисциплине. С точки зрения этнографии, в 1920-е годы Кушнер – фигура скорее маргинальная. Он не принадлежал к сложившимся этнографическим школам и был чужд миру академической науки в целом. На протяжении 1920-х годов он был одним из наиболее активных представителей молодого поколения сторонников марксизма, пришедших в общественные науки или с партийно-государственной службы, или через созданные большевиками научные учреждения. В этнографии такой фигурой был первый директор Института этнографии Н.М. Маторин. Сходство между Маториным и Кушнером можно усмотреть и в том, что, первоначально не будучи профессионалами в своей области, они все же вели достаточно конструктивную научную и организационную деятельность.

Большую часть своей энергии в 1920-е годы Кушнер посвящал педагогической работе. Созданный им учебник «Очерк развития общественных форм» отражал представления советских марксистов о ходе исторического процесса. Распространенный огромными тиражами, он, в свою очередь, несомненно, повлиял на представление об истории целого поколения студентов – будущих управленцев и партийных деятелей. Этот учебник представлял собой талантливую компиляцию, впечатлявшую охватом материала и количеством информации. На этнографическую науку эта работа могла оказать лишь опосредованное влияние, в качестве части идеологического «фона» способствуя внедрению в нее марксистской теории формаций.

Основанная на полевом материале монография П.И. Кушнера «Горная Киргизия» была посвящена политически актуальной проблеме изучения социального строя и «докапиталистических пережитков». Эти вопросы стали в центре внимания новой марксистской этнографии, им были посвящены первые монографии многих молодых ученых, ставших ключевыми фигурами в дальнейшем развитии науки – Б.О. Долгих, Л.П. Потапова, С.А. Токарева и др.

Рубеж 1920–1930-х годов был временем резкого поворота во всех сферах советского общества, включая науку. В общественных дисциплинах на смену относительному плюрализму пришла жесткая унификация в рамках советской версии марксизма. «Перекраивание» научных дисциплин негативно отразилось и на судьбе этнологии/этно-графии, легитимность которой в новой системе «марксистской классификации наук» также была поставлена под сомнение. Критики этнологии использовали своеобразную смесь марксизма и марксистской фразеологии. Важно подчеркнуть, что эта критика исходила от людей, профессионально с этой наукой не связанных. «Претензии на методологический диктат» исходили, как справедливо отмечает Т.Д. Соловей, «от части молодого поколения советских обществоведов»⁷. Они объединились вокруг Н.Я. Марра, придав его лингвистической теории марксистское звучание. «Расстановка сил» внутри и вокруг этнографии того периода верно охарактеризована А.М. Решетовым: «<...> в конце 20-х годов XX в. были воинствующие, мало смыслившие в этнографии радикалы-марксисты, во главе которых стоял Аптекарь. Были и такие марксисты, которые сами занимались полевой, научно-исследовательской и преподавательской этнографической деятельностью, которые руководили этнографическими учреждениями и соответственно понимали значение этнографии как науки и ее роль в жизни современного им советского общества»⁸. Кушнер занимает в этой картине отдельное, своеобразное место: он был марксистом, занимался этнографическими сюжетами, не при-

надлежал в тот момент к кругу профессиональных этнографов, но и не был среди радикалов-марксистов, требовавших «отмены» данной науки. Различны были и их судьбы: т.н. радикалы оставались в науке до массовых репрессий 1936–1937 гг., в ходе которых большая их часть погибла. Кушнер же ушел из науки в начале 1930-х, однако выжил и реализовал себя как ученый в послевоенное время. Его временный уход из науки был результатом действия двух факторов: резкой критики, которой подвергалась его деятельность в печати, и наличием «связей» на высоком уровне советского государственного аппарата, дававшим возможность начать новую карьеру.

Возвращение Кушнера к активной научно-исследовательской деятельности состоялось в 1943–1944 гг. Он фактически возглавил осуществлявшуюся силами этнографов «московской группы» ИЭ работу по изучению этнического состава населения территорий, представлявших интерес с военной и дипломатической точек зрения. Карты и исторические справки, составлявшиеся этнографами, имели значение главным образом для государственных органов, готовившихся к участию Советского Союза в послевоенном переделе европейских границ. Выполнение государственного задания сыграло решающую роль в укреплении лидерства С.П. Толстова как директора ИЭ, перенесения центра Института в Москву. Избрание именно Кушнера в качестве руководителя данной работы и назначение его заведующим сектором этнической статистики и картографии ИЭ, возможно, было связано с его дипломатическим опытом.

В конце 1940-х годов происходит переосмысление задач и предметной области этнографической науки, в основе которого было смещение акцента с социально-экономической проблематики, формулировавшейся в терминах теории формаций, к этнической. С.П. Толстов и другие теоретики, в том числе Кушнер, подчеркивали, что этнография является отраслью истории, изучающей культурно-бытовые особенности народов, ее «угол зрения» заклю-

чается в выявлении этнической специфики, национальных особенностей культуры того или иного народа. Это было обусловлено целым комплексом причин. С одной стороны, сказывалось, по-видимому, стремление этнографов возродить традиционную для своей науки проблематику. С другой – этому способствовал идеологический климат предвоенного и в особенности послевоенного времени.

Монография Кушнера «Этнические территории и этнические границы» является настолько же характерным выражением этой тенденции, насколько «Горная Киргизия» отражала тенденцию социологическую. Ее можно рассматривать в том числе как этногенетическое исследование. Концентрация на проблематике территориального размещения народов, а также выбор в качестве объекта изучения территории Восточной Пруссии были обусловлены прикладным характером работы. В то же время решение прикладных задач выводило ученого на постановку теоретической проблемы природы этнических различий – своего рода «основного вопроса» этнографической науки. Он формулировал его как проблему признаков, позволяющих исследователю определить этническую принадлежность группы людей. В число этих признаков Кушнер включал национальное самосознание, язык, формы жилища, одежду, пищу и т.д.

Наибольшее влияние ученого на дальнейшее развитие теоретических и эмпирических исследований в отечественной этнографии связано с его разработкой проблемы национального самосознания. На материале русско-украинского пограничья он поставил вопрос о национальном самосознании как подчас единственном «этническом определителе». Национальное/этническое самосознание вошло в теорию этноса в качестве важнейшего признака этноса. Кроме того, Кушнер писал о необходимости изучения этнических процессов, под которыми понимал изучение изменений, происходящих со всеми «этническими признаками».

Исследователем, продолжившим теоретическую разработку проблем, намеченных П.И. Кушнером, стал В.И. Козлов. Область его научных интересов во многом схожа с областью интересов Кушнера: это прежде всего этническая статистика и демография, он также принимал участие в работах по этническому картографированию, подготовке историко-этнографических атласов. В.И. Козлов стал одним из виднейших теоретиков – авторов советской теории этноса. В теоретической области между этими исследователями также прослеживается определенная преемственность. М.Н. Губогло отметил: «Профессионал высокого класса П.И. Кушнер (Кнышев) предпочитал (а может быть, был вынужден) говорить скорее об этнических определителях, но отнюдь не об этнических различиях. Даже не замеченный в проявлении верноподданнических чувств к все сильным номенклатурным структурам В.И. Козлов сконцентрировал свое внимание скорее на этнических определителях, но уклонился от анализа весьма скользкой по советским меркам темы об этнических различиях»⁹. Теоретические работы В.И. Козлова действительно построены на анализе соотношения этноса и его признаков/определиителей: языка, самосознания, территории и др. В отношении двух последних Козлов ссылался на Кушнера как на наиболее авторитетного теоретика¹⁰. Он также уточнил понятие «этнический процесс» и продолжил разработку типологии этих процессов.

В 1950-е годы сложилось два основных направления этнографических исследований: первое – изучение традиционной культуры и этногенеза, второе – изучение современности. Работы П.И. Кушнера послевоенного времени охватывали, как уже говорилось, весь диапазон – от этногенеза и составления историко-этнографических атласов до изучения колхозного крестьянства. Коллективная монография «Село Вириятино в прошлом и настоящем», подготовленная под его руководством и при непосредственном участии, наряду с другими работами такого рода, знаменовали

«поворот к современности», осуществленный в 1950-е годы. В конце 1920-х – 1930-е годы этнографы изучали современное состояние еще не подвергшихся или находящихся в процессе коллективизации деревень, кишлаков и аулов. Наиболее социально активные из них ставили во главу угла изучение проблем, актуальных для властей в контексте готовившейся и проводившейся советизации и коллективизации, подчеркивали конфликтный характер изучавшихся обществ, классовое расслоение, «эксплуататорскую» сущность верхушки этих обществ и т.д. В 1950-е годы они уже имели дело с колхозной действительностью. В так называемых «колхозных монографиях» на первом плане – показ этой новой действительности, в которой, напротив, подчеркивается солидарность, торжество коллективизма и, в то же время, «культурный рост» колхозников и восприятие ими социалистических ценностей. Большая часть полученной этнографами информации, шедшей вразрез с таким образом советской действительности, попадала или в отчеты для партийных и государственных органов, или оставалась в неиспользованных полевых материалах. Впрочем, тесная связь изучения современности с различными политическими и идеологическими мотивами и возникающие на этой почве коллизии характерны, разумеется, не только для советской этнографии.

В начале 1990-х годов о наследии советской этнографии было высказано немало критических суждений. Одной из главных причин недовольства ученых этим наследием был цензурный диктат, не позволявший объективно и всесторонне изучать современность и, вследствие этого, развитие исследований главным образом традиционной культуры, материальной культуры, этногенеза. Еще в 1985 г. В.И. Козлов констатировал, что работа по составлению историко-этнографических атласов является трудоемкой и нередко неблагоприятной с научной точки зрения: сбор большого количества материала производится «в лучшем случае для частичного уточнения “типологизации”», а со-

ставленные карты «пополняют обширные груды “этнографических источников”»¹¹. Важнейшей причиной «кризисных явлений в советской этнографии» в 1992 г. он назвал давление марксистской идеологии и аппарата ЦК КПСС. В работе этнографов это проявлялось в стремлении уйти от «конъюнктурного исследования проблем современности» к изучению этно-традиционной культуры и быта конца XIX – начала XX вв.¹² В.Н. Басилов также отмечал воздействие цензуры и «мелочного надзора» власти за творчеством этнографов: «Цензура предельно суживала возможность выполнения одной из основных функций этнологии – изучения современности. С одной стороны, на необходимость исследовать процессы современности этнографам постоянно и требовательно указывали высокие чиновники. С другой стороны, ученые прекрасно знали, каких результатов от них ждут»¹³. Пагубное воздействие на объективность этнографических работ таких идеологических установок, как «культура национальная по форме, социалистическая по содержанию», отмечал Г.Е. Марков¹⁴. В.И. Шнирельман, как и Г.Е. Марков, сделал вывод об условности идентификации советской этнографии с марксизмом. Он также указывал на невозможность в советское время честного изучения современности во всей ее целостности. Наименее изученной, по его мнению, оказалась социальная структура народов СССР, в то время как этнографы испытывали гипертрофированный интерес к материальной культуре, «так называемым народным традициям», некоторым чертам хозяйства и картографированию¹⁵. В.И. Тишков указывал на то, что в советской этнографии действовала этика колониальной антропологии, связанной с «обслуживанием структур власти» и улучшением управления¹⁶. Впрочем, в последующие годы критических оценок стало меньше, размышлявшие о судьбах науки авторы стали отмечать и позитивные стороны. К примеру, тот же В.Н. Басилов в 1998 г. назвал послевоенный период «самым плодотворным для отечественной этнографии»¹⁷.

Приведенные выше оценки, высказанные учеными, внесшими значительный вклад в развитие отечественной этнографии, безусловно, обоснованны. В то же время следует иметь в виду замечание Л. Грэхэма о том, что политическое влияние на науку является в ее истории скорее правилом, чем исключением. Он также справедливо отметил закономерность, согласно которой научные дебаты в СССР в большинстве своем были вызваны политическими причинами, однако со временем выходили «далеко за пределы политической области в действительно интеллектуальную сферу»¹⁸. Именно такую «траекторию» можно проследить как в научной деятельности П.И. Кушнера, так и в разработке в советской этнографии затрагивавшихся им проблем. Предпринятое в данной работе изучение его творчества, на наш взгляд, доказывает, что оно является важной частью истории отечественной этнографии, «противоречивой, но созидательной деятельности поколений ученых, только благодаря которой современная этнология и существует»¹⁹.

¹ Философский словарь. / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 199.

² Бухарин Н.И. Наука и СССР // Научный работник. 1927. № 11. С. 9.

³ Там же. С. 11.

⁴ *Vucinich A.* Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970). Berkeley, 1984. P. 79. Подробнее о представлениях советских идеологов и ученых о роли науки в советском обществе см. также: *Кожевников А.Б.* О науке пролетарской, партийной, марксистской // *Метафизика и идеология в истории естествознания.* М., 1994.

⁵ *Аверкиева Ю.П.* Ответ Ст. Данну // *Советская этнография* (далее – СЭ). 1965. № 6. С. 86.

⁶ *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука // *Историческая наука в России в XX в.* М., 1997. С. 42.

⁷ *Соловей Т.Д.* Отечественная этнология: от «золотого века» в 1920-е годы к кризису 1990-х годов // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология 1960–1990 годов. М., 2003. С. 233.

⁸ *Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 163

⁹ *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003. С. 542.

¹⁰ *Козлов В.И.* Этнос и территория // СЭ. 1971. № 6; *он же.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2.

¹¹ Обсуждение статей Л.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований // СЭ. 1985. № 4. С. 71.

¹² *Козлов В.И.* Между этнографией, этнологией и жизнью // Этнологическое обозрение (далее – ЭО). 1992. № 3. С. 7,12.

¹³ *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // ЭО. 1992. № 4. С. 4.

¹⁴ *Марков Г.Е.* О бедной науке замолвим слово... // ЭО. 1992. № 5. С. 4.

¹⁵ *Шнирельман В.А.* Наука в условиях тоталитаризма // ЭО. 1992. № 5. С. 8,11.

¹⁶ *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1. С. 13.

¹⁷ *Басилов В.Н.* Традиции отечественной этнографии // ЭО. 1998. № 2. С. 25.

¹⁸ *Грэхэм Л. Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 12.

¹⁹ *Никишенков А.А.* Выступление на обсуждении книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу» // ЭО. 2005. № 3. С. 128; см. также: *Тишков В.А.* Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М., 2004.

Труды П.И. Кушнера*

О первобытном коммунизме // Записки Коммунистического университета им. М.Я. Свердлова. Т. II. М., 1924.

Предисловие к книге Г. Шурца «История первобытной культуры». М., 1923.

Русский культурный центр в 1908–1915 гг. // Пролетарская революция. 1924. № 8–9.

Очерк развития общественных форм. Изд. 1-е – 7-е. М., 1924–1929.

Первобытное и родовое общество. (Хрестоматия для высшей школы и комвузов). М., 1925.

Пять общественных укладов. М., 1927.

Нужно ли изучать общественные формы? // Историк-марксист. 1927. № 6.

Манапство в горной Киргизии // Революционный Восток. 1927. № 12.

О книге Д.М. Петрушевского «О некоторых предрассудках и суевериях в исторической науке» // Историк-марксист. 1928. № 8.

Письмо в редакцию // Большевик. 1928. № 6.

Горная Киргизия (социологическая разведка). М., 1929.

О марксистском понимании социологии // Историк-марксист. 1929. № 12.

* В список трудов П.И. Кушнера не включены его статьи в газетах и публицистические статьи в общественно-политических журналах.

Предисловие // Гуковский А.И. Трахтенберг О.В. Очерк истории докапиталистического общества и происхождения капитализма. М.;Л., 1931.

Феодализм. М., 1931.

Предисловие // Н.И. Зибер «Очерки первобытной экономической культуры» М., 1937.

Музей народов СССР // Советский музей. 1938. № 11.

Этническая территория и методы определения ее границ // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3. № 2.

Меморандум правительства Федеративной народной республики Югославии об этническом составе Юлийской Краины // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т. 3. № 3.

Об этнической статистике европейских стран // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (далее – КСИЭ). Вып.2. М.;Л., 1947.

Государственный музей народного быта Латвийской ССР // Советская этнография (далее – СЭ). 1948. № 3.

Этническая граница (к вопросу об этнических рубежах в Европе) // СЭ. 1948. № 4.

Н.И. Зибер (К 60-летию со дня смерти) // СЭ. 1948. № 4.

Этническая граница (Опыт обобщенной характеристики типов этнических границ в некоторых европейских странах) // Труды II Всесоюзного географического съезда. Т. 3. М., 1949.

Этническая граница и этническая (этнографическая) территория (методы исследования) // КСИЭ. Вып. 6. М., 1949.

Учение Сталина о нации и национальной культуре и его значение для этнографии // СЭ. 1949. № 4.

Национальное самосознание как этнический определитель // КСИЭ. Вып. 8. М.;Л., 1949.

О методах определения этнического состава населения в полосе этнических границ // КСИЭ. Вып. 11. М., 1950.

Методы картографирования национального состава населения // СЭ. 1950. № 4.

Новая учебная этнографическая карта СССР // СЭ. 1950. № 4.

Программа для сбора сведений по этнографическому изучению культуры и быта колхозного крестьянства в республиках Советской Прибалтики // КСИЭ. Вып. 12. 1950.

Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

Об этнографическом изучении колхозного крестьянства // СЭ. 1952. №1.

Об этнографическом изучении социалистической культуры и быта народов СССР // СЭ. 1953. № 1.

Какое изображение мы видим на луне? (Об атласе немецкого народоведения) // СЭ. 1953. № 3.

Поездка в Чехословакию // СЭ. 1954. № 2.

Этнографическое изучение современного сельского быта в СССР // Československa etnografie. 1954. № 1.

Карта национального состава населения Латвии в 1935 г.// Труды Института этнографии АН СССР. Т.23. М., 1954.

Роберт Андреевич Пельше (1880–1955) // СЭ. 1955. № 3.

Карта народов СССР (учебная для средней школы). 1955. (В соавторстве с П.Е. Терлецким).

О русском историко-этнографическом атласе // КСИЭ. Вып. 22. М., 1955.

Об этнографическом изучении семьи у колхозного крестьянства СССР // Этнографическое совещание. М.;Л., 1956.

О некоторых процессах, происходящих в современной колхозной семье // СЭ. 1956. № 3.

Село Вирятино в прошлом и настоящем. М., 1958 (отв. ред., автор введения и глав 1, 7).

Народы СССР. Краткий справочник. Под ред. С.П. Толстова, П.И. Кушнера и П.Е. Терлецкого. М.;Л., 1958.

Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967 (отв. ред.).

Этническое прошлое юго-восточной Прибалтики. Вильнюс, 1991.

Архивные материалы

Архив Института этнологии и антропологии РАН (АИЭА). Москва.

Личное дело П.И. Кушнера (Кнышева)

Личное дело С.М. Абрамзона

Ф. 142 Оп. 2. Д. 18

Ф. 32. Оп. 4. Д. 448/Д, 2508, 2576, 2590, 4246

Архив Российской академии наук (РАН). Москва.

Ф. 142. Оп. 1 (1942-1948). Д. 2, 5, 6; Оп. 1. Д. 8, 9, 23, 116, 167, 168, 169, 206, 212, 220, 274, 278, 280, 352, 373, 439, 509, 591, 637, 640, 754, 1050, 1070

Ф. 350. Оп. 2. Д. 233

Ф. 359. Оп. 1. Д. 10, 69, 201

Ф. 377. Оп. 1. Д. 450; Оп. 2. Д. 1, 47, 130

Ф. 478. Оп. 1. Д. 88

Ф. 677. Оп. 2. Д. 76, 82, 126

Архив Музея антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамера) (АМАЭ). Санкт-Петербург.

Ф. К-1. Оп. 3. Д. 7

Архив Института истории материальной культуры (АИИМК). Санкт-Петербург.

Ф. 2. Оп. 1 (1932 г.). Д. 201; Оп. 3. Д. 535

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Москва.

Ф. 5221. Оп. 6. Д. 30; Оп. 10. Д. 23

Ф. 7668. Оп. 1. Д. 97, 371, 632

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва.

Ф. 17. Оп. 125. Д. 398

Ф. 62. Оп. 2. Д. 257, 278, 281

Ф. 124. Оп. 2. Д. 842

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Москва

Ф. 5. Оп. 35. Д. 55; Оп. 17. Д. 426.

Центральный архив общественно-политической истории Москвы (ЦАОПИМ).

Ф. 7349. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 11

Личный архив Г.П. Кушнера.

Кушнер (Кнышев) П.И. Колхоз как объект этнографического изучения (тезисы доклада). Без даты.

Письмо П.И. Кушнера директору Института этнографии АН СССР. 6 октября 1951 г.

Кушнер П.И. О процессе изменения некоторых этнографических особенностей быта сельского населения в многонациональных районах СССР. Тезисы доклада. 1953 г.

Кушнер П.И. Национальность и семья (тезисы). 1957 г.

Толстов С.П. Неотложные мероприятия для развития советской этнографии (памятная записка). 1953 г.

Опубликованные источники и литература

А.Д. Институт по изучению народов СССР (ИПИИ) // Советская этнография (далее – СЭ). 1931. № 1–2.

Абрамзон С. У истоков манапства (Экспедиционные очерки) // Советская Киргизия. 1930. №№ 228, 262.

Абрамзон С. Этнографическая работа в Киргизии // СЭ. 1931. № 1–2.

- Абрамзон С.М.* Современное манапство в Киргизии // СЭ. 1931. № 3–4.
- Абрамзон С.М.* Этнографическое изучение Киргизии за 20 лет // Наука в Киргизии за 20 лет. Фрунзе, 1946.
- Абрамзон С.М.* Об этнографическом изучении колхозного крестьянства // СЭ. 1952. № 3.
- Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
- Абрамзон С.М.* «Советская этнография» в начале 1930-х годов // СЭ. 1976. № 4.
- Аверкиева Ю.П.* Ответ Ст. Данну // СЭ. 1965. № 6.
- Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 1922–1952. / Сост. В.Д. Есаков. М., 2000.
- Алексеева Г.Д.* Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке // История и историки. 1971. М., 1973.
- Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука в России в XX в. М., 1997.
- Алымов С.С. Решетов А.М.* Борис Алексеевич Куфтин: изломы жизненного пути // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003.
- Алымов С.С.* Отражение поиска идентичности этнологии как науки в учебниках В.Г. Тан-Богораза, П.И. Кушнера и П.Ф. Преображенского // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 2003.
- Алымов С.С.* Павел Иванович Кушнер: между наукой и идеологией // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М., 2004.
- Алымов С.С.* Дмитрий Николаевич Анучин: «естественная история человека в широком смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М., 2004.
- Алымов С.С.* «Горная Киргизия» П.И. Кушнера: текст и контекст // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. СПб., 2005.
- Андреев Н.* История развития общественных форм. Л., 1926.

- Андреев Н.Н., Плотников И.С.* История общественных форм. Пг., 1923.
- Андреанов Б.В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме. Автореф. канд. диссертации. М., 1951.
- Артемова О.Ю.* А.М. Золотарев: трагедия советского ученого // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 1999.
- Артизов А.Н.* Судьба историков школы М.Н. Покровского // Вопросы истории. 1994. № 7.
- Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М., 1968.
- Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А.* Этносоциология. М., 1999.
- Арциховский А., Воеводский М., Киселев С., Толстов С.* О методах вредительства в археологии и этнографии // Историк-марксист. 1937. № 2.
- Афанасьев В.* Этнографическое изучение современного села // Новый мир. 1968. № 10.
- Байбурин А.К.* Этнография нашего быта // Утехин И. Очерки коммунального быта. М., 2004.
- Бартольд В.В.* Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927.
- Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 1992. № 4.
- Басилов В.Н.* Традиции отечественной этнографии // ЭО. 1998. № 2.
- Бертран Ф.* Наука без объекта? Советская этнография 1920-1930-х гг. и вопросы этнической категоризации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 3.
- Благодарим судьбу за встречу с ним. О С.А. Токареве – ученом и человеке. М., 1995.
- Богданов А. Степанов И.* Курс политической экономии. Т. I. М., 1920.
- Богданов А.А.* Исторический материализм и вопросы первобытной жизни // Вестник Социалистической академии. Кн. 3. М.;Пг., 1923.
- Богораз В.Г.* Стационарный метод этнографии // Этнография. 1929. № 2.

- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
- Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
- Бромлей Ю.В., Чистов К.В.* Ордена Дружбы народов Институту этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – 50 лет // СЭ. 1983. № 4.
- Брук С.И.* Опыт использования источников различного типа при составлении этнических карт (по материалам За-рубежной Азии) // Краткие сообщения Института этногра-фии АН СССР (далее – КСИЭ). Вып. 28. М., 1958.
- Брук С.И., Козлов В.И.* Основные проблемы этнической картографии // СЭ. 1961. № 5.
- Брук С.И., Козлов В.И., Левин М.Г.* О предмете и задачах этногеографии // СЭ. 1963. № 1.
- Брук С.И. Рабинович М.Г.* Историко-этнографические ат-ласы // СЭ. 1964. № 4.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М., 2005.
- Буров-Петров.* На борьбу с байством и манапством. Фрунзе, 1927.
- Бухарин Н.И.* Наука и СССР // Научный работник. 1927. № 11.
- Быковский С.Н.* Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма // Сообщения ГАИМК. 1932. № 3–4.
- Быковский С.Н.* Доклассовое общество как социально-экономическая формация // СЭ. 1934. № 1–2.
- Быковский С.Н.* Ленин и проблемы истории доклассового общества. М.;Л., 1935.
- Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. / Под ред. С.М. Абрамзона. М., 1958.
- Вайнштейн О.Л.* История советской медиевистики. 1917–1966. Л., 1968.
- Васильков Я.В.* Трагедия академика Марра // Христиан-ский Восток. Новая серия. Т. II (VIII). СПб.; М., 2001.
- Вербицкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. М., 1992.
- Вернадский В.И.* Публицистические статьи. М., 1995.

Воздвиженская О.Н., Лашук Л.П. О некоторых вопросах этнографического изучения колхозного крестьянства // СЭ. 1952. № 1.

Воробьев Н.И. К вопросу об этнографическом изучении колхозного крестьянства // СЭ. 1952. № 1.

Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. / Сост. Д.Д. Тумаркин. Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004.

Гарданов В.К., Долгих Б.О., Жданко Т.А. Основные направления этнических процессов у народов СССР // СЭ. 1961. № 4.

Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М., 2003.

Гуковский А. [Рец. на:] Кушнер П.И. Очерк истории общественных форм // Историк-марксист. 1927. № 4.

Гуковский А.И. Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6.

Гуковский А.И., Трахтенберг О.В. Фазы общественного развития М.;Л., 1926.

Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке // СЭ. 1987. № 4.

Дискуссия о марксистском понимании социологии (открытое заседание социологической секции Общества от 22 февраля 1929 г.) // Историк-марксист. 1929. № 12.

Диспут о книге Д.М. Петрушевского // Историк-марксист. 1928. № 8.

Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов // Сборник этнографических материалов № 2. Л., 1927.

Дьяков Е.А., Стародубова А.А., Стародубов С.И. Обсуждение книги «Село Вирятино в прошлом и настоящем» // СЭ. 1959. № 2.

Жданко Т.А. Этнографическое совещание 1951 г. // СЭ. 1951. № 2.

Жданко Т.А. Историко-этнографический атлас Средней Азии // СЭ. 1955. № 3.

Жданко Т.А., Крупянская В.Ю., Терентьева Л.Н. Об организации и методике полевых этнографических исследований // СЭ. 1956. № 3.

Замошкин Ю.А. Взаимоотношение идеологии и науки // Социологические проблемы науки. М., 1974.

Золотарев Д. Десятилетие Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран АН СССР (КИПС) (1917–1927) // Человек. 1928. № 1.

Иванов Л. Необъективные обобщения // Новый мир. 1965. № 4.

Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки. М., 1968.

Иванова Ю.В. Петр Федорович Преображенский: жизненный путь и научное наследие // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., 1999.

Игнатьев Р.Н. Проблемы и подходы в изучении политических и этнических границ // Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства. М., 2000.

Игнатьев Р.Н. Влияние политических границ на этническое самосознание. Диссертация на соискание ученого звания кандидата исторических наук. М., 2002.

Игнатьев Р.Н. Концептуальные подходы к изучению этнических и политических границ в зарубежных и отечественных исследованиях // Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование. / Отв. ред. Р.А. Григорьева, М.Ю. Мартынова. М., 2005.

Ильин Я. [Рец. на:] Ученые записки НИИ народов Советского Востока. Вып. 2. М., 1931 // СЭ. 1932. № 1.

Ипполитова А.Б. История Музея народов СССР в Москве // ЭО. 2001. № 2.

Историко-этнографический атлас Сибири. / Под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. М.;Л., 1961.

Карлов В.В. Советская историография об общинных институтах и обычном праве народов Сибири // Историогра-

фия этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989.

Кисляков Н.А. К вопросу об этнографическом изучении колхозов // СЭ. 1952. № 1.

Ковалев С.И., Некрасова Е.К., Равдоникас В.И., Смирнов И.И. Краткое введение в историю докапиталистических формаций // Известия ГАИМК. Вып. 99. Л.;М., 1934.

Кожневиков А.Б. О науке пролетарской, партийной, марксистской // Метафизика и идеология в истории естествознания. М., 1994.

Козлов В.И. Расселение мордовского народа в середине XIX – начале XX вв. Автореф. канд. диссертации. М., 1956.

Козлов В.И. Расселение мордвы – эрзи и мокши // СЭ. 1958. № 2.

Козлов В.И. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР (опыт исследования на примере мордвы) // СЭ. 1961. № 4.

Козлов В.И. О понятии этнической общности // СЭ. 1967. № 2.

Козлов В.И. Динамика численности народов. М., 1969.

Козлов В.И. Современные этнические процессы в СССР // СЭ. 1969. № 2.

Козлов В.И. Этнос и территория // СЭ. 1971. № 6.

Козлов В.И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса // СЭ. 1974. № 2.

Козлов В.И. Между этнографией, этнологией и жизнью // ЭО. 1992. № 3.

Козлов С.Я. Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет» // Выдающиеся отечественный этнологи и антропологи XX в., М., 2004.

КПСС и советское правительство о Советском Киргизстане. Сборник документов. Фрунзе, 1974.

Крупянская В.Ю. Рабинович М.Г. Соколова В.К. Токарев С.А. Павел Иванович Кушнер (Кнышев) // СЭ. 1968. № 3.

Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. / Под ред. Н.А. Кислякова. М.;Л., 1954.

- Левин М.Г.* Полевые исследования Института за 1947 г. // СЭ. 1948. № 3.
- Левин М.Г.* Этнографический атлас Сибири // КСИЭ. Вып. 15. М., 1952.
- Марков Г.Е.* Теоретические проблемы нomaдизма в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989.
- Марков Г.Е.* О бедной науке замолвим слово... // ЭО. 1992. № 5.
- Марков Г.Е.* Из истории изучения нomaдизма в отечественной литературе: вопросы теории // Восток. 1998. № 6.
- Март Н.Я.* К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории. М., 1930.
- Маторин Н.М.* Современный этап и задачи советской этнографии // СЭ. 1931. № 1–2.
- Мещанинов И.И.* Яфетидология и марксизм. Баку, 1930.
- Митрофанов А.* Об одной теоретической путанице и о вредных ее последствиях // Большевик. 1926. № 13.
- Моногарова Л.Ф.* Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны и народы Востока. Вып.16. Памир. М., 1975.
- Моногарова Л.Ф.* Памирцы – народности или субъэтносы таджиков // СЭ. 1989. № 5.
- Народы Средней Азии и Казахстана.* Т. 2. М., 1963.
- Неретина С.С.* Смена исторических парадигм в СССР // Наука и власть. М., 1990.
- Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. М., 1986.
- Никишенков А.А.* Эдуард Э. Эванс-Причард и противоречия этнографического познания // ЭО. 1997. № 3.
- Никишенков А.А.* Выступление на обсуждении книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу» // ЭО. 2005. № 3.
- Никольский В.* Старое и новое в доистории // Вестник Социалистической академии. Кн. 3. М.;Пг., 1923.

Никольский В. Лекции по доклассовому обществу. М., 1934.

Новов М. Организационная работа Русского культурного центра (1910–1914 гг.) // Пролетарская революция. 1924. № 8–9.

Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна о проблемах полевых исследований // СЭ. 1985. № 4.

Общее собрание членов Общества историков-марксистов (29 апреля 1927 г.) // Историк-марксист. 1927. № 4.

От редакции // СЭ. 1936. № 6.

Первобытное общество. Сборник статей под ред. Н.М. Маторина. Л., 1932.

Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. М., 1990.

Периц А.И., Чебоксаров Н.Н. Полвека советской этнографии // СЭ. 1967. № 5.

Пирейко А. Работа Русского культурного центра в легальных организациях // Пролетарская революция. 1924. № 8–9.

Погорельский П.В., Батраков В.С. Экономика кочевого аула Киргизии. М., 1930.

Потанов Л.П. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков «кунград» // Научная мысль. Вып. 1. Самарканд–Ташкент, 1930.

Потанов Л.П. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933.

Потанов Л.П. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников // КСИЭ. Вып. 3. М.; Л., 1947.

За высокое качество советской школы // Правда. 1934. 16 мая.

Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М., 1929.

Преображенский П.Ф. Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-иомудов // Этнография. 1930. № 4.

Пригожин А.Г. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Л., 1933.

Пучков П.И. Этническая ситуация в Океании. М., 1983.

- Рабинович М.Г.* Записки советского интеллектуала. М., 2005.
- Равдоникас В.И.* О сущности развития доклассового общества // Известия ГАИМК. 1932. № 5–6.
- Редин Н.* К вопросу о преподавании «истории развития общественных форм» // Историк-марксист. 1927. № 6.
- Резолюции Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 г. // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5–6.
- Репрессированные этнографы. / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. Вып. 1. М., 1999; Вып. 2. М., 2003.
- Решения пленума ЦК ВКП(б) и задачи научной общест-венности // Фронт науки и техники. 1937. № 5.
- Решетов А.М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4, 5–6. СПб., 1994.
- Решетов А.М.* Институт антропологии и этнографии – Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 // ЭО. 2003. № 5.
- Решетов А.М.* Трагедия личности: Николай Николаевич Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2. М., 2003.
- Решетов А.М.* Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отече-ственные этнологи и антропологи XX в. М., 2004.
- Русские. Историко-этнографический атлас. / Отв. ред. П.И. Кушнер. М., 1967.
- Садвокасов С.* О национальностях и националах // Боль-шевик. 1928. № 1.
- Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследо-вание. М., 2002.
- Село Вирятино в прошлом и настоящем. / Под. ред. П.И. Кушнера. М., 1958.
- Слезкин Ю.* Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // ЭО. 1993. № 2.
- Совещание по методологии этногенетических исследо-ваний в свете сталинского учения о нации и языке // СЭ. 1951. № 4.

Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк). Вып. 1. Ташкент, 1926.

Соколовский С.В. Этнографические исследования: идеал и действительность // ЭО. 1993. № 2, 3.

Соловей Т.Д. Эволюция понимания предмета этнографии в советской этнографической литературе. 1917–1932 // Вестник МГУ. Серия 8. 1990. № 5.

Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. М., 1998.

Соловей Т.Д. «Коренной перелом» в отечественной этнографии // ЭО. 2001. № 3.

Соловей Т.Д. Отечественная этнология: от «золотого века» в 1920-е годы к кризису 1990-х годов // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология 1960–1990 гг. М., 2003.

Социоанализ Пьера Бурдьё. М., 2001.

Социология в России. / Под ред. В.А. Ядова. М., 1998.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1952.

Станюкович Т.В. Из истории этнографического образования // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии (далее – ОИРЭФА). Вып. V. М., 1971.

Старый и новый быт. / Под ред. В.Г. Богораза. Л., 1926.

Стрекопытов С.П. Государственное руководство наукой в СССР. 1936–1958 гг. М., 1991.

Струве В.В. Советская этнография и ее перспективы // Советская этнография. Сборник статей. № 2. М.; Л., 1939.

Таболов К. Против линии национальной демократии (Ответ тов. Садвокасову) // Большевик. 1928. № 1.

Таболов К. По поводу «Письма в редакцию» П. Кушнера // Большевик. 1928. № 6.

Тахтарев К.М. Сравнительная история человеческого общества и общественных форм. Л., 1924.

Терентьева Л.Н. Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях // СЭ. 1969. № 3.

Терлецкий П.Е. О методах анализа и корректирования данных переписей об этническом составе населения Зарубежной Европы // СЭ. 1949. № 3.

Терлецкий П.Е. О новом методе этнического картографирования // СЭ. 1953. № 1.

Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992. № 1.

Тишков В.А. Авторитеты и преемственность в науке: вместо заключения // Выдающиеся этнологи и антропологи XX в. М., 2004.

Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936.

Токарев С.А. Из новой литературы о проблеме Юлийской Крайны // СЭ. 1946. № 3.

Токарев С.А. К постановке проблемы этногенеза // СЭ. 1949. № 3.

Токарев С.А., Чебоксаров Н.Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И.В. Сталина по вопросам языкознания // СЭ. 1951. № 3.

Токарев С.А. Советская этнография за 40 лет // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 2.

Токарев С.А. Ранние этапы развития советской этнографической науки // ОИРЭФА. Вып. 5. М., 1971.

Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества. М.;Л., 1934.

Толстов С.П. Этнография и современность // СЭ. 1946. № 1.

Толстов С.П. Советская школа в этнографии // СЭ. 1947. № 4.

Толстов С.П. Основные задачи и пути развития советской этнографии // КСИЭ. Вып. 12. М.;Л., 1950.

Толстов С.П. Итоги перестройки работы Института этнографии АН СССР в свете труда И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // СЭ. 1951. № 3.

- Толстов С.П.* Сорок лет советской этнографии // СЭ. 1957. № 5.
- Труд и быт в колхозах. / Под ред. Н.М. Маторина. Сб. 1. Л., 1931.
- Труды I Всесоюзной конференции историков-марксистов. М., 1930.
- Тумаркин Д.Д.* От составителя // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. М., 2004.
- Удальцов А.Д.* Теоретические основы этногенетических исследований // Известия АН СССР. Серия философии и истории. 1944. № 6.
- Феноменов М.Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. М., 1925.
- Фиельструп Ф.А.* Исследования среди кара-киргиз // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л., 1926.
- Философский словарь. / Под ред. И.Т. Фролова. М., 2001.
- Формозов А.А.* Русские археологи в эпоху тоталитаризма. М., 2004.
- Чагин Б.А., Клушин В.И.* Исторический материализм в СССР в переходный период. 1917–1936. М., 1986.
- Челянов Н.И.* Сеть высших учебных заведений в РСФСР за 10 лет // Научный работник. 1927. № 11.
- Чешко С.В.* Не публицистично, но и не научно (ответ оппоненту) // СЭ. 1989. № 5.
- Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье: история и судьбы традиционно-бытовой культуры. М., 1988.
- Численность и расселение народов мира. Под ред. С.И. Брука, М., 1962.
- Чокушев Б.* Классовая борьба в киргизских аилах (1918–1932). Фрунзе, 1990.
- Шервуд Е.А.* От англосаксов к англичанам. М., 1988.
- Шир Б.* Наука в борьбе с манапством // Советская Киргизия. 1930. №157 (9 июля).
- Шнирельман В.А.* Наука в условиях тоталитаризма // ЭО. 1992. № 5.

- Шнирельман В.А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // ЭО. 1993. № 3.
- Шулятева И.* Кузница партийных и советских кадров // Политическое самообразование. 1972. № 4.
- Этнологический факультет I МГУ. Учебный план, программы и пособия 1928–1929. М., 1929.
- Ярошевский М.Г.* Биография ученого как науковедческая проблема // Человек науки. М., 1974.
- Bertrand F.* L'anthropologie Soviétique des années 20–30. Configuration d'une rupture. Bordeaux, 2002.
- Bloch M.* Marxism and Anthropology. The History of a Relationship. Oxford, 1983.
- Clifford J.* The Predicament of Culture: the Twentieth-century Ethnography, Literature and Art. L., 1988.
- Dunn St. & E.* The Peasants of Central Russia. N.Y. 1967.
- Hirsh F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. N.Y.;L. 2005.
- Gellner E.* State and Society in Soviet Thought. Oxford, 1988.
- Patterson T.* A Social History of Anthropology in the United States. Oxford, 2001.
- Slezkin Y.* Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Berkeley, 1994.
- Slezkin Y. N. Ia.* Marr and the National Origins of Soviet Ethnogenetics // Slavic Review. 1996. Vol. 55. № 4.
- Stocking G.W.* Race, Culture and Evolution. N.Y., 1969.
- Stocking G.W.* Victorian Anthropology. N.Y.; L., 1987.
- Stocking G.W.* After Tylor: British Social Anthropology. 1888-1951. Madison, 1995.
- The Village of Viriatino. N.Y., 1970.
- Vucinich A.* Theoretical Problems of Soviet Ethnography // The State of Soviet Science. Cambridge, 1965.
- Vucinich A.* Foreword // *Dunn St. & E.* The Peasants of Central Russia. N.Y., 1967.
- Vucinich A.* Empire of Knowledge. The Academy of Sciences of the USSR (1917–1970). Berkeley, 1984.

The book is a historiographical study of the life and work of a prominent Soviet ethnographer and historian P.I. Kushner. His intellectual biography is considered in the context of the development of social sciences in Soviet Russia in the years 1920-1950, especially ethnography. The author demonstrates that a detailed study of Kushner's scientific activity reveals a lot about the history of this discipline.

Kushner can be viewed as one of the key figures in his field. He usually chose for his studies the problems which were in the center of scholars' attention at the moment. Thus, scrutinizing the sphere and shift of his interests we can get the idea of similar developments which were characteristic to the work of other Soviet ethnographers. History of Soviet ethnography was closely interrelated with processes which took place in the sphere of state ideology and party national politics. Kushner's life and work is almost an ideal example of this interconnection and contradictions it led to. He made a long way to ethnography from the ranks of professional revolutionaries. Being a member of the Bolshevik party since 1905, he occupied rather high posts in the party-state apparatus in the first years of the revolution and retained communist convictions and Marxist worldview throughout his life. This helped him pose the most politically relevant social problems of his time. Thus, in the 1920s, right before the collectivization he was among the first scientists to conduct a sociological research on the social structure of nomads – the topic widely discussed since that time. He also wrote the most popular in the 1920s textbook on the “history of social forms” attempting to present an overall Marxist interpretation of history. During World War II he headed the research project intended to ascertain the ethnic composition of the territories where the war actions were held.

All these facts, however, do not make him only a convenient proponent of a presumably unified party position or a blind follower of a “general party line”. Raising politically relevant questions he tended to give them answers which often run counter to prevailing or ideologically correct views. Thus, he was sharply criticized for his denial of “primitive communism” and controversial conclusions of his fieldwork among the Kirgiz which resulted in his forced and temporal withdrawal from scientific work in the 1930s. He did not support statements made by the “leftists” that ethnography is incompatible with Marxism and must be abandoned. Heading the team of ethnographers doing fieldwork in a Russian village of Viriatino in the 1950s he also faced (as well as imposed himself) various ideological restraints.

The book draws heavily upon archival sources. The author used materials of eight archives of Moscow and Saint-Petersburg. These are the archives of scientific organizations (Russian Academy of Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Museum of Anthropology and Ethnography, Institute of History of Material Culture), state and (former) party archives and the personal archive of P.I. Kushner’s son G.P. Kushner. These materials cast new light both on the life and work of Kushner and the process of making ethnographic knowledge in the Soviet Union. Published sources include works of various social scientists, mainly ethnographers, and party ideologists. Additional information is taken from interviews with ethnographers who worked with or remember Kushner and with his son.

Введение.....3

Глава I. **Основные вехи жизненного пути П.И.Кушнера**.....15

Глава II. **Научная деятельность П.И. Кушнера в 1920–1930-е гг.**

1. История развития общественных форм.....61

2. Дискуссии о первобытном коммунизме, социально-экономических формациях и месте этнографии в системе общественных наук.....74

3. «Горная Киргизия» П.И. Кушнера: текст и контекст.....91

Глава III. **П.И. Кушнер и советская этнография 1940–1950-х гг.**

1. От социального к этническому. Теоретические основы послевоенной советской этнографии131

2. Монография П.И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы» и ее значение для разработки проблем этногеографии, этнических процессов и этнического самосознания.....145

3. «Село Вирятино в прошлом и настоящем» и проблемы этнографического изучения современности в 1950-е гг.180

Заключение236

Иллюстрации.....248

Источники и литература	257
Summary.....	275